

Вера Ивановна Крыжановская

Мертвая петля

Глава 1

«Я-то спою, исполню свой долг, сказал петух, - а рассветет или нет, это - уж не от меня зависит».

(Грузинская пословица).

На Большом проспекте Петербургской стороны стоял старинный каменный двухэтажный дом с садом.

Очевидно, в нём давно не было никакого ремонта, и дом имел запущенный вид; из под обсыпавшейся штукатурки на стенах кое-где выглядывали кирпичи, а украшавшие ворота и поддерживавшие герб с княжеской короной кариатиды выветрились, почернели и стояли с отбитыми носами.

Был холодный и мглистый октябрьский день. Ворота дома были открыты настежь, а за ними виднелся большой мощёный двор и подъезд с двумя фонарями на каменных колоннах, бывших когда-то белыми, но теперь ставших грязно-серыми.

В глубине двора, у чёрного входа, собралось несколько человек прислуги, оживлённо разговаривавших. Там был дворник в полосатой шерстяной фуфайке и с метлой в руках, швейцар, лакей в сильно поношенной ливрее, конюх и повар в колпаке и фартуке сомнительной чистоты. Они окружили и слушали молодого плутоватого лакея, который громко разглагольствовал.

- А я вам повторяю, что то - правда. Голову даю на отсечение - не нынче завтра про то объявка будет. Кто хочет со мной об заклад биться на бутылку шампанского, которую я беспрременно сопру в обручение? - нагло усмехаясь, закончил лакей.

- С ума ты спятил, Петр! Подумай только, что городишь. Статочное ли дело, чтобы князь Пронский, большой барин, вельможа, можно сказать, отец пятерых детей, и женился на жидовке? Ведь срамота-то какая, подумай, да стыд для всего семейства! Нет, про то подумать невозможно! Ты что-нибудь путаешь, - ответил старый лакей.

Его озабоченное, морщинистое лицо даже покраснело от негодования.

- Эх, Прокофий Емельяныч! Как вы, значит, тридцать с лишним лет в доме прожили, да лучшие времена видывали, так вот вы и не можете к разорению господ привыкнуть. А я вам то, верно говорю, что к свадьбе идёт. И дивиться тут нечему, когда об наших делах помыслишь. Всюду долги: дом заложен и последнее именъешко продано; а векселя да исполнительные листы так дождём и сыпятся. По всем, как есть, магазинам задолжали. От таких делов и на самой чёртовой прабабушке женишься.

- Ещё бы, - вмешался повар, размахивая ложкой, которую держал в руках. - В мясной забрали больше трёхсот рублей, и того гляди, кредит закроют, а в молочной и зеленой тоже давно не плачено. А какое у нас меню? Тьфу! Разве это обед в княжеском доме? Коли перемены не будет, я двадцатого числа от места отказываюсь. Право, стыдно нос показать в лавке. Да я сам за последний месяц жалованье не получал.

- Всё равно как я, - со вздохом проворчал швейцар. - Мне ещё за два месяца должны. Ливрея вся сносилась; полюбуйтесь, какую заплату мне жена на локтю поставила; даже не отдали портному в починку. Кабы не дети, да большая комната с кухней, я бы давно ушёл.

- Очень просто, что убежишь от энтакого дома. Работы сверх головы. Вот уж пять часов, а у меня куска во рту не было. Даже и «чаев» нет, потому никто из настоящих господ к нам не ездит, - презрительно прибавил Петр.

- А что это за жидовка такая? С толкучки что ли? - осведомился Прокофий, слушавший молча и грустно понутив голову. - Там из старьёвщиков есть очинно богатые! Вот, к примеру, Мовша Майдель, у которого я пальто и другие вещи покупаю, большие деньги имеет, да и дочь у него, кажется, есть.

- Вот ещё! Что выдумали! - захихикал молодой лакей. - Нет, наша будущая княгиня другого сорта; ейный «тателе» миллионщик, банкир Аронштейн, а она у него единственная дочь. У одного из братьев в Киеве громадный сахарный завод; а другой Аронштейн богатющий

лесоторговец в Вильне. Я его знаю, он теперича здесь. Его камердинер мне двоюродным братом приходится; вот он то мне и рассказал все новости.

- Как же это князь может жениться на жидовке, когда наш закон запрещает нехристей за себя брать? - не сдавался Прокофий, хватаясь за это соображение, как утопающий за соломинку. На это Петр в ответ только презрительно свистнул.

- Ну, это свадьбе не помеха. Она крестится, только и всего. Вообще, почтеннейший Прокофий Емельяныч, всему этому тиранству, на счёт веры, конец приходит. Не дальше как позавчера я слышал, как барин с сенатором Алымовым о том говорили, что в Питере это - решенное дело, и что будет объявлена свобода веры; тогда всякий женится на ком угодно, даже веру себе выберет кто какую захочет. Я вам предсказываю так же верно, как прозываюсь Петром Биелковским, что тогда много русских перейдёт в нашу свенту виру католическу!

- То правда, - поддержал его повар, заядлый поляк и фанатик, подобно Петру. - Потому наша

вира католическа - панска вира, а ваша православна - хамска для быдла, для голодрапанцев.

Оба поляка были рады задеть за живое их непримиримого врага - Прокофия, не менее стойко защищавшего всегда своё православие, национальность. Но тот, в ответ на оскорбление, плюнул в сердцах повару в лицо и пошёл в дом.

- А, пшеклентый москаль, - заревел повар, бросаясь ему во след с поднятой ложкой в руке, - ты за это поплатишься.

Ссора, вероятно, закончилась бы свалкой, в которой принял бы участие и конюх с вожжами в руках, но в это время лихач влетел в ворота и остановился у большого подъезда. Люди поспешно разошлись.

- Папа дома? - спросил приехавший на извозчике юный камер-паж.

- Никак нет! - Его сиятельство в десять утра изволили выехать, - ответил Петр, помогая ему выйти из экипажа.

Прибывший был юноша лет девятнадцати, высокий и стройный, с густыми белокурыми

волосами и темно-кариими глазами, казавшимися почти чёрными. В эту минуту он был, по-видимому, чем-то взволнован и озабочен.

Расплатясь с извозчиком, он вошёл в обширную прихожую с колоннами и стал подниматься по широкой лестнице, без ковра, украшенной двумя белыми мраморными вазами, предназначавшимися для цветов или растений, но теперь пустыми. На первой площадке лестницы стояло большое зеркало в роскошной, но почерневшей от времени раме, а рядом бронзовая статуя женщины, державшей лампу.

Паж поднялся во второй этаж и длинным коридором прошёл в просторную и запущенную комнату, с двумя венецианскими окнами в сад. Мебель была золочёная, крытая старым, выцветшим штофом; письменный стол и пузатая шифоньерка, в стиле Людовика XVI, украшенные бронзой и медальонами, были верхом изящества; потолок был расписной и лепной. Через открытую, красного дерева дверь видна была спальня с большой постелью, драпированной голубым на оранжевой шелковой подкладке штофом; стены были расписаны

амурами и гирляндами. Но всё это как-то завяло, выцвело, износилось и говорило о минувшей роскоши и погибшем богатстве, которое теперь своими блестящими обломками прикрывало всюду проглядывавшую нищету. Белесоватый полусвет тёмного октябрьского дня только усиливал это мрачное и тоскливое впечатление, рассеять которое не мог яркий огонь, пылавший в камине.

Юноша снял каску и шпагу, расстегнул мундир и, усталый, опустился в кресло. Он так крепко задумался, что не заметил, как вошёл старый лакей и поставил подле него на стол поднос с чаем, хлебом, маслом и сыром.

- Не угодно ли испить стаканчик горячего чайку? Погода нынче студёная.

Паж вздрогнул и выпрямился.

- А, это ты, Прокофий? Спасибо, старый друг, но чаю я не хочу. Скажи-ка лучше, знаешь ли ты, что здесь творится... насчёт отца, - добавил он с усилием. Старый слуга смутился.

- Болтают разное, - нерешительно, вполголоса ответил он. - Да я поверить не могу, чтобы его сиятельство забыли, кто они...

Старик запнулся, увидав, что молодой князь закрыл лицо руками и тяжело вздохнул.

Настало молчание, как вдруг отворилась дверь из коридора, и на пороге далась молоденькая, лет восемнадцати, девушка, которую по сходству с пажем можно было принять за его сестру.

Она была стройна и тонка, с дивным цветом лица и большими, чёрными, как у газели, глазами; густые, золотисто-каштановые волосы, заплетённые в две косы, падали ниже колен.

По-видимому, она тоже была в сильном волнении: щеки её пылали, и глазки горели. Девушка бросилась к брату, схватила его за руку и заговорила, торопливо задыхаясь:

- Арсений, если бы ты только знал, что мне сегодня сказали в консерватории! Одна из учениц моего класса, Айзенберг, понятно еврейка, объявила, что папа женится на её кузине. Я ответила, что она лжёт и что никогда жидовка не будет княгиней Пронской, но тогда

Китти Бахтина подтвердила её слова и сказала, что в свете тоже все говорят про этот брак. Я не могла от волнения кончить свой урок и тотчас же уехала домой; да и теперь ещё вся дрожу... Какой позор!

Её душили слёзы и, опустившись в кресло, она судорожно зарыдала. - Ninon, Ninon, успокойся, - бросился утешать её брат и, встав на колени около неё, обнял сестру.

- Ну, не плачь же, дорогая! Это неправда, это пустая сплетня. Сестра положила голову на плечо брата и закрыла глаза; но вдруг выпрямилась и сказала сквозь слёзы:

- Знаешь, что? Пойдём к бабушке...

- Да, пойдём и расскажем ей всё.

- В эту минуту раздался стук колёс у подъезда, и молодые люди вздрогнули.

- Это папа! Идём скорее, чтобы с ним не встретиться, - торопливо пробормотала княжна.

И они пустились бежать по коридору. Затем, через скрытую в стенной резьбе дверь, брат с сестрой выскочили на лестницу и оттуда

шмыгнули в другой коридор, который привёл в гардеробную, где дама в тёмном платье прибирала в стенной шкафчик разные коробочки и склянки с лекарствами.

- Фрейлейн Амалия, бабушка не спит? - спросил Арсений.

- Нет, княгиня встала, - приветливо ответила им компаньонка, жившая в доме больше двадцати лет и знавшая детей с рождения.

Соседняя с гардеробной спальня была пуста и освещалась лишь горевшими перед большим киотом лампадами, но через полуоткрытую в другую комнату дверь пробивался свет. Вдруг Арсений, схватив сестру за руку, остановил её и приложил палец к губам; в комнате, рядом, хлопнула дверь, и слышался звучный голос отца:

- Я не беспокою вас, татап?

- Нисколько, мой дорогой. Милости просим. Я ещё не видала тебя сегодня.

Бесшумно подкрались молодые люди к двери и, притаясь в складках опущенной портьеры,

заглянули в комнату, где их бабушка, Евдокия Петровна Пронская, сидела в кресле у стола.

Худое и бледное лицо старой княгини сохранило следы редкой красоты. Её большие голубые глаза смотрели молодо и умно. Серебристо седые волосы прикрывала кружевная косынка; широкий шёлковый капот вырисовывал стройный ещё стан, а руки, которые перебирали в корзинке шелка и шерсть, были красивы и белы, как у молодой женщины.

Князь-отец был человек лет под пятьдесят, но казался гораздо моложе. Высокого роста, худощавый и стройный, он очень походил на мать; у него были такие же, как у неё, голубые глаза и тот же холодно гордый вид. Чёрные, чуть серебрившиеся на висках и бороде волосы, придавали ему моложавость, что противоречило общему усталому выражению его лица. От него веяло бесспорным, врождённым благородством.

Поцеловав руку матери, он сел у стола и слегка дрожавшей рукой подвинул шёлковую бабочку на абажуре так, чтобы его смущённое лицо осталось в тени.

- Ну, что же, мой милый? Ты словно хотел мне что-то сказать, - спросила княгиня, удивлённо и беспокойно смотря на озабоченное лицо сына, который нервно крутил усы.

Князь встал и, заложив руки в карманы, прошёлся по комнате, а затем остановился перед матерью.

- Дорогая мама, я должен сообщить вам нечто, очень важное, - решительно сказал он.

- Боже мой! - испугалась княгиня. - У тебя снова денежные затруднения? Или тебе отказали в обещанном месте губернатора, и нужно дом продать?

- Ничего подобного. Напротив, я избавлен на будущее время от всяких материальных забот, могу дать детям блестящее воспитание и поддерживать Арсения в гвардии; а что касается губернаторства, то оно теперь за мною вернее обеспечено, чем когда-нибудь. Короче говоря, я получил сегодня 250,000 и через три недели получу ещё столько же. Правда, что жертва, которую я для этого приношу, громадна и очень тяжела для самолюбия всех нас, но... - он на

минуту остановился, - я должен был это сделать и жертвую собою, чтобы спасти семью. Не могу же я, в самом деле, мести улицы ради куска хлеба!..

- Что же это за сделка, давшая тебе такие деньги и которую ты считаешь тяжёлой жертвой?

- Женитьба, - коротко и строго ответил князь.

Лицо княгини густо покраснело и потом побледнело.

- А, понимаю: какая-нибудь московская купчиха староверка? Да, признаюсь, это тяжело!

Князь тяжело вздохнул.

- Нет, тамап. Та, к которой я вчера посватался, - дочь банкира Моисея Аронштейна, Сарра. Впрочем, отец позволяет ей креститься, и она принимает лютеранство.

Княгиня стремительно встала, и корзинка с работой полетела на пол. Лицо её побледнело, а губы так дрожали, что она не могла говорить. Испуганный князь поддержал её и хотел усадить в кресло.

- Матап, придите в себя.

Но княгиня оттолкнула его.

- Жидовка?.. Ты, князь Пронский, женишься на жидовке... Ложь!.. - почти крикнула она и бессильно упала в кресло, как подкошенная.

- Будьте же рассудительны, матап! Вы ослеплены отжившими предрассудками. которые в наше время не имеют никакого смысла.

- Не имеют смысла? - И княгиня сухо рассмеялась, а лицо её снова побагровело. - Ты сам слеп, если не понимаешь, что кровавыми слезами заплатишь впоследствии за совершаемую тобою подлость. Да, подло связываться с мерзким племенем, врагом всего христианства и пьющим христианскую кровь, - задыхаясь, продолжала она. - Этим ты не только оскорбляешь память твоей покойной жены, но осквернишь душу своих детей, сделаешь свой дом очагом всяких преступлений и бесчинств, потому что этот ненавистный всем народ, не имеющий ни отечества, ни нравственных начал, где бы ни поселился, всюду подрывает веру, честь и благосостояние приютившей его страны.

Тебе хорошо известно, что теперь они ополчились на нашу несчастную Россию, и в такую-то именно минуту ты избираешь, чтобы продать им себя! Ведь, как только эта проклятая баба переступит твой порог, вся орава её родни облепит тебя и не выпустит из когтей, пока твоё древнее имя не будет затоптано в грязь, честь твоя поругана, а сердце и душа твоих детей заражены. Опомнись, Жорж? Швырни им их Иудовы серебряники, за которые они покупают твой княжеский титул, а тебя обращают в рабство. Пусть лучше мы будем бедны, продадим всё, что есть, но только - не этот позорный торг. Никто из нас роптать не будет. Арсений пойдёт по иной дороге, Ninon станет работать...

В эту минуту следившие за разговором Арсений и Нина стремительно кинулись в комнату и упали перед отцом на колени.

- Папа, папа, не делай этого, не давай нам такой мачехи, - со слезами говорили они.

Князь побледнел и попятился. Голос его стал хриплым от волнения, когда он резко оттолкнул руки детей.

- Оба вы глупы и воспитаны в глупых предрассудках. Евреи - такие же люди, как и все, а моя невеста - развитая и вполне воспитанная девушка. Наконец, раз я дал своё слово, стало быть, всё бесповоротно решено; а вы примите вашу belle-mere¹ с должным уважением, которого она вполне заслуживает. Вот моё последнее слово... Он почти выбежал из комнаты, громко хлопнув дверью. Старая княгиня вскочила со своего места, протянула руки, словно пытаясь удержать сына, и сделала несколько шагов, но вдруг зашаталась и замертво рухнула на ковёр.

- Бабушка, бабушка, не умирай!.. Ты - наша единственная опора, - крикнула Нина, бросаясь в испуге к Евдокии Петровне, которую Арсений старался приподнять.

Из гардеробной прибежала привлечённая шумом фрейлейн Амалия и помогла князю с княжной перенести бабушку на кровать.

Глава 2

¹ Мачеха

Весь бельэтаж громадного дома на Сергиевской был ярко освещен, сквозь кружевные занавеси больших зеркальных окон видны были горевшие тысячами огней громадные люстры и движение нарядной толпы; швейцар еле успевал отворять двери гостям, подъезжавшим кто в собственных экипажах, кто на извозчиках, а то и просто пришедшим пешком.

Дом принадлежал миллионеру, банкиру Моисею Соломоновичу Аронштейну, который праздновал в кругу близких помолвку своей единственной дочери с князем Пронским. Ему хотелось теперь хвастнуть своим торжеством перед многочисленной роднёй, давно сторожившей великое событие обручения Сарры с титулованным «гоем», попавшим, наконец, в их сети.

Аронштейны были родом из Вильны и вышли из еврейской голытьбы. Дед их был мелким фактором, отец сначала держал на пограничной станции меняльную лавочку, но затем, путями, ведомыми одним евреям, быстро разбогател. Умирая, он оставил своему сыну, Моисею,

банкирский дом в Петербурге, а прочим сыновьям и дочерям хорошее состояние, которое они приумножили в свою очередь.

В этот день вся семья, за малым, впрочем, исключением, была в сборе. В кабинете хозяина собрались мужчины: два его брата, Аронштейны из Киева и Вильны, три зятя Мандельштерны из Варшавы, Катцельбаум из Бердичева и Бернштейн из Одессы, брат m-me Аронштейн, рожденной Эпштейн, и ещё трое молодых, из которых один был адвокат, а двое - студенты университета. Кроме близких, тут был раввин и несколько друзей.

Собрание было типичное. Несмотря на изысканные костюмы и роскошь окружавшей обстановки, пошлость этих господ с размашистыми манерами была в глаза; жаргон, употреблявшийся в своем кругу, звучал несносно крикливо, потому что многие говорили зараз, стараясь перекричать друг друга. Наконец, ни куренья, ни духи не могли заглушить тот специфический запах, который еврей, подобно негру, распространяет вокруг себя, и в кабинете стоял тяжёлый, неприятный воздух.

Разговор шёл шумный и оживлённый, потому что речь коснулась политики, а настоящее положение дел и планы на будущее страстно увлекали собеседников.

Поднят был жгучий вопрос о еврейском равноправии, и обсуждавшиеся способы скорейшего достижения этой, страстно желанной цели, вызывали горячие споры. Самым страстным из говорунов был адвокат Аарон Катцельбаум. Ни на какие уступки он не шёл и громко заявлял, что народ их тогда только займёт положение, принадлежащее ему по праву и соответствующее его энергии, жизненности, работоспособности и культурно-либеральным стремлениям, когда министры будут из евреев и возьмут в твёрдые руки бразды правления, когда в армии и во флоте израильские генералы станут начальствовать наравне с христианами и когда во всём государственном управлении влияние еврейства будет преобладающим.

- Это и есть та, конечно, цель, к которой мы должны стремиться и которую достигнем непременно, потому что гои сами расчищают нам дорогу своей продажностью, низостью и

постоянной, губительной для них же рознью. Тем не менее, такое грандиозное предприятие должно быть исподволь и тщательно подготовлено: чтобы разрушить здание, надо прежде подрывать фундамент и расшатать стены, - заметил старый Бернштейн и затем с довольной улыбкой продолжал:

- Без всякого преувеличения теперь уже можно сказать, что труднейшая часть этой подготовительной работы закончена. Обеднение и упадок дворянства идёт своей дорогой, денационализация, на подкладке либерализма и равнодушия к вере, подвигается исполинскими шагами, захватывая высшие классы, школы и рабочую массу, т. е. армию будущей революции. Наконец, самое трудное - несправедливое и возмутительное предубеждение против нас, которое выросло на почве долгих веков нашего унижения, скоро исчезнет.

- Исчезнет?! Нет, мало! Этот предрассудок надо обернуть против них: мы должны презирать наших гонителей, дать им почувствовать наше отвращение, нашу ненависть и доказать, что

низшая раса это - они! - крикнул один из студентов, потрясая кулаком.

- Ша-а-а! Ша-а-а! - успокаивал его с громким смехом Бернштейн. - Ох, уж эта молодежь! Не умеет она ждать терпеливо. Разве ты не понимаешь, сыночек, что прежде чем достичь чего желаешь, надо обезоружить гоя, усыпив, если не убив, в нем недоверие к нам; словом, надо довести его до того, чтобы он считал нас равными себе. В этом отношении смешанные браки - превосходное средство и оказали нам неоценимые услуги. Многие Дочери Израиля повыходили замуж за знатных людей, даже сановников Империи, и деятельно расчищают дорогу своим братьям. С другой стороны, и христианские женщины, даже из дворянской среды, потеряли то отвращение, которое им внушал еврей. Наши артисты обладают секретом воспламенять их страсти, и вот княжны с графинями весьма охотно рождаются с нами. Эти глупые гои стараются отрывать от нас наших единоверцев и по-детски радуются, когда им удастся совратить кого-нибудь из нас в христианство; а между тем, они не замечают, что

мы ведь тоже миссионерствуем, и притом несравненно с большим успехом. Не далеко уже то время, когда вся, так называемая, «интеллигенция» гоев не будет признавать Христа, как и мы Его не признаём. В таком смысле и надо продолжать работать дальше, как в прессе, так и в литературе: разложение нравов, семьи и атеизм dokonчат развал их быта, который идёт уже довольно быстро.

- Это правда, - перебил его биржевой маклер Мандельштерн. - Когда произойдёт какой-нибудь политический неожиданный взрыв, тогда только станет ясно, сколько людей, русских по рождению, но лишённых всякого личного достоинства, национального сознания, патриотизма, даже разума, примутся проповедывать анархию и крушение былых творческих начал своего народа. Их атрофированные мозги не будут уже в состоянии понимать, что этим они содействуют самоуничтожению и гибели своей родины; они уж теперь согласны предоставить нам всю громадную государственную территорию, чтобы мы могли воздвигнуть новый Иерусалим. Гнилая

бюрократия препятствовать нам не будет; а «власть имущие», - пхе! те уже - наши рабы. А когда понадобится, мы их купим, а не то просто отдадим приказ, который они исполнят в точности, не желая отведать револьвера или бомбы за послушание.

- Всё это, знаете, хорошо; но вы забыли одно, непочатое ещё и очень грозное препятствие, - заметил старик-инженер, качая головой. - Это мужик, которому в жизни нечего терять, который нас ненавидит и передавит, как клопов, едва только будут брошены вожжи дисциплины.

Адвокат разразился громким смехом.

- Ха, ха, ха! Ты отстал и несообразителен, дядя Мардохей! Мы, передовые бойцы за свободу, уже давно приготовили план, как нам одолеть мужика. Ты говоришь, что у него ничего не осталось, кроме жизни, а всё-таки, как она ни плоха, он ею дорожит, и у него всегда есть, хоть и слабая, но всё же поддержка в единокровном ему русском обществе. Надо, значит, натравить его на помещика, возбудить его жестокость и, вообще, довести эту тупую, презренную массу до поджогов, убийств и грабежей. И вот тогда,

когда усадьбы будут сожжены, машины переломаны, скот уничтожен, когда, наконец, все запасы расхищены, а леса вырублены, когда у землевладельцев останется лишь голая земля и ни копейки денег, чтобы отстроить разрушенное, что станут делать эти нищие? Они за грош продадут свой клочок голой земли и исчезнут, А мы, у которых будет золото, купим эти имения, устроим их и будем владычествовать над отрезвившимся крестьянством, которое вразумит и правительство, нами же руководимое. Будь уверен, дядя, что эти лодыри станут тогда прилежно трудиться для нашего обогащения и рады будут заработать кусок хлеба, потому что с ними примется соперничать другая армия голытьбы. То будут рабочие с фабрик и заводов, которые позакроются, не будучи в состоянии выдержать экономического кризиса, нами подготовленного. Тогда эта голодная сволочь разбежится по деревням «праздновать» под нашим уже владычеством ту «свободу», которую мы им отвоевали, избавив их от царского ига...

Взрыв гомерического смеха и бурные аплодисменты приветствовали речь адвоката. Но

тут беседа была прервана появлением новых гостей.

Это были христиане, при которых всё-таки нужно было быть настороже и не посвящать их в свои планы.

В будуаре хозяйки дома, Розы Аронштейн, в большой комнате, обставленной мебелью, крытой оранжевым атласом и бархатом, сидели «дамы» и пили чай. Все были очень нарядны, украшены кружевами и залиты бриллиантами, что, впрочем, не делало их приличнее, несмотря на всю их важность, щегольство и напыщенность.

Одна только старуха, маленькая и сморщенная, сидевшая подле хозяйки дома, выделялась из окружавшего общества своим скромным и старомодным обликом. Её парчовому, затканному большими букетами платью, мантилье с бахромой и вышитым воротником было, по крайней мере, лет пятьдесят, а из-под чёрного кружевного чепца виднелся парик с шёлковыми завязками. Но всё же парча была превосходная и старинная, застёгивавшая бархатную мантилью брошка

была из бриллиантов с горошину величиной, а круглые серьги заканчивались громадной цены жемчужинами в виде груш. Старуха эта, Фейга Аронштейн, мать банкира, была в доме чем-то вроде патриарха. Её уважали и берегли, в виду колоссального состояния, но её узкие, устарелые взгляды стесняли и возмущали всех.

По приглашению хозяйки, «дамы» прошли в соседнюю комнату, походившую теперь на гостинодворскую лавку. Там выставлено было приданое Сарры, заранее изготовленное, в предвидении помолвки. Подробный осмотр роскошного белья, платьев, пеньюаров, накидок и т.д., фарфора, серебра и бриллиантов, разложенных по столам, надолго занял всех. Когда вернулись в будуар, Фейга заметила одобрительно:

- Хороши, добры вещи есть, а много и модной дряни. Скажи, Рейза, и школьки тебе стоит этого чудного свадьба? Не дёшево, я думаю?

- То правда! За такого общипанного князя цена - дорогая; но ты знаешь, мамаша, что мы ничего не жалеем для нашего ребёнка. Ну, пусть будет себе большая знатная барыня, как она того

заслуживает. Ах, князь ужасно как влюблён в неё. Вот какие условия были у Мойши с князем: пятьсот тысяч ему лично; дано уже двести пятьдесят тысяч утром, а остальное получит в день свадьбы. Кроме того, мы платим все его долги, выкупаем дом на Английской набережной, родовое имение в Харьковской губернии и бриллианты покойной жены; этого он непременно требовал. Вообще, это дело стоит нам около полутора миллиона. Ай, - дорого, а нечего делать; раввин говорит, что торговаться не надо, потому этот человек может быть для нас полезным, когда получит место губернатора. Мне, признаюсь, это ужасно нравится.

- О, разумеется, ваша дорогая Саррочка займёт блестящее положение, а с её красотой, воспитанием и богатством она достойно сумеет исполнять обязанности, наложенные на неё высоким положением, - заметила одна из «дам».

Приятная улыбка расцвела на толстом лице т-те Аронштейн.

- Конечно, конечно, мы ничего не жалели для воспитания нашей дочки; я точно предчувствовала, что Сарра сделает блестящую

карьеру. Мы теперь будем её поддерживать хорошими пособиями, чтобы она стала популярной, когда будет губернаторшей. Она должна быть покровительницей всех благотворительных обществ, щедро раздавать милостыню бедным мужикам, наконец, объединить на своих балах, вечерах и обедах всю губернскую знать; всё у неё должно быть изысканно, особенно стол; русские-то любят поесть. Ну, а если они будут гордиться, да играть в антисемитов, наш любезный зятёк собьет им спесь. Мойша будет смотреть, чтобы он исполнял наши приказы; он и теперь начал было делать разные истории и хотел оставить детей у их бабушки, но мы воспротивились этому и поставили нашим условием, чтобы дети были под надзором своей мачехи, особенно старшая дочь Нина, которой восемнадцать лет. Та должна будет помогать Саррочке на приёмах. О, мы потребуем, чтобы её уважали в новой семье, - закончила хозяйка, обмахивая веером покрасневшееся лицо.

Фейга слушала длинную речь невестки молча, покачивая важно головой, и ответила внушительно:

- Если бы Мошеле спросил меня раньше, чем заключать таково глупого гешефта, я бы сказала ему, что все эти браки с гоями чистейший обман. Фай! Золото наше они берут, а нас всё-таки презируют, и Иегова отворачивается от таких женщин, которые из-за титула отрекаются от святой веры отцов.

- Но, мамаша, ведь это только для вида, что Сарра становится христианкой, - воскликнула m-me Аронштейн, краснея, как кумач.

- Для вида ли, нет ли, это уфсё равно - отречение. Наш несчастный, непризнанный народ должен избегать гоев, а не смешиваться с ними; наши дочери могут быть прекрасны, как ангелы, умны, честны, богаты, внести изобилие уф дома этих босяков, за которых выходят замуж, уфсё равно их ждут одне шпильке. И поделом им эти обиды! Это - тяжёлая рука Иеговы карает отступниц. Я сама достаточно нагляделась на такие несчастные браки. Чтобы не ходить далеко, вспомни, Рейза, маленькую

Ребекку, дочь фабриканта Гольшмана из Житомира. Она вышла за графа Вадлевского, и из её приданого тоже заплатили долги этого польского оборванца. А как с ней обращаются? Граф никогда у ней руки не целует, сам насмехается над ней перед детьми и называет «мой портмонэ», а прислуга за глаза зовёт её не иначе как «пархатой жидовкой». Очков не надо, чтобы видеть разницу, как она относится к графу с семьей и к ней. Ни разу еще граф не позвал родню жены на бал или обед: а, между тем, один брат у Ребекки - банкир, другой - адвокат, сестра замужем за инженером и двое дядей - доктора. Обидевшись одново раза, она потребовала, чтобы пригласили её родню, тогда граф грубо ответил ей: «Я ведь на тебе женился, а не на уфсём кагале, который желает втереться ко мне уф дом. Довольно и того, что я навязываю тебя близким и знакомым. Но если хочешь, позови их на обед или бал, когда меня дома не будет». - Я знаю, что стоили эти обиды бедной Ребекке, и то же самое, предсказываю, ждет Сарру.

- Никогда, никогда, - возмутилась обиженная т-те Аронштейн. - Во-первых, сравнения быть

не может между Саррой и глупой Ребеккой; та - типичная провинциальная неряха-евреечка, а её польский граф - каналья. Моя же дочь рождена быть знатной дамой, а князь - настоящий барин, который никогда не унижится до того, чтобы оскорбить любимую женщину. Хоть и дорого нам это вскочило, а я нисколько не жалею, лишь бы иметь зятем камергера князя Пронского. Это приятно звучит.

- Ты правду говоришь. Роза, - заметила г-жа Катцельбаум. - Твой князь и тот граф - это всё равно что настоящие кружева и дешёвая подделка, успокойся, мамаша. Ты живёшь в прошлом. Двадцать пять лет прошло, как Ребекка замужем, а с тех пор наше положение в мире совершенно изменилось.

- Будем пашматреть, - презрительно ответила Фейга. - Но я сильно опасаюсь, что моё мнение будет правильным. Теперь, как и двадцать пять лет назад, оставаться в своей среде - самое разумное.

Пока этот разговор происходил в будуаре, Сарра сидела и занимала знакомых в зале. Молодежь отпила чай и, разбившись на группы,

лакомилась конфетами и фруктами. Молодые люди, дамы и барышни весело болтали и смеялись.

Невеста князя была красивая девушка лет двадцати трех, восточного типа, высокая, хорошо сложенная, с ярко-пунцовыми губками, чёрными, как смоль, волосами и жгучими глазами; нос был с горбиком и цвет кожи матовой белизны. Белое кружевное, подбитое белым же шёлком платье обрисовывало её стройный стан; короткие рукава обнажали красивые руки, а полуоткрытый лиф вырисовывал уже пышный бюст. Жемчужное ожерелье с бриллиантовой брошью украшало шею, и у пояса был приколот букет роз. Это была чудная представительница своей расы, но ей не хватало лишь обаяния чистой девической прелести, а взгляд, блестящий порою из-под пушистых чёрных ресниц, был жестокий, лукавый и надменный.

Она то и дело взглядывала на входные двери. Не трудно было подметить её волнение, которое проявлялось в нетерпеливом открывании и

закрывании перламутрового веера. А злило её, в сущности, запоздание жениха.

Пустая болтовня гостей наскучила, по-видимому, Сарре и, воспользовавшись удобной минутой, она прошла из залы в маленькую гостиную, отделанную красным с золотом и изобильно уставленную роскошными цветами и растениями. Там, под пальмами, сидели двое людей, которых меньше всего можно было ожидать встретить в этом доме. То были два православных священника.

Один из них, своим семитическим обликом, мало отличался от прочей массы гостей; очевидно, он происходил из того же племени.

Другой был из священников последней формации: франтоватых и свободомыслящих, видящих идеал в лютеранском пасторстве и мечтающих сменить духовное облачение на пиджак с цилиндром. При входе молодой хозяйки оба они почтительно встали.

- Добрый гений привёл вас сюда, Сарра Моисеевна, потому что мы говорили именно про

вас и ваше намерение принять христианство, - сказал с улыбкой один из священников.

- А что? Разве вы не одобряете моё решение, отец Слепень? - многозначительно улыбаясь, спросила Сарра.

- Конечно, конечно, одобряем. Но вот отец Григорий вполне разделяет моё мнение о том, что вам следовало бы принять православие, а не протестантство.

- Какая же, однако, в вас сидит патриотическо-религиозная закваска, отец Григорий! Кто бы это мог думать? А я-то считала вас вполне «либеральным» человеком, врагом предрассудков, а тем более всякой религиозной нетерпимости, - презрительно и насмешливо заметила Сарра. Священник запротестовал.

- Нет, нет. Мною руководит, в данном случае, отнюдь не вероисповедное пристрастие: я слишком придерживаюсь точной науки и философского позитивизма, чтобы допускать религиозные предрассудки, и нахожу возмутительным, что народные верования продолжают эксплуатироваться детскими

сказками об аде, рае, будущей жизни и т. п. вздором. Я ни во что не верю, даже в Бога, которого исповедую; а день, когда будет уничтожен глупый культ устаревших верований, будет счастливейшим днём моей жизни.

- И тогда несметные богатства, прибавьте, собранные по церквам и монастырям, вернутся в народ, чтобы улучшить его положение, - перебил его самодовольно отец Слепень.

- Ну, это само собой разумеется. Однако вернёмся к цели нашего разговора. Если я советую вам, Сарра Моисеевна, принять православие, то лишь с целью не отличаться очень от остальной семьи князя, исповедующей строгую веру. Это окажет вам известную поддержку ввиду того, что брак ваш возбудит, вероятно, много недоразумений с роднёй вашего будущего мужа, в особенности со старой княгиней, которая пропитана отсталыми и смешными взглядами. Ох, уж наш народ! Какой он ещё отсталый даже в верхних, интеллигентных слоях. Как надо усердно работать, чтобы отвоевать религиозную свободу, которая одна только даёт нам возможность

постичь основные, истинные законы гуманности: всеобщее равенство и братство.

Преисполненный сверх либерального рвения отец Григорий не заметил презрительной усмешки, скользнувшей по лицу его собрата.

- Я с удовольствием принимаю ваш совет, - сказала Сарра. - По правде говоря, мне совершенно всё равно, в какой церкви я разыграю комедию, при посредстве которой удостоюсь чести сделаться княгиней Пронской что, однако, не мешает мне остаться верной Богу и вере отцов. Имейте в виду, господа, что я не могу терять много времени на приготовление к новой вере, и потому не слишком обременяйте меня поучениями.

- Ха, ха, ха! - засмеялся отец Григорий. - Не бойтесь, отец Слепень - пастырь разумный и обременять вас не станет. Он живо обделает всё, и вам так же легко будет стать православной, как скушать сандвич.

В эту минуту в зале произошло движение, а одна из барышень показалась в дверях и громко шепнула:

- Князь!...

Сарра поспешно вышла встречать жениха, но отец уже предупредил её и, насколько позволяла ему толщина, спешил, сияющий, навстречу дорогому будущему зятю.

Князь был бледен, имел усталый вид и извинился за опоздание, сославшись на ужасную мучившую его с утра мигрень.

Сарра осталась недовольна, что жених держал себя с ней холодно-сдержанно и успел сказать ей всего несколько слов.

Затем он был уведён Аронштейном-отцом в кабинет, где тот с олимпийским величием представлял ему новую родню, нисколько не смущаясь тем презрительным равнодушием, с которым князь встретил представлявшихся. После окончания этой церемонии, всё общество собралось в зале, и разговор пошёл общий и архи либеральный, вращаясь главным образом на распоряжениях правительства, действия которого подвергались резкому осуждению; целые ушаты грязи и «обличительной» лжи

выливались на министров и даже царскую семью.

Сидевший около Сарры князь участия в разговоре не принимал и чувствовал себя очень неловко в этой вражеской среде, оглушенный всё возрастающим шумом.

По мере того, как затрагивались жгучие вопросы, голоса становились резче и крикливее, движения стремительнее, а гг. провинциалы, позабыв в пылу спора всякое, хотя и мнимое достоинство, уже просто кричали; коверкаемый русский язык мешался с жаргоном, и этот гам угнетающе действовал на расстроенные уже нервы Георгия Никитича. Много раз посещал он Аронштейнов, но прежде или бывало мало народа, или общество, тщательно избранное и подобранное вперемешку с христианами, производило впечатление, как и всякой другой гостиной. Сегодня, на этом семейном сборище, он впервые почувствовал себя не в своей тарелке, встречая на каждом шагу пошлость или глупое панибратство невоспитанных людей. Высказывавшиеся здесь политические взгляды были ему так же противны, как и уродливый

говор, парик Фейги и чванство дурного тона, с которым супруги Аронштейны величали его, при всяком удобном и неудобном случае, «любезный будущий зятёк». Всё это, совместно с раздражением, вызванным сценой с матерью и детьми, делало его до того нервным, что он, выбрав минуту, когда Сарра заговорила с одной из дам, прошёл в маленькую гостиную, почти пустую.

Но там он наткнулся на отца Григория, и тот воспользовался случаем принести ему прочувствованные поздравления, которых не имел «удовольствия» до сих пор ему выразить.

- Бога ради, избавьте меня от поздравлений, я уже с головой засыпан ими, - явно недовольным тоном ответил ему князь. Батюшка хитро и злобно взглянул на него.

- Извините, пожалуйста, я не знал, что вы ждете соболезнований, а не поздравлений, - ядовито сказал он.

Не удостоив его ответом, князь повернулся к нему спиной и направился к хозяйке дома. Жалуясь на головную боль, ставшую

невыносимой, он простился и уехал в тот самый момент, как докладывали, что ужин подан.

Глава 3

За время отсутствия князя в его доме произошло печальное событие.

Евдокия Петровна уже давно страдала сердцем. Она много видела горя в жизни, да и единственный сын, которого она обожала, доставил ей много забот. Княгиня безропотно пожертвовала ему всё своё состояние, отказалась от своих вкусов и привычек, но последний удар, который он нанёс её гордости и убеждениям, поразил её насмерть.

Очнувшись после долгого и тяжёлого забытья, она почувствовала себя настолько плохо, что немедленно потребовала священника. Испуганный Арсений бросился к отцу, но узнал от Прокофия, что минут через десять, по возвращении от старой княгини, рассерженный Георгий Никитич уехал, не сказав куда. По приказанию молодого князя, люди побежали за доктором и священником, но смерть их

опередила, и, когда через час прибыли тот и другой, всё было кончено. Князя всё ещё не было дома.

Глотая слёзы, Арсений сделал необходимые распоряжения, и около одиннадцати часов вечера тело Евдокии Петровны уже перенесли в большую залу, где положили на катафалк.

Убитые горем дети забились, как испуганные птички в комнату старой няни, доброй старухи, бывшей кормилицы их матери, вырастившей всех их, преданной душой и телом их семье, а главное, пользовавшейся особым доверием покойной княгини.

В опрятной и уютной комнатке с образами в углу, увешанной по стенам картинками в рамах и работами детей, сидела теперь няня, Василиса Антиповна, держа на коленях двух младших, Надю и Андрюшу, - первая пяти, а второй восьми лет. Рядом с ней, на табуретке, склонив голову на плечо няни, примостился отпущенный на праздники из корпуса маленький паж Ника, а на диване, прижавшись друг к другу, в немом молчании сидели Арсений и Нина. На худощавом, морщинистом лице старухи

написана была глубокая скорбь, хотя всё же она старалась своим простым, душевным словом успокоить свой маленький мирок и, когда судорожные рыдания детей сменились тихими слезами, сказала:

- А теперь, детки, давайте помолимтесь за упокой бабушкиной души. Господь тяжело испытал её, призвав к Себе без причастия Святых Тайн. Но, по бесконечному милосердию Своему, Он зачтёт покойной княгинюшке её примерную христианскую жизнь. Помолимся же, чтобы душа её обрела вечный покой в обители праведных.

Все опустились на колени, и горячая молитва их несколько успокоила.

Затем Василиса раздела и уложила младших. Арсений с Ниной не могли спать и, уйдя в детскую, вполголоса обсуждали обрушившееся несчастье и опасность тёмного неведомого будущего с внушавшей им отвращение мачехой, в руки которой они должны были попасть за смертью бабушки.

Князь уехал от Аронштейнов с тяжёлой головой и в очень возбуждённом состоянии. В эту минуту ему одинаково были ненавистны прошлое, настоящее и будущее. Одно желание господствовало в нём, это - желание развеяться, забыть хотя бы на время своё тяжёлое положение. Он, во что бы то ни стало, хотел вернуть себе спокойствие, в виду тяжёлых сцен, неизбежно предстоявших ему назавтра, так как сопротивление матери на этот раз сломить будет не легко.

Он приказал кучеру везти себя к приятелю, графу Арфбергу; с этим кутилой-мучеником всегда можно было быть уверенным, что найдёшь чем развлечься и позабавиться.

У подъезда дома, где жил граф, стояло ландо, и хозяин собирался уезжать в обществе хорошенькой француженки-артистки.

- Какая счастливая мысль, дорогой князь, - радостно встретил он гостя, - У нас *partie fine*² на моей Каменноостровской даче. Там нас ждут ещё друзья со своими дамами. Мы вас не выпустим и

² изысканное развлечение

захватим по пути ещё какую-нибудь хорошенькую женщину. Кого бы нам взять с собой, Сюзанн? - обратился он к своей спутнице.

- Я предлагаю Жульетту. Она вернулась уже теперь из театра и будет в восторге провести время в милом обществе, - засмеялась та.

Был уже шестой час на исходе, когда князь вышел из экипажа у своего дома.

Он был в отличном настроении. Попойка удалась на славу, было шумно и весело, а вино и общество Жульетты совершенно рассеяли тяжёлые думы и опасения. Князь воспрянул духом и был настроен очень воинственно.

Снисходительная и добрая мать, несомненно, уступит; ведь она уже столько раз уступала и побеждала себя, а здесь и дело-то всё шло о каком-то отжившем предрассудке.

Напевая слышанную за ужином шансонетку, вошёл князь во двор, открыл своим ключом входную дверь и стал подниматься по лестнице. В прихожей он повернул электрическую кнопку и, сняв пальто, направился к себе в кабинет, где его ждал верный Прокофий; но, проходя

столовую и маленькую гостиную, перед кабинетом он вдруг остановился, как вкопанный.

Сквозь полуотворённую дверь в зале был виден свет, и до его слуха донёсся женский голос, читавший вполголоса и нараспев. У него выступил даже холодный пот на лбу. Что бы это значило?.. Сразу отрезвев, Георгий Никитич кинулся к дверям, распахнул их и застыл на пороге в немом изумлении.

Зала тонула в полутьме; посредине, озарённый мерцавшим светом лампы перед образом, стоял катафалк, а с боку, у аналая, со свечкой в руке, монахиня читала псалтырь. Князь подошёл к телу и откинул тюль. Крик ужаса и отчаяния застыл в горле; словно каменная глыба обрушилась на него и придавила.

Несмотря на свои слабости, расточительные вкусы и увлечения, князь боготворил мать, и сознание, что она пала первой жертвой заключенной им позорной сделки, бросило его в дрожь. И этот катафалк не был дьявольским наваждением, а ужасной действительностью. Пока он пировал и «рассеивал» вызванные им же

самим неприятности, здесь умирала его мать, и он был её убийцей...

Схватясь руками за голову, он сделал несколько шагов, а затем с глухим стоном упал без чувств.

Испуганная монахиня позвала на помощь. На её крик прибежали Прокофий с Петром и перенесли князя в его комнату.

Когда, на другой день, Георгий Никитич появился на первой панихиде, его густые чёрные волосы подёрнулись словно серой дымкой. Испуганные и заплаканные дети жались к старой Василисе. Они боялись отца, которого никогда не видали таким суровым и мрачным. Арсений и Нина тоже держались поодаль около фрейлейн Амалии и ни слова не сказали князю; но им иное, враждебное чувство замыкало уста: по вине отца, из-за его мерзкой женитьбы умерла бабушка... Что-то будет с ними без неё?

В день похорон собралось много родных и знакомых. В ожидании духовенства, общество сгруппировалось частью в зале, частью в гостиной, где была Нина, и разговор шёл

сдержанным шёпотом. Убитая горем, в глубоком трауре, Нина молча встречала или раскланивалась с входившими.

Молодая дама, жена моряка, родственница Пронских, подошла к княжне, отвела её в сторону и, выразив ей соболезнование, спросила:

- Скажи, дорогая, правда ли, что Георгий Никитич женится на m-lle Аронштейн?

Слёзы градом хлынули из глаз Нины.

- Вы уже знаете, Клодин?

- Увы, да! Это и убило тётушку...

Нина замолчала, стараясь подавить слёзы и оправиться, а Клодин обняла её и принялась утешать:

- Calmez-vous, chere Ninon³ - Конечно, внезапная смерть тёти страшное для нас горе; я понимаю, что для женщины старого поколения, с её предубеждениями, это было тяжёлым ударом, но всё-таки ей не следовало принимать так к сердцу. По крайней мере, ты, Нина, будь благоразумна и не считай выбор князя семейной

³ Успокойтесь, милая Нина

катастрофой. В наше время все старые предубеждения становятся смешными; богатая и хорошо воспитанная еврейка - такая же женщина, как и другая. Я нахожу вполне естественным и разумным, что князь вступает в такой выгодный брак, особенно в наши трудные времена. Кузен Биби, который бывает у Аронштейнов, говорил мне, m-lle Сарра - красавица и получила блестящее образование. Таким образом, вместо того, чтобы приходить в отчаяние, примите её как старшую сестру, введите её в ваш круг и постарайтесь придать недостающий ей светский лоск. Кроме того, m-lle Аронштейн несомненно крестится, а это смывает последний след её происхождения, которое вас коробит. Значит, ничто вам не мешает отнестись к ней тепло, по-христиански и полюбить её.

Нина с явным неудовольствием взглянула на неё.

- Вы не подумали о том, что говорите, и несправедливы к бабушке. У неё не было смешных предрассудков, и она была ко всем добра; но позора, обрушившегося на нашу

семью, она не могла пережить, в предвидении всего того зла, которое нас ожидает. Я должна, по-вашему, принять, как сестру, эту негодницу, которая нагло вторгается в нашу семью? Никогда! Этот отвратительный брак выроет бездну между папой и мной.

- Всё это глупости, - с усмешкой ответила Клодин. - Цивилизация уравнивает все расы. Я знаю, например, что германская аристократка вышла замуж за японца, китайцы женятся на англичанках или американках. Почему же тогда русскому не жениться на еврейке?

К ним в эту минуту подошёл её муж, который расслышал последнюю фразу Клодин и поддержал жену:

- Конечно, Нина Георгиевна, не принимайте близко к сердцу такое простое, в наши дни, дело. А ты рассказывала, за кого выходит ваша общая кузина, Лили? Это, может быть, и примирит княжну.

- Ах, да, Ninon ещё этого не знает. Лили безумно влюбилась в оперного артиста Муретова, дававшего уроки пения её брату,

Толе, и часто распевавшего с ней дуэты. На прошлой неделе они обручились, несмотря на неудовольствие и сопротивление всей семьи её опекуна, барона фон Фукса. Но Лили открыто заявила, что убежит из дома, повесится или утопится, если ей будут препятствовать; а так как у неё независимое, доставшееся от тётки состояние, то обуздать её довольно трудно.

- И поверьте, что тому это известно. Вот и основание его любви, - презрительно заметила княжна.

- Уж я не знаю, но зато Лили в восторге от женитьбы твоего отца, которая ей очень поможет сломить несогласие родных. Так перестань же отчаиваться, Нина! Сарра Аронштейн всё-таки - дочь банкира; а родители Муретова, или что то же, Лейзера Итцельзона, кажется, - старьёвщики из Могилёва. Но, конечно, это не мешает Лили быть счастливой и принимать у себя наш чопорный «свет», потому что в наш век главная сила - деньги. Кстати, вот что мне пришло в голову. У вас, вероятно, будет много богатых финансовых тузов; тогда и сестра моя, Соня,

поймает, может быть, кого-нибудь. Я стану возить её к вам.

Пораженная Нина молча и с негодованием слушала её, но ответить не успела, потому что прибыло духовенство, и началась лития.

Зала была полна народа, как вдруг сквозь толпу стали протискиваться двое вновь прибывших. Это были Аронштейн и Сарра, вся в чёрном и с венком из роз в руках.

Князь побледнел и нахмурился. Нина тоже вздрогнула; но остальная часть присутствовавшего аристократического общества несколько не разделяла, по-видимому, этих враждебных чувств.

Непрошеным гостям дружески пожимались руки; очевидно, их появление никого не удивляло и не коробило. Наоборот, общество точно забыло, или делало вид, что забыло причину смерти старой княгини, а присутствие Аронштейнов благодушно объяснило, как проявление вежливого внимания к пораженному горем новому члену их семьи.

Князь был мрачно сосредоточен и ограничился холодным поклоном. Когда он прощался с телом и помогал детям всходить на ступени катафалка, его душевный разлад и отчаяние бросались всем в глаза.

Сарра старалась держаться всё время поблизости жениха, и, когда гроб поставили на колесницу, она сделала даже шаг вперёд, явно ожидая, что князь предложит ей руку; но Нина предупредила её и поспешно взяла отца под руку. В её тёмных глазах блеснул вызов и решимость защищать принадлежавшее ей по праву место за дорогим гробом.

В эту минуту отец и дочь встретились глазами, и выражение глубокого сочувствия отразилось на лице Георгия Никитича. Он понял немой протест молодой девушки и крепко прижал к себе её руку.

Увидав, что её устранили с места, которое будто бы по праву принадлежало ей, чёрные глаза Сарры злобно блеснули; тем не менее, она ничем не выдала своего неудовольствия и, когда, после похорон, князь позвал некоторых родных и близких знакомых к себе завтракать, Аронштейн

с дочерью даже не стали ждать приглашения, а вернулись с прочими, запросто, по праву родства.

После завтрака приглашенные разъехались, но Сарра осталась и сделала обход прилегавших к столовой комнат, пренебрежительно оглядывая в лорнет мебель, картины и пр.

- Сколько здесь всего комнат? - вдруг спросила она.

- Двенадцать внизу и восемь во втором этаже, не считая людских, - ответил князь.

- Ах, нам будет немного тесно. Затем необходимо всё заново обмобилировать: то что я вижу здесь, было, несомненно, когда-нибудь очень красиво, но теперь... вышло из моды. Да и дом слишком удалён от центра.

Князь слегка покраснел.

- Я вовсе не намеревался. Сарра Моисеевна, помещать вас в доме, где скончалась моя мать. где собраны все воспоминания прошлого и святыни моей семьи, где я провёл первые годы моей женитьбы, самые счастливые в моей жизни, наконец, где родились мои дети и каждая

комната мне особенно дорога. К тому же, дом мне и не принадлежит. Он уже двести лет состоит в семье князей Радумовских, из рода которых происходила моя мать, а она по завещанию оставила этот дом в приданое моей старшей дочери. Нине. Мы поселимся пока на Адмиралтейской набережной, в доме, купленном моей покойной женой для сына Арсения. Я оставил для нас квартиру в двадцать шесть комнат и это нам должно хватить.

Голос князя звучал холодно, взгляд был строгий и враждебный. Сарра бесилась, но не посмела этого выказать и ничего не ответила. В эту минуту подошёл прощаться Аронштейн, торопившийся по делам.

Затаённая злоба Сарры длилась весь день и усилилась ещё тем, что ей приходилось скрывать её, потому что у них были гости. Только вечером, отказавшись под предлогом мигрени ехать с родителями в театр, она могла остаться, наконец, одна.

Надев капот, она отослала горничную и улеглась на кушетку, чтобы спокойно обдумать тревожные события минувшего дня. Она не

могла примириться с тем, что Нина лишила её удовольствия идти под руку с князем за гробом этой «старой дуры», которая посмела умереть со злости, что её титулованный оборвыш-сын женится на ней. Помимо этого огорчения, ещё больше бесил её ответ князя. Он посмел её учить, дав ей понять, что в родном гнезде, где проживали поколения князей Радумовских. она никогда жить не будет.

После получасового размышления, она села к своему роскошному письменному столу-буль и написала следующее письмо:

«Дорогой Енох!

Твой отец сообщил, наверно, тебе проект превратить скромную Сарру Аронштейн в княгиню Пронскую, и проект этот приводится в исполнение. Вот уже три дня, как я объявлена невестой, и скоро сделаюсь христианкой, т.е. проделаю комедию, которая даст мне красивое имя Зинаиды.

Хотя мой будущий супруг и не первой свежести, - он приближается к пятидесяти годам, но Жорж мне нравится: он хорош собой,

прекрасно сохранился и большой барин. Не скрою от тебя, однако, что понадобились железные тиски моего отца, чтобы принудить князя сделать мне предложение. Эти глупые гои воображают себя, в самом деле, чем-то высшим, сравнительно с нами; а всё-таки наше золото им не претит. Мне меньше нравится, что у князя пять человек детей, которые все боятся, что я делаюсь их мачехой. Но, разумеется, мне плевать на их неудовольствие.

Была ещё у Георгия мамаша, но милейшая княгиня была так поражена позором, покрывшим её княжеский род, что издохла, и это было очень умно с её стороны, потому что всё-таки, с её смертью, одним врагом меньше в семье, притом врагом ярым. Сегодня её хоронили; но моя свадьба отсрочена и состоится лишь в конце января. Однако это не единственная неприятность, которой я ей обязана. По-видимому, смерть матери вызвала у моего дражайшего князя затаённую злобу, которая вылилась сегодня в непростительной выходке. Когда я спросила, поселимся ли мы в их старом особняке, где князь живёт теперь, он заявил, что

там проживали его предки по материнской линии, князья Радумовские, там же он проводил счастливейшие годы со своей первой женой, и что каждая комната, всякая вещь для него - святыня.

Ты поймешь, конечно, тайный смысл его слов: присутствие «жидовки» в этом княжеском гнезде было бы для него позором. Забыла тебе сказать, что это «святилище» составляет приданое Нины, его старшей дочери. Это обстоятельство внушило мне мысль, которую я тебе изложу и которая посбавит спеси у этих надутых аристократов, незаслуженно осыпающих нас оскорблениями. А идея моя такова: тебе надо жениться на Нине, которая очень красивая девушка. А затем, ты водворишься в этом родовом гнезде, по правде говоря, ужасно запущенном; и будешь себе разводить маленьких Аронштейнчиков. Пикантная идея, не правда ли? Что ты будешь иметь полный успех, я в этом убеждена. Ты красив, Енох, и твоё музыкальное дарование - великая сила. Сколько уже христианок кланчило твою любовь, так что княжну ты победишь шутя.

Приезжай на мою свадьбу. Если Нина тебе понравится, - повторяю, она очень хороша собой, - ты возмёшь её себе в жёны; а нет - так ты можешь позабавиться и вскружить ей голову, только и всего».

Закончив письмо и адресовав его Еноху Аронштейну в Славгород, она злобно усмехнулась.

Погоди, недотрога-царевна! Когда ты будешь без ума от моего неотразимого красавца Еноха и поселишь его в своём Радумовском святилище, это будет оплатой твоему милейшему папаше за грубость, да и тебе за сегодняшнюю дерзость.

Несколько дней спустя, после похорон, князь позвал к себе сына.

Мрачный, с понурой головой вошёл Арсений в кабинет. Отец сидел, задумавшись, за письменным столом, и перед ним лежала пачка денег. Князь молча взглянул на него и указал на стул.

- Я ещё не мог переговорить с тобой, Арсений, обо всём случившемся. Смерть бабушки лишила

меня спокойствия, необходимого, чтобы
выяснить наши взаимные отношения.

- Да, бабушка скончалась от сознания, что ты
женишься на жидовке. Я предпочел бы, папа,
сделаться мелким железнодорожным
чиновником, а Нина согласилась бы скорее
пойти в гувернантки, чем переживать такой
позор, - сказал Арсений нетвёрдым голосом,
краснея от волнения.

- А! Всё это глупая, непригодная в жизни
болтовня. «Благородная бедность» и «трудовой
хлеб» интересны только в романах, - ответил
князь. - Конечно, татап, выросшая в иных
убеждениях, была не способна подчиниться
горькой необходимости настоящего положения и
не хотела понять, что, для чести имени,
разорение - такой же позор, как и *mesalliance*⁴.
Ты же, хотя ещё и юн, но знаешь, что без денег
жить нельзя. Я себя продал для того, чтобы
спасти вас от нищеты и, поверь, эта жертва мне
совсем не так уж легка, как тебе кажется.

⁴ неравный брак

Арсений бросился на шею отца, прижался к груди и зарыдал. Бледный и взволнованный князь погладил его ласково по голове и поцеловал в лоб.

- Успокойся, бедный мой мальчик, - сказал он с усилием. - Ах, ты ещё не знаешь людей. Поверь, все они охотно простят принятие еврейки в нашу семью, не откажутся ни от одного приглашения на бал или обед, и в наших гостиных всегда будет много усердных друзей; но разорения они нам не простят и за «благородную бедность» нас будут считать париями. Ты мой первенец, носитель нашего древнего имени, женишься со временем на девушке равного с тобою положения, и наш род останется беспорочным, а мама и бабушка не будут оскорблены в могиле. Но настоящее надо принимать таким, каково оно есть на самом деле. Если ты меня понял, Арсений, то будешь судить отца снисходительно, а не то моя жертва станет ещё тяжелее.

- Что же ты, собственно, хочешь от меня, папа?

- Чтобы ты только воздерживался от явных обид и вызывающего образа действий и в отношении женщины, на которой я женюсь, и её семьи; но надо тебе подействовать на Нину и других, чтобы они тоже были вежливы, по возможности, и не выставляли напоказ своего неудовольствия.

- Хорошо, папа, я постараюсь.

- Спасибо тебе, друг мой, а теперь покончим ещё с одним вопросом. У тебя долги. Не красней и не смущайся. Я не упрекаю тебя, зная, что у молодёжи - свои права и увлечения, а я мог давать тебе очень мало. Вот - тысяча рублей, погаси долги, а остальное оставь себе. Скоро ты будешь произведён в офицеры, и я тебе назначаю триста рублей в месяц, да три тысячи на обзаведение.

Когда Арсений его поблагодарил, князь прибавил:

- Значит, ты обещаешь мне быть благоразумным? Я вовсе не требую от тебя проявлений нежности, а только вежливой

сдержанности, как с ней, так и с её роднёй, которую нельзя пока вовсе стряхнуть.

- Обещаю, папа, не затруднять твоё положение, - ответил Арсений, целуя у отца руку.

В комнате Нины сидели дети с Василисой, потому что гувернантка ушла в этот день в гости. Вошёл Арсений и передал свой разговор с отцом, а попутно зашла речь о свадьбе Лили с певцом Итцельзоном.

- Господи Иисусе, - воскликнула Василиса, крестясь, - должно, светопреставление близко. Ещё можно понять, что барин собой жертвует; а ведь эта шалавая вольной волей, по любви идёт за грязного, пархатого жида, да ещё скомороха. Тьфу! - и она плюнула. - Хорошо, что наша матушка-княгиня померла, не дожив до таких мерзостей. По крайности, не увидят её глазоньки, как эта жидовка в доме воцарится и порядки свои станет заводить. Чай, всех старых слуг со двора долой.

- Пусть только посмеет, - в голос закричали дети, обнимая старуху и целуя её. - Ты наша, и с нами до самой смерти останешься.

Разгоревшиеся щеки и чистосердечное негодование детей тронули старуху, и она в свою очередь крепко их расцеловала.

Глава 4

Свадьба князя, желавшего хотя бы три месяца соблюсти траур по кончине матери, отложена была до первых чисел февраля. Сарра была крайне недовольна такой отсрочкой и, вообще, за время пребывания её невестой, каждый день приносил ей разочарования. Гордая, страстная и даже циничная, она не просто хотела выйти замуж, а желала быть любимой, считая себя достаточно красивой, чтобы возбудить страсть в князе, который отнюдь не пользовался репутацией бесчувственного аскета. Но напрасно искала она в глазах жениха хоть искру любви, ждала ласки и поцелуя украдкой, в течение тех бесед с глазу на глаз, который великодушно устраивала ей мамаша Аронштейн. Князь был

неизменно вежлив, любезен и даже предупредителен, подносил своей невесте цветы, конфеты и дорогие безделушки, но оставался сдержанным, и Сарра чувствовала, что под этим покровом любезности таится ледяное равнодушие, а вызывающее кокетничанье он, казалось, не замечал.

Столь же мало успеха имела Сарра в отношении семьи князя. Арсений был в корпусе: Нина же, за исключением официальных визитов, оставалась невидимкой, а наивные глазки прочих детей не умели скрыть, что их будущая мачеха внушала им отвращение и страх. Все попытки Сарры приручить их конфетами и игрушками остались тщетными.

Разразилась русско-японская война, и политические события повлекли за собой ещё большее охлаждение между действующими лицами. Ввиду пробуждения деятельности в правительственных сферах и обществе, князь стал ещё более редким гостем в доме Аронштейнов, ссылаясь на обременение работой по службе и дворянским делам.

Сарра тотчас же устроила кружок, где работала на раненых и даже пригласила Нину, желая привлечь её в своё общество; но княжна отказалась, заявив, что состоит уже членом дамского кружка, где её знакомые собирались с той же целью.

Между тем, в доме Пронских, на набережной, шло деятельное устройство новой квартиры, и князь сам наблюдал за меблировкой комнат детей, выбирал шёлк и атлас для будуара и спальни Нины, но до остальной квартиры не касался, предоставив всё декоратору.

- Пожалуйста, руководствуйтесь только вкусом моей невесты, - сказал он, когда тот обратился к нему за указаниями.

Когда, перед Рождественскими праздниками, семья князя переехала из особняка на Петербургской стороне в новую квартиру, там всё уже блистало роскошью, и Пронских встретила целая армия прислуги в княжеской ливрее.

За несколько дней до свадьбы, у Георгия Никитича был ещё разговор со старшими детьми,

которым он разъяснил, что им необходимо присутствовать на свадьбе; троих же маленьких он отправил на две недели к родным в Ораниенбаум.

Наконец, настал роковой день. В шесть часов должно было происходить венчание, после которого назначен был обед у Аронштейнов.

Нина старалась крепиться и одевалась, мужественно глотая слёзы. На ней было дивное, нарядное, с большим вкусом сделанное платье, но она не кинула и взгляда в зеркало на свою очаровательную фигуру. Как только княжна была готова, она прошла к себе в будуар, достала из шифоньерки портрет матери, долго на него смотрела и потом поцеловала, словно просила у покойной прощения за оскорбление её памяти.

Спрятав портрет, Нина вернулась в спальню, взяла инкрустированную шкатулку и достала нить крупного жемчуга, который и надела на шею. В этом ящике хранились бриллианты и другие золотые материнские вещи, которые отец вручил дочери накануне, и ей приходилось сегодня надевать родовые драгоценности впервые, для вящего позора её семьи.

Горький вздох вырвался из груди Нины, и она вдруг подумала о князе. Где он, о чём он думает? И жгучее желание увидеть отца охватило её. Пока он принадлежит всецело им, а через час между ним и детьми встанет противная, навязчивая «чужая».

Неслышно, как тень, прошла Нина по богато убранным и украшенным цветами комнатам в кабинет князя. Там никого не было, но когда она осторожно раздвинула портьеру и взглянула рядом в библиотеку, то увидела, что отец стоит у окна.

Он был уже одет к свадьбе, и роскошный, залитый золотом камергерский мундир удивительно шёл к его красивой и статной фигуре. На столе рядом лежала его шляпа с белым плюмажем и стояла картонка с букетом, за которым должен приехать шафер. Князь был очень бледен, брови его были сдвинуты, а в углах рта застыла горькая складка.

- Папа, дорогой папа, - глухо и нерешительно прошептала Нина, бросаясь к нему.

Георгий Никитич вздрогнул и обернулся. Перед ним, как видение прошлого, мелькнул образ покойной жены, которую он горячо любил, а Нина была её живым портретом. Он привлек к себе дочь и покрыл поцелуями. Невыразимо гнетущее чувство охватило его; на пороге церкви почувствовал он всю тяжесть потери свободы, а до этого считал, что жертва будет гораздо легче. Отныне он уже никогда не будет один со своими детьми, а всегда под лукавым надзором женщины, которую не любил. А, тем не менее, она всё-таки станет его женой, будет иметь на него права, может требовать от него любви и вмешиваться во все мелочи его жизни; от неё ему никуда уж не уйти, и он вынужден будет таскать её за собой, как каторжник свои оковы...

Стук кареты у подъезда оторвал князя от его мыслей.

- Иди в гостиную, дитя моё, там вероятно тебя уже ждет Арсений, - сказал князь, целуя на прощанье дочь.

Церковь Уделов была переполнена представителями высшего общества. Блестели золотые придворные мундиры, сиял звёздами и

орденами генералитет, а на противоположной стороне собиралось другое общество, особого типа, безусловно, правда, одетое, но которое же, с первого взгляда, можно было отнести к иному лагерю.

Невеста была очень интересна в кружевном платье и окутанная, словно дымкой, фатой. В её чёрных глазах виднелось гордое самодовольство, и взгляд её поминутно скользил по бледному, застывшему красивому лицу жениха.

В первом ряду стояла Нина. Она была бледна и старалась побороть охватившую её нервную дрожь, а её волнение усугубилось вдруг ещё чувством необъяснимой тревоги и тяжести, так что ей по временам даже становилось трудно дышать. Она невольно повернула голову и встретила глазами с господином во фраке и белом галстуке, стоявшим на противоположной стороне церкви и упорно смотревшим на неё восхищенным страстным взглядом.

Дрожь пробежала по её телу, а в душе пробудилось непобедимое отвращение, ненависть и страх. Что это за господин, которого она раньше никогда не встречала?

То был молодой человек, лет двадцати восьми или тридцати, бесспорно красивый, высокий и стройный; шапка чёрных как смоль волос и чёрная бородка обрамляли его бледное, матовое лицо. Правильные черты и горбатый нос обнаруживали его восточное происхождение, а огненный взгляд указывал на страстную натуру; от него веяло чем-то демоническим.

- «Должно быть, кто-нибудь из аронштейнской клики», - подумала Нина, с неудовольствием отворачиваясь.

В это время венчание кончилось, и все стали подходить к новобрачным с поздравлениями. Воспользовавшись суетой, Арсений пробрался к сестре, и они вышли в смежную залу, где подавали шампанское, мороженое и конфеты. Оба не могли решиться подойти к отцу поздравить его с публичным позором и, стоя в сторонке, с удивлением рассматривали общество. А эта покладистая толпа весело смеялась, беззаботно болтала, чистосердечно, как будто, поздравляла Аронштейнов и благосклонно принимала приглашение на обед,

пожимая им руки, словно те были их самыми закадычными приятелями.

Залы банкира представляли волшебное зрелище. Аронштейн решил, очевидно, торжественно отпраздновать свою великую победу, и Рейза, в малиновом бархатном платье, себя не помнила от радости, приторно-угодливо принимала гостей.

Нина нехорошо себя чувствовала в этом разношёрстном, непривычном ей обществе. Мать и бабушка воспитывали её в своей среде; а эти, неведомо откуда выскочившие люди, с их угловатостями и пошлой, неряшливой речью, её коробили и отталкивали. Она обрадовалась и облегчённо вздохнула, увидав свою кузину, Лили, которая подошла к ней и обняла её.

Баронесса фон Фукс была хорошенькая, свежая, весёлая и пухленькая барышня; в эту минуту она так и сияла от удовольствия. Усевшись рядом с Ниной, она пожала ей руку.

- Отчего ты такая грустная, Нинок? Ты меня даже не поздравила с недавним моим обручением. Нина испытующе взглянула на неё.

- Ты знаешь. Лили, что я откровенна, и потому прямо говорю: поздравлять тебя с твоим выбором мне не приходится.

- Это потому, вероятно, что я выхожу за еврея? Боже мой, какая ты отсталая, Ниночка! А я тебе всё-таки представлю потом моего милого Лейзера. Он скоро крестится, но я буду называть его по-прежнему, в доказательство того, что его происхождение никакого отвращения мне не внушает. Ты увидишь, какой это артист и как он хорош! Для меня большая честь выйти за такого знаменитого и даже гениального человека.

Нина нахмурилась, и на её подвижном личике мелькнуло выражение удивления и презрения.

- Слушая тебя, я задаю себе вопрос: в уме ли ты? Неужели ты не представляешь себе весь ужас своего положения, в будущем, жить совместно с невоспитанным некультурным человеком, вышедшим из семьи каких-то старьёвщиков, значит, подонков своего же народа? Да он возбуждает просто физическое отвращение! Брр! Во мне каждый нерв дрожал бы при одной мысли, что придется поцеловать такого субъекта.

- А я с наслаждением целую его. Твоё предубеждение, Нина, смешно, и ты забываешь, что для христианина все люди братья, евреи - как все прочие. А такой артист, как Лейзер, - полубог, - восторженно закончила Лили.

- Полубог? - насмешливо повторила Нина. - Очень боюсь, дорогая Лили, что твоё поклонение этому «иудейскому божеству» быстро улетучится. Когда твой «великий артист» снимет фрак и белые перчатки, в которых он щеголяет на житейской сцене, да облачится дома в наследственный лапсердак, тогда твоё безумное увлечение потонет в ужасе и отвращении; если, конечно, он и тебя не затянет до тех пор в ту грязь, из которой выполз сам, и не атрофирует в тебе потребность в изяществе.

Лили обиделась и с неудовольствием ответила:

- Уверена, что твоё пророчество столь же неверно, как и зло. Твоя смешная ненависть к израильтянам тебя ослепляет и делает даже невежливой. У тебя с Арсением такой вид, словно вы присутствуете на похоронах, а не на свадьбе; а это в достаточной мере обидно для

твоей belle-mere⁵ и её семьи. На что уж дядя Жорж? И у того вид каменного сфинкса, а не счастливого новобрачного! Хотя я уверена, что он будет вполне счастлив со своей очаровательной женой, как и я буду счастлива с моим гениальным, несправедливо тобой осуждённым Лейзером. Повторяю, я считаю за честь выйти за него замуж.

- Тем лучше будет для тебя, если я ошибусь. Но в одном ты, безусловно, права: мы с Арсением глубоко душевно скорбим и действительно присутствуем при погребении чести и родовых традиций нашей семьи. Разумеется, я предпочла бы в такой злополучный день облечься в траур. А что думают про мои чувства Аронштейны - мне решительно безразлично.

- Тсс! Зинаида Моисеевна идёт к нам с молодым Аронштейном, - остановила её Лили. - Боже, как он красив и изящен. Его-то уж ты не

⁵мачеха

можешь ни в чём упрекнуть, c'est un parfait gentlemen!⁶

Нина не успела ей ответить, потому что к ней подошла мачеха в сопровождении господина, настойчивый взгляд которого был ей так неприятен в церкви.

- Ma chere Ninon⁷ - развязно сказала новая княгиня, позвольте вам представить моего кузена, Еноха Аронштейна, вашего соседа за столом. Познакомьтесь, а баронессу он уже знает.

Она покровительственно улыбнулась и направилась к мужу, потому что в эту минуту доложили, что обед подан.

Нина побледнела. Бесцеремонность, с которой ей навязали кавалера, её глубоко возмутила, но она была слишком хорошо воспитана, чтобы не быть вежливой, а тем более вызвать скандал, и потому только смирла враждебным, холодным взглядом отвесившего ей глубокий поклон молодого человека. Тот предложил ей руку,

⁶ЭТО ВПОЛНЕ ДЖЕНТЛЬМЕН!

⁷милая Нина

чтобы вести в столовую, и она молча еле вложила свои пальцы.

За столом она с неудовольствием искала глазами брата. Куда делся Арсений? Как мог он допустить такое неуважение к сестре? Подавленная чувством обиды, она не заметила мрачного, испытующего взгляда своего кавалера и не слышала его слов, с которыми он к ней обратился.

Молодой Аронштейн тоже был бледен и сумрачно кусал губы. Он заметил, или угадал, что княжна чувствовала себя оскорбленной, будучи вынуждена идти под руку с ним, и что, несмотря на его красоту, богатство и блестящее образование, он внушал ей только презрение и отвращение. Это сознание было тем более тяжело Еноху, что Нина произвела на него глубокое впечатление, и её воздушная красота, - истинное воплощение девственной прелести, пробудила в его пылкой душе страстное чувство, которое нескрываемое презрение ещё более подзадоривало. С затаённой злостью, молча наблюдал он за княжной, которая даже позабыла словно о его присутствии и на выразительном

лице которой он читал, как в открытой книге, волновавшие её чувства.

Да, Нина и действительно думала о другом, а не о своём противном соседе, и глазами искала среди приглашенных брата, которого нашла, наконец, рядом со смазливенькой еврейкой, кокетничавшей с красивым юношей. Арсений оживлённо и весело отвечал на заигрывание соседки, и это ещё более бесило Нину. Неужели и он станет одним из дегенератов, без стыда и чести, которые добровольно впрягаются в триумфальную колесницу еврейства, вроде пирующих за этим самым столом?

Прямо против неё сидела некая графиня, которая бросила мужа сановника и троих детей, а сама сошлась с актёром, обиравшим её вдобавок; дальше любезничала с женихом Лили; а там восседал адмирал, женатый тоже на еврейке, приказчице перчаточного магазина, и оживлённо беседовал с сестрой хозяина дома, m-me Мандельштерн. Очевидно, этот сомнительный и пошлый, несмотря на бархат, бриллианты и кружева, люд, от которого тем не менее несло «букетом» Бердичева, или какого-либо иного

еврейского гнезда, никого не коробил, и всяк считал себя с ним на равной ноге. Ах, как права была бабушка, говоря, что мнимо-либеральная вакханалия, подготовленная теми, кому это выгодно, смешавшая людей и душившая чувство собственного достоинства, грозит обществу полным разложением.

Нина обежала взглядом весь стол и с новым чувством ненависти взглянула на мачеху.

- А вам, княжна, трудно, кажется, будет победить ваши расовые предрассудки и сойтись с вашей новой родней, - заметил Енох, раздражение которого прорвалось, наконец, и заглушило его обычное хладнокровие и рассудительность.

Нина вздрогнула и обернулась к соседу, окинув его холодным взглядом. Замечание его показалось ей дерзким.

- Я вас не совсем поняла, г-н Аронштейн. Что вы имели в виду, говоря о слиянии с моей новой родней и победой над предрассудками, освященными национальными, даже расовыми традициями? Мой отец женился, правда, на

вашей кухне, но что же тут общего с остальной её семьей? Вам, как близкому родственнику Зинаиды Моисеевны, должны быть известны подробности этой брачной сделки, о которой я могу лишь искренно пожалеть. Впрочем, извините, я вдаюсь в подробности, которых из деликатности не следовало бы касаться, будучи в этом доме гостьей.

- Невольной, конечно?

- Да, не могу скрыть.

- Своим ответом вы даёте мне урок, как надо себя вести, - сказал Енох, краснея.

- Я ответила откровенно, потому что не хотела оставлять вас в неведении относительно моих воззрений, но я всё-таки не понимаю, почему вам вздумалось ставить мне столь резко такие щекотливые вопросы. Повторяю, однако, что ни я, ни мой брат, ни остальные члены нашей семьи не будут считать родной семьёй второй жены отца, и отношения между ней и детьми князя Пронского останутся чисто официального характера.

Когда встали из-за стола, Енох, провожая княжну в гостиную, сказал с горечью:

- Сколь ни откровенен ваш ответ, княжна, он меня не поразил, потому что я ещё раньше заметил на вашем лице неудовольствие и оскорбленное самолюбие, вызванные слепотой моей кузины, предложившей меня вам в кавалеры и соседи. Поэтому извиняюсь перед вами и не смею утруждать вас далее моим присутствием. Тем не менее, как бы ни были дерзки и неуместны мои слова, я всё же рад, что узнал ваши убеждения: всегда приятнее биться с врагом с поднятым забралом.

Насмешливая улыбка мелькнула на лице Нины.

- Я не намеревалась вовсе биться с вами, г-н Аронштейн, ни с поднятым, ни с опущенным забралом, потому что не считаю вас рыцарем без страха и упрёка. При том, я вовсе не враг ваш, а только не желаю считать вас родным. Но, чтобы вы поняли, почему мне ненавистна женитьба моего отца, могу пояснить, что одно известие о ней стоило жизни моей бабушке, которую я

обожала; её могила навсегда отделила меня от Зинаиды Моисеевны.

- Но поймите же, Нина Георгиевна, что ваши слова возмутительно несправедливы, и ваша слепая ненависть к нашей семье, потому только, что мы принадлежим к иной расе, недостойна христианина, просвещённого и цивилизованного человека. Взгляните на вашего отца, на его застывшем, как восковая маска, лице ясно видно всё усилие скрыть душевное бешенство, а вы не скрываете даже своего недовольства. А в сущности, что же случилось? Князь женился на безупречной девушке, прекрасной как ангел, очень богатой, которая снимает с него все житейские заботы, а его семья пользуется всеми выгодами такой сделки. Между тем, вместо того, чтобы с любовью принять новую родственницу, вся семья князя имеет вид словно идёт на казнь.

Тон его, даже более чем сами слова, не понравился Нине, тонкие брови которой сдвинулись, и голос зазвучал строго.

- Вы забываете главное: что заключённым сего дня актом купли-продажи банкирский дом Аронштейна приобрёл для m-lle Сарры титул

княгини, что о любви и привязанности не было речи и что дети князя не включены в состоявшуюся сделку. Я и Арсений присутствуем здесь из любви к отцу, а вовсе не для того, чтобы засвидетельствовать наше родство с Аронштейнами. Признаюсь, мне тяжело разъяснять вам всё это, но вы сами вызвали меня на этот разговор. Простите, однако, вон мой брат меня ищет.

Она кивнула собеседнику и пошла к Арсению, который действительно отыскивал её.

Енох проводил её мрачным и жгучим взглядом. Острое чувство, - смесь ненависти и страсти, волновали его; его самолюбие только что было жестоко поражено. Его особа не произвела, по-видимому, никакого впечатления, а Нина не обратила даже внимания ни на его демоническую красоту, ни на обворожительные взгляды, которые покоряли ему столько женщин.

- Постой, дерзкая и жестокая девчонка! Я тебе отплачу за все оскорбления, которыми ты наградила меня сегодня, - проворчал он, сжимая кулаки, и вмешался затем в толпу приглашенных.

Глава 5

Несколько дней после свадьбы князь с женой сидели за утренним чаем. Одета в чудный, вишнёвого цвета и весь покрытый кружевами капот, Зинаида Моисеевна молча пила свой шоколад, нервно ломая бисквит и искоса поглядывая на мужа. Спокойное равнодушие, с которым князь пил свой кофе и пробегал газету, по-видимому, её раздражало. Вообще она была разочарована и оскорблена неизменной холодностью и равнодушием мужа. Их пребывание с глазу на глаз всегда бывало отмечено скукой. Хотя она и добыла князя себе в мужья, тем не менее, он не оказался тем пылким любовником, рабом её красоты, о котором она мечтала. Не будучи в силах сдерживать дольше своё раздражение, она порывисто оттолкнула чашку.

- Когда ты кончишь своё чтение, я хочу поговорить с тобой, Жорж. Князь немедленно отложил газету.

- Что тебе угодно? - вежливо спросил он.

- Во-первых, я крайне недовольна Ниной. Она очень странно держится в отношении меня.

- Пожалуйста, выскажись яснее.

- Так вот. Завтра мой приёмный день, и многие из близких приедут меня навестить. Я выразила желание, чтобы она помогла мне принять гостей, а на это Нина холодно ответила, что ей нельзя исполнить моё желание, так как она едет в консерваторию и останется там до обеда. Ясно, что она считает ниже своего достоинства принимать моих близких.

- Я не судья чувствам моей дочери и предоставляю ей полную свободу распоряжаться своим временем; но относительно консерватории Нина сказала правду; она проходит там курс, и отвезёт её туда m-lle Элиз. Нина серьёзно занимается музыкой, и я нахожу вполне естественным, что она не пожелала пропустить урок для приёма твоих гостей, что ты легко можешь сделать и сама.

- Ты находишь? В таком случае оставим это, - с неудовольствием заметила Зинаида Моисеевна.

- Теперь, скажи на милость, когда же мы начнём

делать визиты? У нас их больше сорока, и следовало бы, по-моему, установить очередь.

- Сорок визитов? - повторил князь, изумлённо смотря на жену, и вдруг громко расхохотался, что очень её смутило.

- Дорогая Зина, я предполагаю сделать двенадцать, пятнадцать визитов, самое большее. Если в твой многочисленный список включены все те, кто были на свадьбе, то должен тебя разочаровать. Я вовсе не намереваюсь делать их близкими знакомыми. Две-три семьи твоих родных я готов принимать, но отнюдь не весь «ноев ковчег», который видел у твоего отца. У меня взрослая дочь, и в моём доме могут бывать только люди моего положения. Кстати, если уж мы коснулись этого вопроса, так объяснимся раз навсегда.

Я женился на тебе, несмотря на твоё происхождение, а что это было тяжёлой жертвой для моего самолюбия, не составляло тайны ни для тебя, ни для твоих родных. Теперь ты - княгиня и принята в моём обществе; так постарайся же сойтись с этим миром и приобрести хороших знакомых, если уж не

друзей. Но не навязывай, пожалуйста, ни мне, ни моим детям людей с подозрительным прошлым, которые чересчур отличаются от нас.

Слушавшая его с раскрасневшимся лицом Зинаида стремительно вскочила с места и стала нервно ходить из угла в угол.

- А! Ты уже кидаешь в лицо презрение ко мне и моему народу, - сказала она сдавленным от слёз голосом. - Ой, как бабушка Фейга была права, говоря, что я буду пария в твоём доме, что любовь твоя - лживая, что я буду разлучена с близкими и могу видеться с ними только крадучись, воровски.

Князь тоже поднялся, и голос его звучал строго, а глаза глядели холодно на жену.

- Избавь меня, пожалуйста, от сцен и вытри свои слёзы, которым нет причин. Ты не права, обвиняя меня в обмане: я никогда не говорил, что женюсь на тебе по любви, потому что я тебя никогда не любил. Не стану перечислять все грязные махинации, которые проделывал твой достойный родитель, чтобы меня разорить, он же сам и предложил устроить мои дела, поставив

условием наш брак. Он хотел, чтобы ты была княгиней, и вот теперь ты ею стала. Я выполнил поставленное мне обязательство и только. Но, повторяю, избавь меня от сцен и слёз; я вовсе не расположен их выносить. Пользуйся преимуществами, которые тебе даёт этот брак, и будь довольна. Я не запрещаю тебе принимать родню, потому что не желаю стеснять твою личную свободу, но требовать, чтоб и Нина участвовала а этих твоих приёмах, было бы уже слишком.

Он повернулся и вышел из комнаты, а Зинаида онемела от бессильного бешенства. Злость и жажда мести ещё кипели в ней, когда доложили о приезде Еноха Аронштейна. Она поторопилась окончить свой туалет и вышла в будуар, где в ожидании хозяйки сидел банкир и перелистывал альбом.

- Ты, кажется, чем-то раздражена, кузина? Или уж у тебя начались семейные несогласия? - спросил вдруг Енох, прерывая их пустую болтовню и внимательно её оглядывая.

- О, мой медовый месяц усеян всякого рода терниями, - заговорила Зинаида Моисеевна по-

английски и так порывисто смяла носовой платок, что оборвала роскошные кружева, которыми тот был обшит.

- Я только теперь поняла, насколько права была бабушка Фейга, находя, что моё замужество с этим титулованным босяком - плохой гешефт. Енох насмешливо улыбнулся и ответил тоже по-английски:

- А, понимаю. Тебе дали почувствовать твоё происхождение?

- Именно. С «жидовкой» в доме не стесняется даже прислуга. Эта старая собака, Прокофий, носа не показывает в столовую, когда князь не обедает дома; для меня он не беспокоится. Да и мой дорогой супруг постарался начисто отделить свою семью от выскочки в лице своей жены. В первом этаже помещаемся только мы с мужем, а дети поселены во втором, где у Нины целая квартира - из спальни, будуара и столовой, довольно большой, чтобы угощать там тех, кто желает видеть только княжну. У Арсения две комнаты, кроме библиотеки и биллиардной; затем идут помещения младших детей с их гувернантками, и Василисы Аптиповны, их

старой няньки; вся прислуга молодежи тоже наверху. Словом, это второе, совершенно особое хозяйство.

Затем, она вкратце передала свой утренний разговор с мужем и упомянула про отказ Нины присутствовать в её гостиной в приёмные дни.

- Не принимай этого близко к сердцу, кузина. Будем надеяться, что со временем княжна образумится и станет относиться к тебе и твоей семье с подобающим уважением, - утешал Енох.
- А она очаровательна, и я даже высказать не могу, как она мне нравится, - прибавил он, многозначительно улыбаясь. - А я увижу её сегодня?

- Мы завтракаем и обедаем вместе. Я прикажу подавать, потому что князь вернётся лишь к обеду, и пошлю за Ниной с детьми, - ответила она на слова Еноха с не менее выразительным взглядом.

Когда Аронштейн и княгиня пошли затем завтракать, то Нины ещё не было, и Енох стал внимательно рассматривать обширную, отделанную дубом и богато меблированную в

современном стиле столовую. Взгляд его остановился на стоявшем в углу большом киоте-складне. Посредине был образ Богородицы. Сетка из низанного жемчуга покрывала ризу; рубины и крупные бриллианты украшали венчик, а ожерелье замыкалось осыпанной изумрудами пряжкой, с которой свешивалась редкой красоты и величины жемчужина. Перед иконой теплилась висевшая на цепочке древняя, массивная серебряная лампада.

- Право, все эти великолепные камни могли бы получить иное, и гораздо лучшее, назначение в какой-нибудь модной парюре, например; особенно этот изумруд или жемчужина, - заметил Енох, разглядывая складень.

- О! Это наследие старой княгини, следовательно, неприкосновенная святыня, - насмешливо отозвалась Зинаида. - Тем не менее, я не теряю надежды, что когда-нибудь буду иметь возможность убрать всё это на чердак. Оно только портит современный стиль чудной столовой и коробит всякого свободомыслящего интеллигентного человека.

- От души желаю, дорогая, Зина, исполнения твоих желаний. Странно, в самом деле, что только православные упорно навязывают всем свои дикие верования не справляясь, приятно ли другим смотреть на их намалёванных фетишей. Во Франции, слава Богу, с этим рассчитались и навели порядок, выбросив в мусор эти, так называемые, «святыни», почитаемые лишь болванами, - ответил, смеясь, Енох.

Но, обернувшись, он вздрогнул и сконфузился. На пороге стояла Нина в сопровождении детей, их гувернантки-немки и компаньонки m-lle Робин. Очевидно, она слышала предыдущий разговор, потому что лицо её пылало, а тёмные глаза, обыкновенно добрые и ясные, блестели негодованием.

- Вы слишком торопитесь, господа, вводить ваши атеистические взгляды. В России пока ещё не в обычае изгонять из дома почитаемые иконы или обращать их в предметы музейных редкостей. Слава Богу, мы ещё не в завоёванной стране, где победитель мог бы с грубой беззастенчивостью попирать чужие религиозные верования. А те, кого коробит вид дорогих нам

святынь, могут просто воздержаться от посещения, чтобы не глядеть на то, что им ненавистно.

Не удостоив поклоном Зинаиду с Енохом, она повернулась и ушла с детьми и гувернантками.

Первое время Зинаида Моисеевна с кузеном в недоумении молчали. Резкий отпор, данный по-русски и в присутствии прислуги, привёл княгиню в ярость, которую она еле-еле сдерживала. Енох покачал головой и заметил:

- Однако, - это уж слишком.

- Да, это чересчур, - ответила Зинаида дрогнувшим голосом, - но делать нечего, надо вооружиться терпением. Наступит и для нас час возмездия. А теперь сядем за стол, потому что эта юная фурия будет, конечно, завтракать у себя.

Следовавшие засим месяцы текли без острых событий. Жизнь в доме складывалась более или менее определенно, и разнородные элементы семьи свыкались, если можно так выразиться, друг с другом.

Князь вёл очень деятельный образ жизни, был занят службой и затем делами по Красному Кресту, которым посвящал почти всё свободное время; дома он почти не бывал и на приёмах жены появлялся редко, в виде исключения. Нина посещала почти исключительно прежних знакомых, принадлежавших к кругу её покойной бабушки, и старательно избегала гостиной мачехи. Новая княгиня мстила по-своему за такое к себе пренебрежение и распахнула двери дома не только для знакомых мужа, но и для своей бесчисленной родни, а также израильских благоприятелей из русских. И это разношёрстное общество уживалось довольно хорошо ввиду опошления, податливости и продажности жалких отпрысков вырождающегося дворянства, не сознававших даже ту унижительную роль, которую они играли в гостиных, где кишело глубоко презиравшее их еврейство.

Енох Аронштейн уехал почти на другой день после памятного столкновения с Ниной, но приезжал затем дважды в последний раз перед Пасхой, влекомый тем неудержимым чувством,

которое внушила ему княжна, несмотря на то, что она старательно его избегала.

Весной князь предложил жене проехаться за границу, но Зинаида отказалась, сказав, что накаталась уже досыта и предпочитала провести лето в окрестностях Петербурга. Ввиду этого, с общего согласия, решено было поселиться в Царском Селе, близость которого к столице была очень удобна для князя, принуждённого ежедневно бывать в городе; да и для Арсения с Ниной это представляло удобство во время пребывания их в лагере. В конце мая вся семья переехала в Царское, где князем была нанята большая дача с громадным садом. Жизнь потекла обычным порядком; зато князь отсутствовал чаще, ссылаясь на дела, проводил иногда два-три дня в городе и нередко ездил в Москву по делам Красного Креста.

Зинаиду Моисеевну ничуть не огорчали частые отлучки мужа. Она терпеливо, с упорством, преследовала подсказанный её изворотливым, злобным умом план мести семье князя и прежде всего, решила не допускать Нину чуждаться её общества, а с этой целью

пригласила Лили погостить у них несколько недель.

По случаю своей помолвки с Итцельзоном, молодая баронесса очутилась в очень натянутых отношениях с родными, которые прилагали все старания, чтобы помешать свадьбе и крайне недружелюбно принимали жениха. Но упрямая, как и все ограниченные люди, Лили стояла на своём и тем более радостно отозвалась на приглашение Зинаиды Моисеевны, что жених её поселился в Павловске, где выступал в концертах, а потому мог часто навещать её, уверенный в радушном приёме княгини. Расчет Зинаиды Моисеевны отчасти оправдался.

Нина не могла избегать гостившей у них кузины, чаще стала показываться на половине мачехи, принимала участие в пикниках, прогулках, кавалькадах и бывала довольно часто со всеми на музыкальных вечерах в Павловске. Она пряталась лишь, когда являлся Итцельзон, а когда приезжал Арсений, она не отпускала брата от себя.

В конце июня князь заявил, что должен ехать в Харбин с транспортом вещей для госпиталей и

войск и что его поездка продлится, по крайней мере, недель шесть.

Уже и раньше Нина заметила, что в те дни, когда князь не бывал дома, у них появлялись какие-то подозрительные субъекты, но так как Зинаида Моисеевна принимала, вообще, крайне смешанную публику, то Нина не обратила сначала внимания на прилив новых посетителей. Однако по отъезде Георгия Никитича численность сомнительного люда возрастала чуть не ежедневно. То были кудрявые, горбоносые развязные студенты, обтрёпанные семинаристы и гимназисты, разные чумазые и лохматые господа, про которых даже трудно было сказать, откуда они брались. Весь этот сброд приходил и уходил, или устраивал сборища в биллиардной, и их крикливые, наглые речи невыразимо коробили Нину с Арсением, но бесцеремонные посетители стеснялись всё меньше и меньше, глядели на Нину и детей вызывающе презрительно, а не то вовсе не замечали их.

Нина была глубоко возмущена наставшими в доме порядками, и Лили стоило больших усилий,

чтобы удержать её от крупного разговора с мачехой, или изгнания всей этой некультурной банды.

Как-то раз, за обедом, собралась особенно пёстрая многочисленная компания, которая бесцеремонно пила, ела и разглагольствовала, словно в каком-нибудь трактире. Политика, конечно, была главной темой беседы. Громили монархический режим и христианство, нападали на Государя и министров, глумились над идеями патриотизма и национальности, открыто и бесстыдно парадирова при этом своим космополитизмом.

Нина же, будучи крестницей Императора Александра III, память которого свято чтит, и воспитанная в уважении к вере и Царю, была глубоко возмущена, но всё же пока сдерживалась, несмотря на то, что разгулявшаяся компания дымила папиросами, как в курильне. Но, когда один из студентов, позабыв совершенно, где находился, расстегнул сюртук и с трагическими жестами повёл громовую речь о притеснениях «тирана», призывая к восстанию и

истреблению огнем и мечом всех «угнетателей», тогда Нина не выдержала.

Несколько раз уже она взглядывала на мачеху, ожидая, что та положит предел наглости разошедшихся соплеменников, но Зинаида Моисеевна занята была оживлённой беседой с Лили, ничего не видя и не слыша.

- Будьте добры, фрейлейн Риттер, увести Надин с Андреем, - сказала Нина настолько громко, чтобы все слышали, и встала затем из-за стола, с шумом отодвинув стул.

- Какая муха вас укусила? Почему вы уходите из-за обеда? - вскричала княгиня, делая удивлённый вид.

- Потому что присутствующие здесь господа совершенно забывают, где находятся, и ведут себя, как в харчевне, - ответила покрасневшая Нина. - В порядочном обществе спрашивают обыкновенно у дам позволения курить, не пускают им в лицо клубы дыма с начала обеда и не раздеваются в их присутствии. Кроме того, они позволяют себе устраивать из дома моего отца, камергера князя Пронского,

революционный клуб, с редким бесстыдством выкладывая свои анархические взгляды... расстегнувший сюртук студент прервал её громким смехом.

- Ха, ха, ха! Ай да барышня! Оскорблены, видите ли, её монархические чувства, и она принимается учить гостей, как себя держать, когда хозяйка дома молчит, - насмешливо закончил он.

- У княгини Пронской, рожденной Аронштейн, градаций не имеется и она. может быть, находится здесь в своей среде; но это не даёт ей права обращать дом мужа в пристанище бунтовщиков, - строго ответила Нина. - Мой же отец и мы все воспитаны в чувствах любви к государю и не потерпим, чтобы его поносили при нас. Отсутствие князя никому не даёт права пренебрегать принципами и убеждениями хозяина, и я не премину известить отца, какого рода публика водворилась здесь.

Не взглянув на мачеху, которая тряслась от бешенства, Нина быстро ушла из столовой. Её уход сопровождался хохотом, гиканьем и даже несколькими свистками, однако, общее согласие

было нарушено, чувствовалась неловкость, и гости разошлись ранее обыкновенного.

Придя в свою комнату, Нина велела позвать Прокофия и приказала не пускать больше тех господ, которые сегодня здесь обедали.

- Будьте спокойны, ваше сиятельство, ни одного больше не пустим; уж я сам досмотрю, - ответил старый слуга. - До сей поры у нас ещё такого сброда всякой шантрапы, хулиганов да босяков не бывало. К тому же, осмелюсь доложить, серебра не досчитываются.

Позже прилетела рассерженная Лили и осыпала Нину упрёками за её нетерпимость, жестокость в отношении бедных юношей «с золотым сердцем, но горячей головой», которых увлек политический задор.

- Ведь ты с ними так грубо обошлась только потому, что большинство этих бедных мальчиков оказались евреями? В таком случае, позволь заметить, что ты не имеешь никакого

права закрывать двери гостям твоей belle-mere⁸, - в пылу негодования закончила Лили.

Нина молча выслушала сыпавшиеся на неё упрёки и обвинения, но на последние слова кузины презрительно усмехнулась.

- Ты ошибаешься. Я имею право требовать, чтобы общество, которое окружает меня, было приличным. Вот Зинаида Моисеевна, та - не в праве навязывать мне хамов, оскорблять мой слух их наглыми выходками и заставлять меня любоваться грязным бельём г-на Юдельмана. Женясь, мой отец не давал ей права обращать свой дом в какой-то притон и, будь папа здесь, она не посмела бы скликать к нам весь тот сомнительный люд, который заседал за столом сегодня.

Зинаида Моисеевна тоже бесилась, но у неё хватило ума понять, что она зашла слишком далеко и что дело могло иметь неприятные последствия, особенно, если ещё вмешается Арсений, и обе горячие головы настроят отца. Кроме того, особые соображения побуждали её

⁸мачеха

избегать открытого разлада с Ниной, и потому, хотя и затаив злобу, она решила окончить историю миром. Когда, на следующий день, Нина пришла к утреннему чаю, она сказала ей ласково:

- Не хмурьтесь, душечка, и помиримтесь. Я сознаюсь, что виновата и поступила неосторожно, будучи обязана оберегать дом мужа от подобных революционных бесед. Но и вам не следовало так нелюбезно, в отношении меня, закрывать дверь моим гостям; я сама решила не принимать их больше. Позвольте, однако, вам сказать, дорогая Нина, что вы чересчур строги, нетерпимы и даже жестоки. За недостаток воспитания иногда трудно бывает винить людей. Вы привыкли, разумеется, к вежливости и изяществу людей вашего круга, а мои гости - люди простые, вышедшие из народа и борющиеся за свои гражданские права. Политические страсти увлекли их, может быть, за границы приличия, но вы не можете даже представить себе, через какую бездну нищеты они прошли, сколько вынесли презрения, несправедливости и гнёта. Верьте мне, что эти

бедные мальчики не догадываются даже, что они коробили вас сегодня своими несдержанными манерами и речами. Но, повторяю, раз они вам неприятны, вы их больше не увидите, и забудем всю эту историю.

- Конечно, я ничего больше не желаю, как забыть это неприятное происшествие, - сдержанно ответила Нина.

Она инстинктивно чувствовала, что под миролюбием мачехи таится лукавая злоба, но открытый разрыв был ей тоже неприятен.

Глава 6

Вскоре после описанного случая, как-то во время завтрака, неожиданно явился Енох Аронштейн. Зинаида Моисеевна крайне обрадовалась его приезду и пригласила погостить у них неделю.

- Вы ничего не имеете против этого, дорогая Нина? - любезно обратилась она к падчерице.

- Пожалуйста, - ответила та, покраснев, но не прибавила, однако, что это доставит ей удовольствие.

Три, четыре дня прошли довольно мирно. Нина, старавшаяся первое время удалиться, затем успокоилась, заметив, что Енох держал себя очень сдержанно в отношении её и вообще оказался вполне воспитанным человеком. Он играл с дамами в крокет или лаун-теннис, сопровождал в концерты и на прогулки, а в беседах умел блеснуть образованием и знанием иностранных языков. Его занимательный разговор на разные темы развлекал Нину, а её врождённая недоверчивость, может быть, и ослабела бы, если бы она не подмечала в тёмных глазах Еноха подозрительные огоньки, которые её пугали, возмущали и отталкивали.

Раз утром княжна с Лили сидели на балконе Нининой комнаты, выходящей в сад и расположенной в первом этаже дачи. Барышни были одни дома; Зинаида Моисеевна с кузеном отправились за покупками в город, а дети ушли гулять в парк. Лили вышивала по атласу сашэ для жениха, а Нина вышивала ковёр отцу и не

замечала, что подруга наблюдала за ней украдкой. Вдруг Лили сложила работу и лукаво сказала:

- Счастливая Нина. Ты ничего не замечаешь?

- Не замечаю чего? - спросила та удивлённо.

- Хитрая ты! А то, что прекрасный Енох влюблён в тебя и за тобой ухаживает.

Нина презрительно пожала плечами.

- Ты ошибаешься. Господин Аронштейн вовсе не влюблён и за мной не ухаживает: он просто вежлив и предупредителен. И это очень умно, потому что я не допустила бы неуместного ухаживания; а любовь с его стороны не имела бы смысла.

- А я тебе повторяю, что он безумно в тебя влюблён. Очевидно, ты просто не желаешь замечать, как он следит за каждым твоим движением, с каким восторгом он слушает, когда ты говоришь или играешь, и какая страсть загорается иногда в его чудных бархатных глазах. Позволь, однако, заметить, что ты поступаешь очень глупо, презирая такую любовь, это - блестящая партия. Аронштейн -

молод, красив, прекрасно воспитан и миллионер. Ведь не станешь же ты отрицать все эти преимущества потому только, что он еврей?

- Только? - насмешливо переспросила Нина. - Ты до такой степени окунулась в иудейство и пропиталась им, что перестала уж отличать белое от чёрного. Пойми же, что это твоё «только» представляет собою бездну, которая отделяет от подобного брака всякую христианскую девушку хорошего дома. Я ещё допускаю, что горькая нужда или крайняя необходимость может заставить женщину выйти замуж за еврея, но не представляю, чтобы это можно было сделать по доброй воле и до сего дня отказываюсь понять, как могла ты влюбиться в своего Лейзера? Вместо того, чтобы проповедывать мне такую чушь, лучше ты сама поразмысли о том, что собираешься сделать, пока ещё не поздно. Подумай только, что тебе надо порвать со всем твоим прошлым, что у этого самого мужа, для которого ты отказываешься от своих близких, есть тоже своя семья, принадлежащая к пролетариату какой-нибудь захолустной дыры, и тебе придется

терпеть эту грязную, грубую, некультурную родню. Что это должен быть за сброд, можно судить отчасти уж и теперь по твоему жениху. Тебе не раз приходилось краснеть за его промахи и неумение держать себя в обществе, как, например, позавчера, когда он, засунув пальцы в рот, стал ковырять в зубах и вытер руки об скатерть, или когда потом он начал плевать тут же под стол... И с таким человеком ты собираешься жить, быть его женой!

Закрыв глаза, Нина откинулась на спинку кресла, и на её очаровательном личике отразилось такое омерзение, что Лили была совершенно озадачена.

- Как ты всё преувеличиваешь. Именно, когда мы заживём совместно, я отучу его от мелких недочётов его воспитания и выучу, как надо держать себя в обществе. Впрочем, обо мне говорить не стоит, моё решение бесповоротно; но я всё-таки никогда не пойму, почему ты так презираешь любовь Аронштейна. В конце концов, это такой же мужчина, как и сотни других, но только гораздо красивее и обаятельнее. Никто не может оспаривать у него

права любить тебя. И даже думаю, что его поцелуи должны иметь особую прелесть... - и она цинично ухмыльнулась.

- Прошу тебя воздержаться от таких пошлых шуток, - перебила её Нина. - Разумеется, я ничего не могу запрещать г-ну Аронштейну и повторяю только, что он пылает по мне совершенно напрасно. Никакие его прелести, телесные и душевные, ни даже его миллионы, на меня не подействуют. А потом, он далеко не Пигмалион, чтобы оживить мёртвый камень моего сердца. У меня такое отвращение ко всему, на чём лежит хоть тень еврейства, что во мне что-то сжимается при одной мысли о необходимости с ним сталкиваться. А мрачное предчувствие шепчет мне, что эта женщина, на которой отец, по несчастью, женился, чтобы выпутаться из затруднительных обстоятельств, окажется со временем мёртвой петлёй и будет нам дорого стоить.

Лили встала за мотком шёлка, лежавшим в корзине на другой стороне балкона, и вздрогнула. Встревоженная вернулась она к подруге и приложила палец к губам.

- Тсс!.. Они вернулись, и Аронштейн сидит на террасе. Он, должно быть, слышал наш разговор, - чуть слышно прошептала она.

- Тем лучше, - громко ответила Нина. - По крайней мере, он будет знать, чего держаться, и прибережет свою любовь для кого-нибудь, более её достойной, чем я; для меня же подобная любовь - только оскорбительна.

Она отпихнула пальцы и поспешно ушла с балкона. Лили сидела в недоумении. Она видела, как Енох сбежал с террасы и быстро исчез в одной из тенистых аллей. Баронесса в нерешительности прошла в маленькую гостиную, рядом с балконом, но в ней никого не было, и дверь в соседнюю комнату была закрыта; значит, княжна заперлась у себя в спальне. Тут ей на глаза попались разбросанные на столе карточки Нины, доставленные поутру фотографом. Лили задумалась, а потом подошла к столу, выбрала из двух дюжин фотографий в различных позах карточку Нины в домашнем платье и белой кружевной садовой шляпе, с букетом цветов в руках, и сунула её в карман. Затем она торопливо сошла в сад. Ей хотелось

найти Аронштейна, чтобы убедиться, слышал он или нет обидные слова кухни.

После довольно долгих поисков, она нашла Еноха, наконец, на самой окраине сада, в густо заросшей жасмином беседке, где стояли деревянная скамья и стол.

Он сидел, закрыв лицо руками, и так был погружен в свои мысли, что не заметил Лили, пока она не положила ему руку на плечо.

Ей стало жаль, когда она увидела его смертельно-бледное лицо, на котором застыло выражение гнева и отчаяния.

- Вы слышали наш разговор, Енох Давидович, - сочувственно сказала она. - Но не надо принимать его близко к сердцу...

- Да, да! - сказал Енох. - Я слышал, что в глазах этой девчонки я - пария, которому ни воспитание, ни талант, ни состояние, словом, никакие внешние или душевные качества не дают человеческих прав, даже неотъемлемого права всякого человека стремиться завоевать сердце той, которую любишь. Как ни возмутительно, само по себе, такое мнение, оно

было бы безразлично для меня, если бы, на своё горе, я не чувствовал почти роковой страсти к этой гордой и несправедливой девушке. Невыразимо тяжело сознавать, что возбуждаешь лишь брезгливое отвращение в обожаемой женщине, которая содрогается при мысли о какой-либо ласке с моей стороны. И всё это потому, что принадлежишь к расе, которую всё человечество преследует слепой, несправедливой, тупой и возмутительной ненавистью. Он сжал кулаки.

- Всё это правда, - и Лили вздохнула, - вы совершенно невинно несёте последствия грехов, а часто и преступлений ваших предков и соплеменников, которые этим посеяли и укоренили такие предрассудки. Но, слава Богу, происходит реакция, и многие уже не разделяют этих диких воззрений. Да я сама - живой пример, как и Нина, я родовая аристократка, а, однако, выхожу замуж за человека вашего племени, которого люблю и уважаю, и который не внушает мне ни презрения, ни отвращения. Никакие уговоры меня с ним не разлучат... Израильтяне уже накануне завоевания полного

равноправия, а этим великим, справедливым законом будут отлажены и уничтожены расовые предубеждения. Поэтому не отчаивайтесь. Даже и с Ниной может произойти такое же чудо. Она ещё так молода, что не может иметь установившихся убеждений, а в душе женщины гнездится много противоречий. Почему же, наконец, такой красивый, образованный и богатый человек, как вы, не найдет средства победить строптивое сердце капризницы, воспитанной умственно-ограниченными и застывшими в великосветских предрассудках женщинами?

Аронштейн схватил руки Лили и горячо их расцеловал.

- Благодарю, великодушная! Ваши слова - целительный бальзам для моей истерзанной души. Конечно, я готов всё вынести, чтобы достигнуть цели.

- Будем надеяться. А пока, чтобы исцелить ваши раны, вот вам то, что я для вас стащила.

Она вынула из кармана карточку и положила на стол. Расстроенное лицо банкира вспыхнуло.

- Нина!.. И я могу взять себе фотографию?

- Конечно, только хорошенько её спрячьте, - со смехом ответила Лили.

- Жестокая, - шептал Енох, глядя на карточку.
- Ты околдовала меня своими глазами газели... Я готов весь свет перевернуть, чтобы только завоевать тебя.

Он вынул бумажник, вложил туда карточку и, кладя в карман, сказал горько, насмешливо улыбаясь:

- Несмотря на твоё презрение и отвращение, прекрасная княжна, ты будешь покоиться здесь, на моём сердце, чтобы чувствовать каждое его биение. Ах, если бы она была такой, как вы, - добавил он, обращаясь к Лили.

- О, широта воззрений не так-то легко добывается, - самодовольно улыбаясь, ответила та. - Вы не знаете, какую тяжёлую борьбу с предубеждениями семьи мне приходится вынести, и я боюсь, что мой брак закроет мне двери моих знатных родственников. Когда-то ещё мы перестанем томиться в плену всякого рода диких предрассудков... Мне уже так всё это

надоело, что я готова первая нести красное знамя свободы.

- Ах! этот неприятный случай совершенно затмил в моей памяти разные для вас новости, из которых одна будет вам особенно приятна, дорогая Елизавета Антоновна. Сегодня я получил от директора театра письмо, в котором он мне сообщает, что на днях приедет в Петербург для подписания контракта с Лейзером Менделевичем на очень выгодных условиях. Таким образом, вы будете вдали от вашей великосветской родни и недосягаемы для её злобы.

- Боже, как я буду рада, когда это дело кончится. А после подписания контракта можно будет назначить и день свадьбы. Спасибо, спасибо вам, милый Енох Данилович. Ну, а какая же другая новость у вас в запасе? - краснея от удовольствия, нетерпеливо добивалась она.

- Вторая новость - приятна для меня. Дядя Моисей писал мне сегодня, что вчера он говорил с министром внутренних дел и узнал о назначении Георгия Никитича в скором времени губернатором в Славгород. Ждут только его

возвращения из командировки; а так как нынешний губернатор - больной старик, то назначение князя последует без отлагательства. Значит, мой кумир поселится со мной в одном городе, и мне будет легче приблизиться к недотроге-царевне, потому что там я принадлежу к большому свету городской и финансовой аристократии. Мой банк - первый в городе; у меня ещё три дома, кроме особняка, где моё управление; я член многих комитетов и обществ, даже благотворительных. Князю будет неудобно не принимать меня у себя, а Зине я уж обещал помочь в устройстве общественных балов, лотерей, базаров. Разумеется, вы тоже примите во всем этом участие, Елизавета Антоновна, равно как и ваш муж, несравненный талант которого послужит нам большой поддержкой. Вообще, я позабочусь, чтобы вы оба заняли подобающее вам положение.

- Какой вы добрый, любезный и великодушный, милый Енох Давидович. Эта глупая Нина, право, слепа, что не ценит вас. Её надо непременно вразумить. Будьте уверены, что

я сделаю всё возможное, чтобы вас сблизить и дать вам обоим полное счастье.

За обедом Аронштейн отсутствовал, и на вопрос Лили Зинаида Моисеевна ответила, что он уехал в город. Встав из-за стола, все разбрелись. Лили ушла к себе писать письма, а княжна отправилась на прогулку с детьми. Когда Нина вернулась с гулянья, уже надвинулись сумерки. Терраса была пуста, но в освещенной гостиной она увидела княгиню, которая читала, полулёжа на диване в небрежной позе, так что видны были ноги, обутые в красные кожаные туфли и чёрные ажурные шёлковые чулки.

Не желая беседовать с мачехой, к которой питала всё большее и большее отвращение, Нина села на террасе в качалку у одного из окон в гостиную и задумалась. Так она спокойно мечтала с четверть часа, как вдруг в комнату княгини вошел Аронштейн. Он сел рядом с кузиной и заговорил с ней о романе, который та читала, но Зинаида Моисеевна кинула книгу и, лениво потягиваясь, сказала;

- Спой мне что-нибудь, Енох. Я люблю слушать тебя и мечтать. Но ты стал ленив, я замечаю.

- Нет. Я охотно спою, чтобы доставить тебе удовольствие. Что ты желаешь послушать?

- Что сам захочешь спеть, мой Мазини.

Аронштейн подошёл к этажерке с нотами и стал перелистывать, но вдруг бросил тетрадь. Сев за рояль, он стал подбирать и запел прощальную арию Лоэнгрина. Голос у него был прекрасный, сильный, бархатистый, гибкий и чудно обработанный. Это действительно был первоклассный артист, и вполне возможно, что чары его дивного голоса покорили немало женских сердец.

Нина вздрогнула и, не отрываясь, глядела через окно на певца, правильный профиль которого, - чисто восточного типа, отчётливо вырисовывался на красном фоне обоев. Она страстно любила музыку, а потому вполне ценила совершенство исполнения того, что слышала. Нина вся ушла в слух. А Енох, между тем, кончил свою арию и играл на рояле, но игра

его, столь же художественно-блестящая, волновала и мучила её. Никогда ещё она не слыхала таких удивительно своеобразных, диких, но захватывавших душу мелодий, какие доносились теперь. Затем снова раздался его голос. Он пел признание в любви, которому внимали лишь скалы да бездны, а вторил ему грохот бури, и из хаоса расходившихся стихий слышался крик безумной, бушующей страсти, безбрежной как море, то протестующей, отчаянной, жалобной и горькой, то торжествующей, полной удали и вызова.

Певец забыл словно, где находился, изливая в звуках бушевавшую в душе бурю и свой внутренний разлад. Иногда в его дрожавшем страстью голосе и мрачном взгляде мелькало что-то сатанинское. Нина была подавлена впечатлением музыки и бурной страсти, которой дышали эти звуки, впервые ею слышанные; она слушала, как очарованная, и нервная дрожь пробегала по её телу. Вдруг пение и музыка смолкли. Нина словно вышла из оцепенения и вздохнула свободнее.

Енох встал и, выйдя на террасу, взволнованно прошёлся по ней, как вдруг столкнулся с той, которой поглощены были его мысли.

Спускавшаяся с потолка лампа под розовым колпаком озаряла стройный белый образ Нины, а пережитое ею волнение ясно читалось на её выразительном личике. Большие, чистые её глаза глядели с наивным любопытством ребёнка, разглядывающего загадочный предмет, скрывающий что-то неизвестное. Неужели он способен страдать, чувствовать презрение, которое тяготеет над ним и его народом? На самом ли деле он несчастен настолько, насколько отразило его пение?

Аронштейн молча смотрел на неё, и бледное лицо его зарделось, подметив ту смесь сочувствия и отвращения, которая так живо отражалась на лице княжны.

- Вы большой артист, г-н Аронштейн, и я не предполагала в вас такого редкого дарования, - сказала Нина, нарушая молчание.

- О, конечно! Как могли вы заподозрить, чтобы у жида был какой-либо другой талант, как стричь

купоны, ростовщичествовать, да соваться в общество, которое его презирает и содрогается от гадливого чувства, пожимая ему руку из необходимости, - с горькой усмешкой ответил Енох. - А, ведь, никто не хочет понять, до какой степени возмутительно такое несправедливое отношение к целому народу, как прокажённому, не разбирая при этом виновного от невинного, и не допуская, что воспитание, дарование, качества души и сердца уничтожают смешные преграды, созданные безосновательными предрассудками людей, которые однако все братья по человечеству.

Нина вздохнула.

- Очень сожалею, что вам приходится пожинать ту ненависть, которую посеяли ваши сородичи. Почти всегда невинные платятся за виновных, что делать? Бездна, разделяющая евреев от других народов, вырывалась веками, и вы не можете требовать снисхождения, потому что ваше племя само питает дикую, непримиримую ненависть ко всему остальному человечеству! А народ, который отвоёвывает себе равноправие, проходя через море крови,

путём гнусных преступлений, бунтов, грабежей, нравственной и материальной гибели приютивших его у себя государств, не может не вызывать к себе всеобщего отвращения. С древнейших времен, где бы только ни проходили сыны Израиля, всюду они оставляли по себе след крови, растления, смут и разрушения. Во всём мире евреи возмущали народы и толкали их на братоубийственные войны, подрывали их верования и гражданские доблести, которые служили основой государственной мощи. И вот, когда на обломках своего национального величия, на тысячах человеческих гекатомб, народы видят торжествующего иудея, вопящего про свою победу и, под шумок вызванных им горя и бедствий, нагло захватывающего права и преимущества, тогда все в праве бежать от него, как от сатаны, и считать его врагом всего человечества.

Я не хочу сказать, что не бывает исключений, но где их искать? Всё равно, как в толпе чумных могут оказаться и вполне здоровые люди, а всё-таки страх заразы мешает с ними сближаться. Лично меня вы упрекаете в отвращении и

недоверии к вашему племени? Откровенно вам отвечу, что отдаю должную справедливость уму, энергии и даровитости евреев, но я чувствую в них опасного, упорного, дышащего ненавистью врага моей Родины, змею, которая обвила её, чтобы безжалостно задушить, лишит чести и величия, оторвать от веры и всего, что священо для нас, чтобы поработить и осквернить. Но великий народ не сдаётся и не умирает без борьбы, и этот предстоящий бой будет не на жизнь, а на смерть. Я слишком люблю свою Родину, а потому избегаю и ненавижу её коварного врага.

- А кто нас сделал тем, чем мы стали? Сами христиане, с их нетерпимостью, гордостью и преследованиями, - ответил Енох, тяжело дыша и пристально смотря на покрасневшее личико противницы.

- Нет, извините. Ненависть к вам гораздо древнее христианства. Египтяне, ассирийцы, персы, римляне, все ненавидели евреев и имели на то вероятно основательные причины...

- Основательны они или нет, но мы не хотим, чтобы с нами обращались как с паршивыми

собаками, - перебил её вспыхнувший Енох. - Нам надоело быть презираемыми и угнетаемыми; мы требуем себе места на жизненном пиру, мы требуем полного равноправия и мы вырвем его у христиан, хотя бы с кусками мяса, хотя бы ценой их гибели, если они не пожелают добровольно признать нас равными себе.

Бешенство, кипевшее в нём с утра, вдруг прорвалось; с багровым лицом, трясущимися губами, дрожа от страстного гнева, он сделал шаг к княжне, которая ощипывала цветок, с презрительной усмешкой на устах.

- Ваша откровенность восхитительна, и вы, кажется, действительно нашли настоящее средство для пробуждения любви гоев. А если оно не удастся, остаётся надеяться, что весь мир разрушится, чтобы положить предел столь долгой борьбе, - холодно-насмешливо заметила Нина, но в ту же минуту вздрогнула и отшатнулась.

Подняв глаза, она встретила страстный взгляд Аронштейна, и её охватил не то страх, не то отвращение.

- Зинаида Моисеевна, - крикнула Нина. - Придите, пожалуйста, и успокойте вашего кузена, он болен, и я его боюсь. Кстати, скажите ему, что в нашем обществе не принято так дерзко глядеть на девушку.

И она вихрем пролетела мимо появившейся на пороге террасы испуганной княгини.

- Енох, что с тобой? Ты с ума сошёл или болен? - говорила княгиня, тряся руку Аронштейна, который с глухими рыданиями упал в покинутое Ниной кресло и закрыл лицо руками.

- Зачем я жид, за что я осужден принадлежать к этому проклятому народу? - вырвалось у него.

Гордость и негодование сверкнули в чёрных глазах княгини при этих словах. - Нагнувшись к нему, она прошептала глухим от сдержанного гнева голосом:

- Безумец, слепой! Как не стыдно поносить самого себя! Дочь гоев никогда не сможет оценить честь быть любимой сыном Израиля. Но настанет час, и он уже близок, когда мы дадим почувствовать нашу власть этому заносчивому

отродью, когда они все станут нашими слугами и рабами, а христианские девушки почтут за счастье - быть даже не законными женами, а просто наложницами евреев. Приди же в себя! Войдёт лакей и увидит тебя в этом состоянии. А теперь позволь сказать, что у тебя нет ещё причины отчаиваться. Отец писал мне сегодня, что Жоржа назначают губернатором в Славгород; значит она будет жить в одном с тобой городе, и я тебе обещаю, что мы так крепко стянем петлю на шейке моего дорогого супруга, что он ещё обрадуется выдать за тебя гордую Нину. Впрочем, даже если бы тебе не удалось жениться на ней, клянусь тебе клятвой Сарры, я предоставлю её тебе в возлюбленные.

Енох выпрямился и отёр платком мертвенно-бледное и покрытое потом лицо.

- Нет! Я хочу обладать ею, как моим неотъемлемым достоянием, - ответил он порывисто. - Любовница остаётся свободной и может меня покинуть; законная жена - это моя собственность, вещь, и я приму меры, чтобы Нина стала моею перед законом.

- Ну, слава Богу! Наконец-то я узнаю тебя. А если потребуется союзница, рассчитывай на меня, - с хохотом ответила Зинаида Моисеевна.

Не подозревая даже о грозе, собиравшейся над её головой, Нина прибежала прямо в комнату Василисы и кинулась ей на шею.

- Няня, няня! Этот мерзкий жид в меня влюбился... Если бы ты только видела, какими глазами он смел на меня глядеть... Я боюсь его, - бормотала она, дрожа от отвращения.

Добродушная старуха перепугалась, но старалась её успокоить; она сама подметила однажды такой же взгляд у Аронштейна, но умолчала о нём, боясь ещё больше встревожить Нину, возбуждение которой успокоили хлынувшие слёзы.

На другой день, за завтраком, Енох не показывался; не было его и за обедом, а Василиса Антиповна сказала потом Нине, что должно быть жидовин совсем убрался, потому что и чемодан его увезли.

Наступившее затем время текло довольно мирно. Собраний революционеров больше не

было, а лето разогнало петербургское общество по дачам, деревням, заграницам, и гостей у Пронских бывало мало.

Одна Лили почти безотлучно гостила у них. За последней попыткой старого барона, её дяди и опекуна, заставить Лили вернуть слово Итцельзону последовал окончательный почти разрыв с семьей.

Все усилия образумить Лили остались тщетными. В виду тупого с её стороны упрямства, барон объявил, что до дня её совершеннолетия, 26 августа, он не даст своего согласия на брак, затем представит отчёт по опеке и вручит её состояние, сто тысяч в бумагах, а после этого просит прекратить всякие сношения с ним и его семьей.

Но ни эта тяжёлая сцена, ни потеря близких не поколебали решения упрямой баронессы. Она с благодарностью ухватилась за приглашение княгини переселиться к ним до свадьбы, которая была назначена в начале сентября. Затем новобрачные предполагали совершить маленькое свадебное путешествие, прежде чем ехать в Славгород, где у Лейзера был ангажемент в

оперу. А так как князь только что известил о своём назначении на пост губернатора, то Зинаида обещала лично приготовить «гнёздышко» молодым и всё устроить к их приезду.

В такой уединённой тихой жизни Зинаида Моисеевна скучала; кроме того, искала выхода её затаённая злоба против мужа с семьей, и она нередко часами придумывала средства, как бы насолить им и нанести удар в сердце князя.

Частым гостем на даче был Арсений, приезжавший по праздникам из Красного Села. Красивый юноша понравился княгине с первого же взгляда и, чем больше она разочаровывалась в муже, тем больше стала интересоваться Арсением. И вот, в её извращённом воображении созрел план, который одновременно должен удовлетворить её жажду наслаждений и мести.

Глава 7

Было начало августа. Уже несколько дней как Арсений был произведён в офицеры, но в Царском Селе ещё не показывался. Нина днём

виделась с ним в городе у одной из родственниц, и он обещал приехать на дачу вечером.

После обеда Нина чувствовала себя нездоровой; общее недомогание перешло в мигрень, и ей пришлось лечь в постель.

Около одиннадцати часов вечера в доме водворилась тишина. Дети с гувернантками спали на противоположном конце дома, а Лили осталась ночевать в городе у знакомых.

Зинаида Моисеевна сидела одна в своём будуаре, рядом со спальней. Переодевшись в роскошный розовый батистовый, украшенный кружевами капот, она заплела на ночь косы и отослала горничную. Затем она поставила на столе вазу с фруктами, пирожки, вино и ликёры, а в один из хрустальных стаканов всыпала белый порошок из пакетика, который хранила в кошельке. Закончив приготовления, она вышла на маленькую террасу, рядом с будуаром, и стала ходить взад и вперед, поглядывая на садовую калитку, через которую обычно проходил Арсений, если поздно возвращался домой, и ключ от которой он всегда имел при себе.

Пробила полночь, и легкий скрип калитки указал на возвращение молодого князя. Минуту спустя стройная фигура юного офицера появилась у террасы, мимо которой ему необходимо было пройти, чтобы попасть в отцовский кабинет, где он обыкновенно ночевал, когда приезжал к своим. Заметив мачеху, он остановился, чтобы поздороваться.

- Ах, это вы, Арсений Георгиевич? Позвольте вас поздравить. Я ещё не имела удовольствия видеть вас в офицерской форме. Примите мои наилучшие пожелания.

Арсений взошел на ступеньки террасы, чтобы поблагодарить её за поздравление и поцеловать протянутую ручку.

- К вам очень идёт мундир, - с улыбкой продолжала она. - А теперь вы не откажете, надеюсь, мне, как и всякой доброй знакомой, в праве выпить стакан вина в честь вашего производства.

Арсений не мог отказать, не обижая её, и прошёл за ней в будуар. Увидав приготовленное угощение, он снял палаш и присел к столу: а

пока он клал на стул оружие, Зинаида налила два стакана и, протянув один ему, подняла другой, провозглашая тост за здоровье и блестящую карьеру юного корнета.

При этом движении широкий рукав её капота распахнулся, и из массы кружев появилась обнажённая белая, как слоновая кость, и классической красоты рука.

Она сидела с огнистым румянцем на матово-бледном лице и смело глядела ему прямо в лицо лучистыми глазами, с затаённой беспечной радостью. Взгляд Арсения на минуту с восхищением остановился на Зинаиде, а затем он выпил залпом свой стакан и ещё раз поблагодарил за пожелания.

- Отчего вы так поздно приехали? Нина с нетерпением ждала вас, и только нестерпимая мигрень уложила её в постель.

Княгиня пододвинула ему пирожное, и пока Арсений принимался за еду, она начала рассказывать, о чём писал ей князь в последнем полученном утром письме; затем она перешла на грустные вести с театра войны и дела Красного

Креста и, под конец, упомянула про назначение мужа и их скорый отъезд.

Каждый вопрос она обсуждала с такими подробностями и полнотою, которые могли бы заронить подозрение, что она умышленно затягивала разговор. В это время в её пасынке происходила какая-то странная перемена. Лицо юноши покраснелось, глаза неестественно загорались, и им овладело лихорадочное возбуждение.

Он пил вино стакан за стаканом, которые ему услужливо наполняла Зинаида, словно не замечая смелого, страстного, устремленного на неё взгляда юноши и продолжая болтать. Лишь когда волнение Арсения дошло до апогея, и он горячей рукой удержал ручку своей собеседницы, подававшей ему папироску, та заметила как будто его возбуждённое состояние и заботливо спросила:

- Что с вами, Арсений? Вы так покраснелись! Вы нездоровы? И прислонясь к нему, она положила руку на лоб Арсения. Это прикосновение и ощущение на себе её упругого тела подействовали на юношу подобно

электрическому току. Одурманенный обильно веявшим от неё и раздражавшим ароматом духов, он порывисто обнял её, прижал к себе и жадно прильнул к её губам.

- Что вы делаете, Арсений. Здесь подле балкона?.. Пустите... Она высвободилась из его объятий и попятилась к дверям своей комнаты. Но юноша потерял голову и следовал за ней, стараясь поймать её. Они скрылись в спальне княгини, и дверь захлопнулась...

Было поздно, когда Арсений проснулся на следующий день. Он лежал полуодетый в кабинете отца, на диване, служившем ему постелью. Голова была тяжела и трещала, и во всём теле чувствовалась тупая усталость. Вошёл Прокофий и добродушно ухмыльнулся, глядя на него.

- Хорошо вспрыснули новый мундир, ваше сиятельство, - сказал старый слуга тем покровительственным тоном, которого обыкновенно держался в отношении молодого барина. - А я, старая скотина, так заспался вчера, что не слышал даже, когда вы изволили

вернуться. Должно, часа в четыре, а не то в пять, когда у меня сон крепче всего.

Видя, что молодой князь закрыл глаза и прижал обе руки ко лбу, старик вышел и притворил за собой дверь.

Но Арсений не спал, а напряженно думал, стараясь уяснить себе, что с ним произошло. С той минуты, как он вошёл на террасу мачехи, воспоминания путались, а между тем вчера он вернулся в Царское от родных, где ничего не пил. Что же было потом?

Но вот стали просыпаться воспоминания, неясные сначала; но затем, мало-помалу, они становились всё определеннее, а по мере того, как вырисовывались, с грехом пополам, разные эпизоды вчерашней сцены, на теле выступил холодный пот, и в сердце заняло смутное чувство ужаса и отвращения.

Во сне ли это было или он с ума сошёл? Какое позорное, глупое увлечение! Взрыв неожиданно налетевшей страсти толкнул его на обладание женой отца... А она, негодная, отвечала на его страсть с цинизмом вакханки.

У Арсения кружилась голова, и он никак не мог понять, каким образом могло совершиться подобное вопиющее безобразие. Его охватило такое омерзение к самому себе, что на мгновение мелькнула мысль о самоубийстве, но для этого юноша был слишком честным и верующим. Он вырос в убеждении, что самоубийство - греховно и подло и что нельзя искупать один гнусный проступок другим. Арсений пробовал убедить себя, что это был просто кошмар, но, увы, эта иллюзия длилась недолго. Он ещё не кончил одеваться, как ему подали от мачехи записку, в которой та коротко извещала его, что едет в город, и просила в назначенный час заехать на городскую квартиру для переговоров по делу.

За завтраком Нина была очень встревожена болезненным видом брата; но он её успокоил, воспользовавшись догадкой Прокофия, и сказал, что слишком хорошо поужинал с товарищами. Затем он простился и уехал в город, будто бы по делам службы.

Разговор, бывший затем у Арсения с Зинаидой Моисеевной, убедил юношу, что случившееся с ним было не сон и что он нравился мачехе, а

главное, что отделаться от неё будет не так-то легко. Вместе с тем, после долгих часов тяжёлого раздумья, в нём окрепла уверенность, что он попал в ловко расставленную западню и что за этой возмутительной интригой таится месть отцу, который, вероятно, обидел чем-нибудь эту ведьму.

Недели две спустя вернулся Георгий Никитич. Он был завален делами и мог пробить в Петербурге лишь очень короткое время, будучи принуждён спешно ехать на место нового назначения, ввиду того, что его предместник заболел; в губернии же было беспокойно и настроение создавалось тревожное.

Оставшись как-то наедине с отцом, Нина воспользовалась минутой и описала всё, что творилось в его отсутствие: как Зинаида Моисеевна пригревала у себя шайку анархистов, терпеливо сносила призыв к бунту и ругательства, которыми те сыпали на царя и государственный порядок, не говоря уже об их наглой неприличной манере себя держать.

- Но я прекратила эти хулиганские сборища, - закончила раскрасневшаяся Нина свой рассказ. -

Тем не менее, я сочла долгом, папа, тебя предупредить, чтобы теперь, когда ты займёшь высокий пост, в твоём доме снова не явились босяки и разный тому подобный сброд; да и у самой Зинаиды Моисеевны проскальзывает нередко такая манера себя держать в обществе, что я только краснею. Как бы она тебя там не скомпрометировала.

Князь привлек её к себе и расцеловал.

- Спасибо, мой верный страж, за то, что ты так хорошо всё блюла. Но успокойся, я не допущу, чтобы из моего дома устраивали революционный клуб, а если ты заметишь что-нибудь подозрительное, так предупреди меня.

Нина радостно обещала это отцу. Вечером, оставшись с глазу на глаз с женой, князь сказал, смотря на неё своим обычным, холодным взглядом:

- Я узнал, Зина, что ты в моё отсутствие принимала здесь сомнительный люд, который не находил нужным считаться даже с общепринятыми правилами приличия. Тебе известны мои верноподданнические чувства к

Государю, мои национальные убеждения и уважение к церкви; следовательно, мой дом - не место для сборищ анархистов и нахалов. Я теперь уезжаю, а вы последуете за мной только через месяц. За это время убедительно прошу тебя принимать здесь лишь людей моего круга и ни под каким видом не впускать молодых людей из той извращённой, бесстыдной, не учащейся молодежи, которая бунтует школы, натравливает учеников на учителей и является позором нашего времени. Имей это в виду, Зина. Не забывай, какое имя ты носишь, и помни о том положении, которое тебе предстоит занять.

Не дожидаясь ответа, князь встал и вышел из комнаты, сославшись на дела. Зинаида Моисеевна молча слушала его, и муж не видел того взгляда, полного ненависти и презрения, которым она его проводила. Но скрытое бешенство её было таково, что она изорвала в клочья свой батистовый платок и кружева капота.

Несколько дней спустя после отъезда князя, была свадьба Лили, отложенная на несколько недель из-за разных формальностей. Молодая

баронесса была зла на князя и Нину; дядя не пожелал отложить свой отъезд и отказался быть её посажёным отцом, а кузина осудила помещение её капитала, при посредстве Итцельзона, к еврею-банкиру в Славгороде. Князь только сказал:

- Ты глупа.

Нина высказалась откровеннее:

- Правда говорится, что кого Бог наказать захочет, у того разум отнимет. Ты не только сумасшествуешь со своим приданым, покупаешь роскошную обстановку и т.д., но ты отдаёшь мужу, в его распоряжение, всё своё состояние. И я предвижу, что в одно прекрасное утро ты останешься на соломе, без гроша за душой. Надо быть безумной, чтобы, связав себя по рукам и ногам, отдаться на произвол этой шайки.

- Пожалуйста, округляй свои выражения, потому что через несколько дней я буду принадлежать к той же шайке и не стыжусь этого. Успокой и твои напрасные страхи насчёт моего состояния: в руках моего жениха оно будет в такой же сохранности, как и в моём

кармане, - протестовала покрасневшая от негодования Лили.

Зато Зинаида Моисеевна относилась к баронессе с чисто материнской нежностью. Она была её посажёной матерью, помогала в приготовлениях к свадьбе и, при помощи Еноха, наняла в Славгороде квартиру. Аронштейн любезно обставлял «гнёздышко» присланными из Петербурга вещами, в которых было много подношений княгини. Дня два спустя после первого разногласия, между кузинами произошла новая размолвка.

- Разве правда, что сказала мне Зина, будто ты не хочешь быть на моей свадьбе? - спросила взволнованная Лили.

- Правда. Если уж твой брат, и никто из твоих близких не желают на ней присутствовать, то с какой стати поеду я в общество, которое мне противно.

- Толя идиот, которого взвинтили мой опекун с женой, и я рада, что их не будет. Но ты с дядей Жоржем, вы меня возмущаете. Он, который сам женился на еврейке, корчит из себя вдруг

непримиримого юдофоба. Смешно! Пожалуй, ты не пожелаешь меня знать и принимать с того дня, как я стану m-me Итцельзон.

- Нет, моя нетерпимость не идёт далеко. Я всегда буду помнить кто ты, и приму, когда ты меня навестишь, но бывать в доме m-me Итцельзон не намереваюсь. Отвращение, внушаемое мне евреями, - выше моих сил.

- Арсений гораздо гуманнее тебя и даже обещал быть у меня шафером.

Нина покраснела до корней волос.

- В самом деле? Я думала, что у него больше такта. Признаюсь, я не предполагала, что он может находить удовольствие на этой толкучке, которая соберётся у тебя на свадьбе.

- Вот видишь! Твоего брата гораздо легче приручить, чем тебя. Он - беспристрастен и отдаёт должную справедливость редким качествам Зины, а не бежит от неё, как ты...

Она громко расхохоталась и поглядела как-то ехидно, так что у Нины сердце тихонько сжало смутное, тяжёлое предчувствие. Она и сама

подметила, что в душе брата совершался какой-то роковой перелом.

Тем не менее, Нина настояла на своём и, под предлогом нездоровья, отсутствовала на свадьбе, не обращая внимания на ядовитые замечания Зинаиды и колкости Лили.

На другой день Арсений был в мрачном настроении.

- Ну, хорошо ли ты себя чувствовал на знаменитом вчерашнем торжестве, и довольна ли осталась m-me Итцельзон? - спросила его Нина, когда они остались вдвоём. Молодой князь рассмеялся.

- О, мадам Итцельзон сияла счастьем. Увидим, вернётся ли она такой же довольной из своей свадебной поездки, какой уехала. На свадьбе было всё специфическое: и тон, и туалеты, и крючковатые носы, и жаргон. Не подумай, однако, что мало было наших, т.е. людей нашего общества. Их была там целая уйма, и вся эта компания держала себя угодливо, чуть не пресмыкалась перед наглым жидовьём. Господи, как люди подлы и низки! Вообрази, что адмирал

Весёлый и барон Мерхе или дамы, вроде Рыдловой, Сушковой и, вообще, многие довели своё прихвостничество до того, что поехали провожать молодых на вокзал. Правду, значит, говорили, что все они по уши сидят в долгу у евреев.

Наблюдавшая за братом Нина взяла его руку и крепко пожала её.

- Оставь этих людишек, Арсений, они для нас с тобой мало интересны. Скажи мне лучше, что с тобой происходит? Признавайся, что у тебя на душе? С некоторых пор ты очень изменился. Или я перестала быть твоей поверенной, другом, любимой сестрой, которой прежде ты всегда говорил всё?

Арсений побледнел, встал и взволнованно прошёлся по комнате. Вернувшись затем к сестре, он порывисто обнял её и крепко поцеловал.

- Нет, Ninon, ты по-прежнему останешься всегда моим другом, поверенной, моей надеждой и, когда бремя станет уж слишком меня давить, я обещаю открыть тебе всё. Только теперь я

ничего не могу сказать и умоляю тебя, не спрашивай! Ещё одна просьба: если ты меня любишь, не говори папе, что заметила во мне какую-либо перемену.

Удивлённая и встревоженная Нина пыталась убедить его доверить ей своё горе, но, видя, что её убеждения только волнуют брата, она с грустью смолкла.

Глава 8

Переезд в Славгород совершался по частям. Первой уехала Нина с детьми, гувернантками и Василисой Антиповной. Княгиня отложила свой отъезд на неделю и для этого придумывала разные предлоги, а истинной причиной отсрочки было желание провести это время одной с Арсением. Её интрига с красивым юношей ей нравилась, а с трудом скрываемое отвращение, которое она ему внушала, и, видимо, мучившие его угрызения совести даже забавляли Зинаиду Моисеевну.

Нина нашла, по приезде, что отец был озабочен, грустен и задумчив. Да и

действительно, положение князя было тяжёлое, и на деле всё оказывалось гораздо более запутанным, чем он предполагал. С первых же шагов он заметил, что находится на вулканической почве и попал в заколдованный круг, откуда выхода не видел, и где всё было враждебно его политическим воззрениям и административным распоряжениям.

Вице-губернатор, полиция, суд и громадная масса чиновничества были напичканы «либерализмом», который едва ли не примыкал вплотную к революции. Князь тотчас же убедился, что вся чиновная «аристократия» продалась евреям, очень многочисленным в Славгороде, как большом административном промышленном центре. После кровавых январских дней в Петербурге, революционная гидра осмелела, а подпольные листки с прокламациями наводняли улицы, казармы и деревни, вплоть до правительственных учреждений. Губернатор знал о существовании тайных типографий, где печатался этот гнусный хлам; из достоверных источников ему было известно, что еврейство вооружается под видом

самообороны; наконец, убийства полицейских нижних чинов и мелких чиновников заливали город кровью всё чаще и чаще. А между тем, преступники оставались неуловимыми, склады оружия и подпольные типографии не разыскивались, тайных сборищ нельзя было накрыть, а полиция являлась либо слишком рано, либо поздно, и бунтовщики злорадно смеялись. Такое положение вещей бесило князя. Между вице-губернатором, фон Заалем, - остзейским немцем, сыном еврейки и женатым тоже на еврейке, и полицеймейстером Боявским, - вкрадчивым и хитрым поляком, бедный губернатор чувствовал себя бессильным; все его распоряжения встречали глухое, но настойчивое противодействие. Вице-губернатор ухитрялся всегда доказать, что обвинение против евреев - сплошная клевета, а полицеймейстер выставлял зачинщиком или провокатором кого-нибудь из местных русских патриотов. Если же кое-кто из принадлежавших к революционной клике и попадал в руки «правосудия», будучи пойман на месте преступления или с поличным, то суд неизменно оправдывал его, или присуждал к забавному наказанию.

Чтобы бороться с такой молчаливой, но настойчивой и сплочённой шайкой, необходимы были выдающийся ум и железная воля, т.е. качества, которыми не обладал Георгий Никитич. Это был барин с головы до ног, он был добр, честен, любил свою Родину, но вместе с тем был беспечен и легкомыслен, расслаблен уладами жизни.

С приездом княгини дом оживился. Скопление работы и частые отлучки князя развязывали руки Зинаиде Моисеевне. Она много выезжала и принимала, проявила большую деятельность на поприще благотворительности и учредила два общества: одно - для оказания помощи постигнутому голодом крестьянству, а другое - для жертв войны и раненых. Концерты, спектакли, базары и т.д. шли без перерыва, и никто этому так не радовался, как еврейство, которому открыто покровительствовала княгиня, вербуя сородичей в члены своих учреждений. Представители финансового и промышленного мира всё чаще и многочисленнее стали являться в губернаторском доме.

Нину это общество глубоко возмущало. Всё, что происходило вокруг, противоречило её мировоззрению, а к этому чувству негодования присоединился страх за отца, убеждения и положение которого ежедневно подвергались большой, всё выроставшей опасности. Но всего более ей было противно сталкиваться чуть не ежедневно с Енохом, который состоял в двух обществах секретарём, а в других - почётным членом, и принимал деятельное участие во всех затеях своей кузины, что постоянно сводило его с княжной; а ей, как дочери губернатора, было неудобно уклоняться от благотворительных затей Зинаиды Моисеевны.

Аронштейн здесь был совсем иным, чем в Петербурге. Тут он говорил и действовал с большим апломбом, был на равной почве с властями и корчил из себя «аристократа».

В нём не было прежней ледяной сдержанности или горячности, как в столице, и держал он себя с той любезной небрежностью, которая походила на близость. При посторонних в особенности, он ставил себя на родственную ногу и нимало не смущался явным недовольством или

презрительным равнодушием княжны.

Жаловаться отцу Нина не хотела, видя, что у князя и без того немало забот; но она по возможности сторонилась и перестала посещать «заседания» и «собрания» мачехи с тех пор, как там окончательно водворилось еврейство.

Княгиня с явным неудовольствием отметила это и, как-то раз за утренним чаем, когда они остались с глазу на глаз, заметила со злобным негодующим взглядом:

- У нас сегодня в два часа заседание «Комитета помощи раненым», и я надеюсь, моя милая, что вы не будете отсутствовать. Ваше настойчивое нежелание посещать наши собрания начинает возбуждать внимание и справедливое удивление, что дочь губернатора так равнодушна к общепольным учреждениям. Богатые и уважаемые люди, оказывающие нам честь своим содействием и присутствием, обижены этим недостатком внимания с вашей стороны, но вам, по-видимому, это безразлично, и вы себя держите, словно не принадлежите к семье и не интересуетесь удачей наших хлопот.

Нина побледнела, и её губы дрожали, когда она холодно ответила:

- Меня удивляет ваш упрёк, Зинаида Моисеевна. Я отлично знаю обязанности, возлагаемые на меня положением отца и, хотя мне это неприятно, но я постоянно принимаю участие в ваших базарах, ваших концертах и т. п. увеселениях. В дамском комитете Красного Креста для шитья белья я же ведь и председательствую; затем я ежедневно посещаю раненых в госпитале. И этот долг, подсказываемый мне больше сердцем, чем моим положением, я выполняю с радостью, но любезничать и ухаживать за теми богатыми и уважаемыми людьми, которые составляют большинство собирающегося у вас общества, мне противно. Я отлично понимаю побудительные причины их щедрой благотворительности. Люди эти, выйдя из подонков общества и разбогатевав на ростовщичестве и разорении, словом, на русском поте и слезах, хотят пролезть в высшее общество, чтобы прикрыть своё сомнительное прошлое. Это общество не для меня, т.е. не то

общество, к которому я привыкла, и я не вижу причины, могущей заставить меня быть бессменно дежурной в вашей гостиной, чтобы их чувствовать.

- Среди других причин вашей нелюбезности, вы забыли упомянуть: во-первых, что часть моих гостей - израильтяне, и это одно делает их, разумеется, недостойными общества княжны; а, во-вторых, что золото такой же противной «жидовки» оплачивает роскошь княжеского дома, позолотило его облезлый герб, а самой княжне даёт возможность важничать, вместо того, чтобы бегать по урокам или коптеть в какой-нибудь конторе. Это вас не коробит?! - злобно прошептала Зинаида. Нина побледнела, и глаза её вспыхнули.

- Золото этой «жидовки» мой отец оплатил своим именем и положением - вознаграждение более чем достаточное за эту унижительную куплю-продажу. Но мне кажется, пора кончить наше неприятное объяснение, и я только прибавлю, что ухаживание ваших еврейских родственников делает мне пребывание в вашей гостиной положительно невыносимым. Я не

желаю, чтобы меня преследовали. Поняли вы меня, сударыня?

Зинаида сухо засмеялась.

- Поняла и знаю, на кого вы намекаете. Но я вам отвечу на это: берегитесь! За ваше открыто высказываемое презрение ваш отец может поплатиться и головой. Мои соплеменники доведены до исступления заносчивостью и незаслуженным презрением со стороны христиан; мы идём к полному уравниению в правах, и всё, что осмелится противостать этому или преградить достижение свободы народу, издавна угнетённому, он сметёт со своей дороги. Так что, если вы дорожите жизнью и безопасностью вашего отца, будьте осторожнее и остерегайтесь задевать самолюбие столь же, как и вы, восприимчивого человека. За оскорбление вам воздается сторицей, и я буду бессильна защитить вас: тогда скажут, что я прикрываю обидчиков моих близких.

Нина встала. Она была бела, как её утреннее батистовое платье. Так вот каким пугалом хотят они обуздать её, придавить и подчинить своей воле?! Эта фурия решила действовать на её

воображение, чтобы сделать её податливее, и заставить дрожать ежеминутно за жизнь своих близких. Теперь этот кровавый кошмар будет преследовать её денно и нощно.

- Наконец-то вы снимаете маску, - вырвалось у Нины. - Вы, как змея, вползли в нашу семью и принесли с собой позор и горе...

Крепко стиснув руки, Нина со слезами в голосе проговорила:

- Бабушка! Ты была первой жертвой этой ядовитой гадины, защити, сбереги нас твоими молитвами!

В эту минуту в соседней комнате слышались шаги князя.

- Ни слова отцу о нашем споре, - повелительно прошипела Зинаида Моисеевна, схватывая Нину за руку.

- Напротив, его надо предупредить, что ему грозит в случае неповиновения «святому кагалу», - ответила Нина, стряхивая с отвращением её руку.

Князь стоял уже на пороге и с удивлением смотрел то на бледную, дрожавшую от волнения дочь, то на жену, помертвевшее лицо которой отражало гнев и тревогу.

- Что такое здесь произошло, Нина? Что тебя взволновало? - раздражённым тоном спросил князь.

Тяжёлая, жгучая борьба шла в душе Нины. Гнев внушал ей сказать всё откровенно; любовь к отцу удерживала и подсказывала, что было бы жестоко с её стороны обременять его новыми заботами, раскрывая ему, что эта женщина хотела поработить её угрозой его смерти. Она бросилась к отцу на шею, крепко сжала его в объятиях и разрыдалась, а затем вдруг вырвалась от него и убежала.

Князь смерил жену недовольным, холодным взглядом.

- Сколько раз мне надо повторять, что я не желаю сцен между тобой и Ninon. Я требую, чтобы ты оставила её в покое и не стесняла никогда её вкусов, желаний и привычек. Не забывай, что мои дети для тебя - чужие, и я

воспрещаю тебе делать им сцены и вступать в препирательства. Помни это!

Он повернулся и вышел из комнаты, не дожидаясь ответа, а Зинаида опустилась на стул. Её мертвенно бледное, искажённое лицо и горевшие ненавистью глаза дышали чисто дьявольской злобой.

- Погоди, - думала она, злобно сжимая кулаки.
- Ох, как ты дорого мне заплатишь за все эти оскорбления! Твои дети для меня чужие? Ха, ха, ха! Воображаю твою рожу, когда узнаешь, какое у меня «родство» с Арсением! Ха, ха! А эта кривляка Ninon будет женой Еноха! Клянусь в том именем твоим, Иегова, Великий Бог отцов моих!...

После этого столкновения с мачехой, Нина пила утренний чай в своей комнате и ещё более избегала «благотворительных» собраний княгини.

Лили вернулась из своего свадебного путешествия и поселилась в прекрасной квартире, приготовленной для неё Зинаидой Моисеевной, которая встретила новобрачных

даже с хлебом-солью и окружала нежным попечением.

Георгий Никитич с Ниной заметили, однако, что новобрачная сильно изменилась. Она побледнела, осунулась, стала задумчивой и мало общительной, а прежде была весёлой болтушкой.

Раз утром, когда Нина сидела в своём будуаре, горничная подала ей принесённую неизвестным мальчиком записку. Она с удивлением вскрыла конверт и прочла послание Лили, в котором та умоляла назначить ей день, когда она могла бы повидать её тайком по важному делу.

«Приезжай сейчас, - отвечала ей Нина, - время самое удобное. Папа уехал по губернии, а Зинаида Моисеевна гостит у Бродельманов в имении. Я одна дома, и проходи прямо ко мне».

Нина ждала её с нетерпением, ломая себе голову, какая такая тайна была у Лили?

Кузины виделись редко; хотя Лили первое время бывала иногда на собраниях у княгини и принимала участие в базарах и живых картинах, но затем её посещения стали реже.

- Счастье сделало её домоседкой, - вступилась Зинаида Моисеевна, когда однажды речь зашла о Лили, которую она навещала часто.

Нина иначе смотрела на «счастье» кузины, хотя и молчала пока; но когда к Новому году разнёсся слух о крахе банкирского дома Блохер и Ко, а Лили, вслед за сим, стала невидимкой, Нина поняла, что её предсказания сбылись, и что кузина если не совсем ещё разорена, то всё же это причинило ей большую неприятность.

Час спустя прилетела Лили с довольно объёмистым узлом в руках, который и бросила вместе с перчатками на диван, а затем протянула обе руки Нине. Та с испугом поглядела на неё, настолько Лили похудела, точно после болезни. Глаза её покраснели и распухли от слёз, одета она была бедно и неряшливо.

- Боже мой! На что ты похожа!

Её слова ударили точно по сердцу Лили. Она закрыла лицо руками и с рыданьем опустилась на стул.

Боясь нервного припадка, Нина дала ей поскорее успокоительных капель и присела рядом на диванчик.

- Увы! Я с грустью вижу, что мои предсказания уже сбылись, - нежно сказала Нина, когда кузина несколько успокоилась. - Скажи мне всю правду, и я охотно сделаю всё, что могу.

Лили старалась подавить охватившую её нервную дрожь и душившие слёзы.

- О, Ninon, Ninon! Как я страшно наказана за то, что вовремя не послушалась тебя! Как я несчастна!..

Она остановилась и выпила поданный ей кузиной стакан воды.

- Что несчастна, это - очевидно; но теперь успокойся и рассказывай по порядку всё, что случилось с тобой после свадьбы.

- Ах, разочарование наступило скоро. Уже во время путешествия этот человек коробил меня в интимной жизни; но пока это было ещё сносно. Я всё надеялась, что он меня любит, и что я его перевоспитаю...

Лили тяжело вздохнула и сжала голову руками.

- Но его невозддержанность всё росла, и, наконец, выглянули его низменные привычки; со времени же банкротства Блохера он окончательно снял маску, грубо заявив, что я нищая. Теперь дня не проходит, чтобы он мне этого не выговаривал и не осыпал меня руганью. Затем, в виду моего обеднения, он изменил весь домашний обиход. Мою горничную, повара и лакея он отпустил; у нас теперь только две прислуги на всё, и обе - совсем простые жидовки. А как мы нынче едим, Боже мой! Только еврейскую стряпню: рыбу с мёдом и шафраном, невозможные помои вместо супа, а во всём чеснок. Тьфу! Всё это стряпает грязная баба в атласном парике. Я разучилась обедать как следует и питаюсь тайком у себя в комнате, чем попало, когда ещё есть на что купить. Потому что, ведь, он мне не даёт денег, а что не покупает сам, то покупает прислуга. Я ничем не смею распоряжаться, я просто неудобная мебель в доме. А сам-то он, Боже, как грязен и отвратителен! Он уж и с посторонними больше

не стесняется! Если бы ты видела, в каком виде он принимает дам, которые приходят к нему брать уроки пения: старый, засаленный лапсердак, рваные на босу ногу туфли, голова взъерошена и грязные руки.

- И эти дамы терпят такое неряшество и невнимание? - удивилась Нина.

Лили презрительно расхохоталась.

- Они одержимы тем же безумием, какое было и у меня когда-то. Они видят в нём только... «божественного артиста»! Ха, ха, ха! Раз как-то я сделала на этот счёт замечание, так он мне ответил, смеясь; «Стану я наряжаться для тебя и для этих гоев».

- Потом наехала его семейка: татули, мамули, три брата и две сестры; все они из подонков народа, особенно родители - настоящие бердичевские тряпичники. Старик - в длинном лапсердаке с пейсами, а молодые - с претензиями на моду, в невозможных кричащих галстуках или в шляпах с целым огородом цветов и фруктов. Бесцеремонные, ужасные! Крикливые голоса и галиматья их жаргона гудели по дому, как

иерихонские трубы; а за обедом они ели руками и плевали в тарелки. Я думала, что с ума сойду за время их двухнедельного визита и, под предлогом мигрени и зубной боли, заперлась у себя. Тогда он сказал мне, злобно улыбаясь: «На первый раз я разрешаю тебе нервничать, когда приезжает моя семья; ты ещё не освоилась. Но на будущее время я потребую - он подчеркнул, - чтобы ты принимала мою родню, как следует».

- Да он ещё подлее, чем я думала, - возмутилась Нина.

- Никто, я полагаю, не мог бы угадать истину, потому что самое ужасное я ещё тебе не рассказала. Лили дрожала, как в лихорадке, и остановилась.

- Давно уже меня разбирало любопытство посмотреть, что он проделывает, закрывшись в кабинете, по пятницам вечером, а иногда и в другие дни. И вот, месяц тому назад, я подкралась к двери и взглянула в замочную скважину. Можешь ли себе представить, что я увидела? Завернувшись в длинную белую с черными полосами тряпку, - их саван, кажется, - привязав на лбу ремешком коробку с 10-ю

заповедями, он переминался с ноги на ногу и бормотал молитвы. Это гуденье, уже не раз слышанное, я никак не могла себе объяснить. Я была поражена и вскрикнула от ужаса, а он тотчас же распахнул дверь и, увидав меня, пришёл в ярость. Он схватил меня за руку и тряс так, что я боялась, как бы он не вывихнул или не сломал мне руку. - «Шпионка! Проклятая гойка!» - твердил он. - Остальные ругательства я уже забыла и была так поражена, что могла только проговорить:

- Ты крестился, а молишься всё по-еврейски!

- Какая ты, видно, дура, если вообразила, что я на самом деле отрекись от веры отцов моих! Довольно и того, что я разыграл комедию с крещением, чтобы на тебе жениться, - со смехом ответил он и злобно прибавил: - Но берегись болтать про то, что ты видела. Твои рассказы будут тебе дорого стоить!

- Это ужасно! Ты должна разойтись с этим чудовищем, - решительно заявила Нина.

- Да он убьёт меня, а не даст развода. Послушай дальше, я ещё не кончила свой

рассказ, - продолжала Лили, вытирая влажный лоб. - Со времени открытия, о котором только что упоминала, я стала подмечать в нём враждебное ко мне отношение и затаённое желание меня оскорбить. Позавчера, в субботу вечером, когда я стала зажигать лампы перед образами, он вошёл в спальню, и моё занятие послужило, вероятно, искомым предлогом, чтобы выместить скрытую злобу. Вдруг, без всякого повода, он освирепел, вырвал из моих рук лампадку и разбил об пол; затем он оборвал цепочки у двух других и, наконец, принялся срывать со стены весь киот.

Вне себя, я бросилась отнимать иконы матери и те, которыми меня благословляли к венцу. Тогда он нанёс мне такой удар по голове, что я зашаталась и упала без чувств. Когда я пришла в себя, то увидела, что в углу, на месте киота, была уже прибита этажерка, и на ней стояла красная эмалевая статуэтка Мефистофеля. Образов я не находила, но старая Роха, кухарка, сказала, что «барин» велел снести их на чердак, где стояли бельевые корзины и разная рухлядь. Я побежала наверх и нашла киот стоявшим в углу, но с

образов уже были сняты богатые ризы. Я зарыдала, бросилась на колени и молила угодников простить такое надругательство, но я чувствую, что все мои страдания - наказание небесное за моё глупое упрямое желание уцепиться за врага всего, что мне дорого и свято... Вечером, увидев мои красные, заплаканные глаза, он злорадно процедил:

- Избавь меня, пожалуйста, от твоих отчаянных рож. Я разрешаю тебе устроить на чердаке хоть часовню; он пуст и светел. А золото и драгоценные камни излишни для таких великих святых, которых ты почитаешь, и я их конфисковал...

Нина слушала молча и тоже плакала. Она чувствовала в эту минуту горячее, глубокое сострадание к бедной Лили и у неё не хватило сил упрекать её.

- Тебе следовало бы всё-таки попытаться развестись. Хочешь, я обо всём напишу тёте Соне? Она, конечно, согласится взять тебя назад к себе. Лили отрицательно покачала головой.

- Напрасный труд, - усталым голосом ответила она. - Он заявил, что убьёт меня, если я посмею требовать развода. Нет, нет! Пока я ничего не могу предпринять. А вот слушай лучше главную побудительную причину моего прихода.

Она встала и развязала лежавший на диване узел, откуда достала несколько пакетов и ящичков.

- Видишь ли, он уже забрал у меня много ценного: часы Louis XVI⁹, стоявшие у меня в будуаре, и разных ещё вещей тысяч на пять, на шесть; так вот я принесла сюда изумрудную парюру, которая досталась мне от тёти Нади, мамины жемчуга с сапфирным медальоном, стоящие тысяч десять, убор из бирюзы, несколько колец, брошей и браслетов. Спрячь их у себя, дорогая Ninon, а также и пакет с моими лучшими кружевами; а когда будешь в Петербурге, положи их на хранение в государственный банк. Всё-таки это будет небольшим подспорьем на чёрный день; а потом я привезу тебе мало-помалу ещё разные ценные вещи.

⁹ Людовика 16

Нина обещала всё спрятать и, после задушевной беседы, какой у них давно не было, кузины расстались.

Оставшись одна, Нина облокотилась на стол, подпёрла руками голову и задумалась; невыразимое чувство страха, почти ужаса сдавило её сердце. Ведь те сети, в которых билась Лили, опутали одинаково и их семью: она инстинктивно чувствовала, как постепенно стягивалась накинута на них невидимая сеть. Стая врагов и предателей окружала её отца, карауля его гибель; в душе Арсения происходил какой-то роковой, таинственный переворот, причина которого ей не была понятна, но к которому должна была быть примешана Зинаида - этот злой гений их семьи; наконец, и её собственная судьба наводила на неё страх.

Нина знала упорную, жгучую страсть к себе Еноха и, несмотря на его наружную сдержанность, чувствовала, что тот следит за каждым её движением; а иногда она подмечала в его глазах выражение, вселявшее в неё отвращение и ужас. В последнее время Енох стал особенно невыносим ей, потому что новое

чувство, пока ещё смутное, но уже живое, зародилось в душе Нины к частому гостю их дома.

Гость этот был вновь назначенный чиновником особых поручений при отце, Кирилл Павлович Алябьев - молодой человек лет тридцати, старой дворянской состоятельной семьи, воспитанный, развитой и образованный. Георгий Никитич тотчас оценил его деловитость и административные способности, и особенно честные взгляды и преданность национальным, монархическим основам. Князь даже подружился с Кириллом Павловичем и часто приводил его завтракать или обедать.

Дружественные отношения скоро установились между Алябьевым и Ниной. Их вкусы сходились: оба они любили музыку и пение, интересовались литературой, да и политические убеждения были те же; поэтому не мудрено, что молодые люди друг другу понравились.

Зинаида Моисеевна подметила, разумеется, это сближение, и оно пришлось ей не по вкусу; по наущению Еноха, который сгорал от ревности,

она стала ещё зорче наблюдать за падчерицей. Нина возмущалась внутренне и негодовала, когда ловила на себе и Алябьеве злорадный взгляд мачехи, и этот надзор бесил её.

Все эти мысли мелькали в голове Нины, пока она сидела, облокотясь у стола, и думала о Лили. Её собственная судьба казалась ей мрачной, как грозовая туча. Она искала и не находила выхода из этого тёмного лабиринта, но, глубоко верующая, она всегда прибегала к Божественной защите, к той невидимой, но непреодолимой силе, которая руководит судьбами людей. Она преклонила колени перед образами, и горячая молитва вернула покой её измученной душе.

Глава 9

Томительно-тоскливо тянулось время в городе. Политическая атмосфера сгущалась, вести с театра войны были удручающие, и всякая надежда на победу, могущую облегчить глубоко оскорбленное русское самолюбие, была, по-видимому, окончательно потеряна. Правительство, казалось, более не существовало

и не противилось урагану безумия и разрушения, который охватывал всю страну, угрожая расчлениить и в конец уничтожить громадное государство.

В доме князя Пронского ничто, казалось, не переменилось. Георгий Никитич продолжал свою тщетную борьбу с окружающим его предательством, но сопротивление с его стороны, видимо, слабело, да и здоровье князя пошатнулось после такой неустанной, напряжённой борьбы.

В конце февраля Арсений переселился в Славгород адъютантом к корпусному командиру и поселился у отца, а Зинаида Моисеевна не упустила случая возобновить их отношения. Молодой князь был мрачен и нервен; его характер настолько изменился, что даже, наконец, отец это заметил, но Арсений свалил своё мрачное настроение на политику.

Нина жила в каком-то кошмаре, боясь, чтобы не случилось беды с отцом или братом. Она знала, что Георгий Никитич получал массу угрожающих писем, а Зинаида, кроме того, ясно намекнула, что и Арсений когда-нибудь заплатит

головой за то презрение, которое сестра его выказывала ко всему, что так или иначе касалось еврейства, не говоря о незаслуженной грубости обращения с Енохом - её кузеном и, как бы то ни было, близким их родственником.

Бедная Лили жестоко расплачивалась за своё безумное увлечение. Её Лейзер всё меньше стеснялся с женой и, если воздерживался от слишком явных «воздействий», то всё же его грозный, увесистый кулак зачастую бывал у неё под носом, а руки несчастной украшались многими синяками, после того, как он тряс свою супругу для большей убедительности и внушительности своих приказаний. Особенно тяжёлая сцена произошла у супругов после того, как Лейзер продал коляску и лошадей, объявив, что нищей не приходится кататься в экипажах. Чаще всего Лили молчала о треволнениях своей супружеской жизни; упрямая, но трусливая и ограниченная, она боялась своего, добровольно взятого в мужья изверга. Поэтому только в минуту отчаяния и увлечения решилась она открыться Нине. С этих пор Лили навещала

иногда княжну, привозя ей на сохранение ценные вещи, которые удалось вывезти из дому.

Настала весна, и Лили очень хотелось проехать в Крым на несколько недель, чтобы попользоваться солнцем и теплом. Это дало бы ей возможность отдохнуть от мужа, тем более, что Лейзер объявил о приезде к ним в гости двух сестёр на несколько недель. На желание жены он ответил категорическим отказом, заявив при этом своё непереносимое требование, чтобы она ввела его сестёр в общество и, вообще, выезжала с ними.

- Я считаю личной обидой твоё дерзкое намерение уехать из дому в ту именно минуту, когда к нам приезжают гостить Энта и Ребекка, - с грозным взглядом ответил он.

Несколько дней спустя после этой сцены, Лейзер позвал к себе обедать двух приятелей, - подольских евреев, необтёсанность которых и немецко-польский жаргон коробили и раздражали Лили; а муж, звавший её, к тому же, Лией и приказывавший беспрестанно потчевать гостей то тем, то другим, выводил её из терпения, и она едва сдерживалась.

Речь зашла, разумеется, о делах, и Лейзер со вздохом заметил:

- Ах, Гендель, плохой гешефт я сделал, женившись на этой нищей баронессе, которая ещё разоряет меня своими претензиями. Мне давно следовало бы бросить её, но я слишком благороден, чтобы выкинуть её на улицу. И вот она сидит у меня на шее, и я кормлю её на свои трудовые гроши.

Милые гости ответили на это какой-то плоской шуткой. Тогда Лили, покраснев, как мак, встала из-за стола и хотела уйти, но муж схватил её за руку и грубо усадил на стул.

- Sitzen-bleiben, du, Gans!¹⁰ - в бешенстве крикнул он. - Или наше общество не довольно благородно для такой Lumpen Prencessin!

На этот раз, однако, терпение несчастной лопнуло. Не помня себя, вырвалась она из сальных рук мужа, - а он только что перед тем обгладывал гусиную ножку, и, задыхаясь, крикнула:

¹⁰ сидеть, ты, гусыня!)

- Грязный жид! Не забывай, с кем ты говоришь!

В то же время увесистая оплеуха пришлась по лоснившейся от жира щеке Лейзера, так что он даже пошатнулся и чуть было не упал.

- Ай вай! Гевалт! - завопили оба еврея, поднимая руки к небу. - Уф каково времени мы живём?! Женщина, гоя, смеет поднимать руку на своего мужа! Ракка тебе, Лейзер, если ты снесёшь это.

Не обращая внимания на их вопли. Лили отвернулась и бегом бросилась из комнаты; но не успела она сделать и нескольких шагов, как Лейзер одним прыжком догнал её, запустил свои грязные руки ей в волосы, повалил на пол и осыпал градом ударов.

Оба еврея бросились ему на помощь. Щипки и тумаки, сопровождаемые грубой бранью, посыпались на несчастную, распростёртую на земле и залитую кровью, которая ручьями текла из рта и носа. Вопли Лили разносились по всему дому.

Неизвестно, сколько времени тянулась бы эта «эxecуция», если бы старый Хаим не положил ей конец, сказав:

- На первый урок - довольно, она себе запомнит. Но я тебе советую, Лейзер, если она уф следующего раза начнёт опять, то возьми хорошенького пук розог и всыпь твоей знатной супруге такова порция, чтобы она совсем излечилась от всякого непослушания своему господину.

Пока всё это происходило в столовой, на кухне сидела портниха, принеся заказ и дожидавшаяся, пока «господа» не отобедают.

Когда отчаянные крики Лили долетели до кухни, толстая Роха, кухарка, насмешливо заметила:

- Слышишь, Фрейда, как хозяин учит свою баронессу почтению и порядку.

Еврейки презрительно-злорадно захихикали, а напуганная портниха бросилась бежать домой. Ей было страшно и больно, а на глазах стояли слёзы, когда она рассказывала затем дома всё, что довелось слышать. Муж её, Антон Хлопин,

отставной увечный солдат, пришёл в негодование.

- Беги скорёхонько к Василисе Антиповне и расскажи ей, что там происходит, - волновался возмущённый Хлопин. - Только и не хватало, чтобы пархатые колотили губернаторскую племянницу.

- Боюсь, Антоша, как бы жида-то не пронюхали, да не выместили на нас с тобой.

- Всё единственно, не мешкай, Феня, я приказываю. Креста у тебя на шее нет, что ли? Или забыла, сколько добра нам сделала Лидия Антоновна? Она нас из нищеты вывела, хорошую работу достала в губернаторском доме, а княжна поместила детей в приют и мне лекарства посылает. Ступай, ступай, не теряй даром времени.

Феня послушно отправилась в губернаторский дом, недалеко отстоявший от их квартирки, и минут через десять Василисе Антиповне было доложено обо всём происшедшем у Итцельзонов.

Добрая старуха, зная Лили чуть ли не с рождения, даже перекрестилась от ужаса.

- Надо Нинушку оповестить, - заметила она и торопливо, насколько позволяли ей старые ноги, направилась в комнату княжны.

Нина побледнела, когда выслушала рассказ няни, и приказала заложить экипаж. На счастье, князь только что вернулся домой, и она воспользовалась коляской отца. С собой она взяла компаньонку и лакея, которому приказала безотлучно оставаться в передней, чтобы придти на помощь по первому зову.

Хозяин с друзьями сидели ещё за столом, угощаясь десертом и ликерами. Сильный звонок у входной двери удивил Лейзера и рассердил; он уже собрался позвать Фрейду, чтобы узнать, кто смеет так трезвонить, как в эту минуту вошла Нина с компаньонкой.

Лейзер вскочил с места, сконфуженный, потому что был не одет. Этот визит вообще был ему неприятен, а в душе он бесился, что Нина увидит Лили в таком положении. Он пытался было задержать княжну, говоря, что жены нет дома, но Нина, казалось, его не расслышала. С нескрываемым отвращением смирила она взглядом грязную, растрёпанную особу певца и

прямо направилась в спальню, откуда доносились по временам глухие стоны.

Лили лежала на постели в полузабытье и была неузнаваема. Вспухшее лицо было покрыто синяками и кровоподтёками, белая батистовая блуза залита кровью, и разорванный рукав обнажал избитую руку.

В первую минуту Нина остолбенела от изумления, а затем бросилась к кухне и зарыдала над ней.

- Несчастливая Лили, что с тобой сделали!..

- Боже мой, да баронесса - в обмороке! Надо послать за доктором, - заволновалась компаньонка, m-lle Элиз.

Несмотря на нервное потрясенье, произведённое видом Лили, Нина собралась с духом и прошла в будуар, где написала записку отцу, в которой вкратце описала случившееся и положение несчастной, прося немедленно прислать доктора с сиделкой: «До её приезда я сама буду ухаживать за больной. После такого возмездия судьбы, я полагаю, папа, что мы не можем сердиться дальше на бедную Лили».

Кончив письмо, она собиралась велеть его отправить, как в комнату вошёл Лейзер. Теперь он вымылся, причесался и имел вид почти порядочного человека. С присущей ему угодливостью подошёл он и приветствовал княжну.

- Я в отчаянии, ваше сиятельство, что посещение, которым вы нас удостоили, пришлось в такое неудобное время. Сегодня у меня вышли крайне неприятные пререкания с женой, которая при своём, надо сказать, невозможном характере дошла до того, что угостила меня оплеухой. Сознаюсь, что подобная выходка вывела меня из себя, и я немного резко, может быть, её успокоил. Я сейчас же пошлю за доктором Феркелем, так что вы можете быть совершенно спокойны насчёт последствий нашей размолвки, которая, впрочем, никого и не касается, потому что в семейные дела посторонние вмешиваться не должны, - с досадой закончил он.

Нина не ответила на его поклон и слушала его, не прерывая.

- Вы очень ошибаетесь, г-н Итцельзон, считая простой семейной размолвкой битвё и истязание племянницы князя Пронского. Не ваш Феркель, а врач моего отца определит, какого характера были ваши «пререкания» и не подлежат ли они уголовной ответственности, как за увечье. Это решит мой отец, а до его приезда с доктором я останусь при больной и попрошу вас не тревожить её своим присутствием.

Лейзер нахмурился, но подавил готовый сорваться грубый и резкий ответ.

Он начинал понимать, что переступил границы дозволенного и что дело могло иметь для него большие и неприятные последствия.

Взбешенный ушёл он в кабинет, где его ждали приятели, с которыми он и принялся обсуждать неприятное происшествие.

В ожидании доктора, Нина с m-lle Элиз хотели раздеть и уложить Лили, которая горела как уголь и никого не узнавала; но больная не давала до себя дотрагиваться, принималась кричать и стонать, едва только хотели снять с неё блузу. Нина с француженкой были в отчаянии и не

знали, что делать; но, им в утешение, скоро приехал доктор и привёз с собой сестру милосердия. С её помощью доктор приступил к подробному осмотру больной и нашёл вывих руки, две раны на голове, где были выдраны клоки волос, а сверх того - опухоли, синяки, кровоподтёки, причинённые, по-видимому, каблуками сапогов. В заключение, доктор заявил, что ввиду страшного потрясения и лихорадочного состояния возможна и нервная горячка.

Наконец, рука была вправлена, компрессы и пластыри наложены, а Лили после успокоительного лекарства пришла в себя, и горькие слёзы градом брызнули из глаз.

Доктор собрался уже откланиваться, но тут приехал расстроенный и встревоженный князь; его волнение ещё выросло, когда он наклонился к больной, узнавшей его.

- Дядя Жорж, спаси меня, - пробормотала она, прижимая к своим опухшим губам его руку.

- Бедное дитя моё. Я сделаю всё возможное, чтобы тебя оградить на будущее, а теперь

успокойся. Лечить тебя будет мой доктор, а ухаживать - сестра милосердия, за которую я ручаюсь; кроме того, мы с Ниной будем тебя навещать, и ты можешь быть спокойна, что никакой новой обиды тебе не грозит.

Попросив доктора составить протокол о состоянии и виде больной, за подписями сестры милосердия и m-lle Робин, князь пошёл в кабинет хозяина.

Лейзер был один. Он хотя и видел, что приехал князь, но не посмел выйти ему навстречу. При входе Георгия Никитича он побледнел и встал в замешательстве, а встретив строгий, негодующий взгляд князя, как-то даже съёжился.

- Я желаю, господин Итцельзон, получить от вас объяснения того, что случилось. Или вы вообразили, что имеете право так отвратительно и бесчеловечно истязать вашу жену, которая, хотя и сделала глупость, выйдя замуж за человека вроде вас, но всё же остаётся женщиной из хорошего общества и привыкла к приличному обхождению. Вот что подтверждено протоколом.

И он прочел протокол дрожащим от волнения голосом. Вся его гордость возмущалась при мысли, что член его семьи был так унижен грязным жидом.

- Ну-с, что вы скажете по поводу этого документа, господин Итцельзон? - негодующим голосом спросил князь, презрительно глядя на певца. - Может быть, в ваших гетто и принято выворачивать руки и каблуками ломать ребра женщинам, но в нашем обществе подобное зверство карается законом, и, если я дам ход этому делу, оно вам дорого будет стоить.

Лейзер, слушавший его с пришибленным видом, как побитая, поджавшая хвост собака, подскочил при последних словах князя.

- Ваше сиятельство, вы не захотите оскандалить жену и меня, оглашая семейное недоразумение, о котором я искренно сожалею и которое постараюсь загладить. Лили ужасно вспыльчива, и, в оправдание своего поступка, я должен обратить ваше внимание, что она глубоко оскорбила меня перед моими единоплеменниками и не так словами, как ударив меня по лицу. Это явная обида лишила

меня хладнокровия и рассудка... Я это сознаю и глубоко огорчён случившимся, но умоляю вас, ваше сиятельство, не губите нашей будущности. Лили меня любит, я обожаю жену и на коленях выпрошу у неё прощение. Я надеюсь всё устроить, и мы примиримся.

С чувством глубокого омерзения слушал его князь. Он и сам с величайшим наслаждением дал бы по физиономии этому негодяю, но всё же открытого скандала ему не хотелось.

- А где ручательство, что вы, при первом же случае, не забудете, что имеете дело не с рабой, а с женщиной из общества, сделавшей вам честь, выйдя за вас замуж?

- Моё честное слово!

Князь презрительно усмехнулся...

- Гарантия ненадёжная, Лев Менделевич. Вы забываете, что, несмотря на ваш долг «честного человека» беречь состояние вашей жены, она оказалась разорённой вашими тёмными спекуляциями... Тем не менее, мне самому неприятно волочить в суд мою несчастную племянницу, а потому я согласен молчать на этот

раз. Но запомните, что при первой грубости с вашей стороны я буду действовать без стеснения. Пока я требую, чтобы мой врач и привезённая им сестра милосердия ухаживали за больной, которой вы потрудитесь оказывать подобающее её происхождению внимание. Что же касается расходов по лечению, то я беру их на себя, и они не лягут бременем на... плоды ваших трудов.

Не дожидаясь ответа, князь повернулся и вышел.

Нина уехала с отцом. С грустью и тревогой всматривалась она в князя, который казался особенно мрачным, озабоченным и нервно настроенным.

Правда, для Георгия Никитича день выдался тяжёлый. Помимо возмутительного приключения с Лили, у него было неприятное объяснение с вице-губернатором, который переделал его приказание в диаметрально-противоположном намерениям князя смысле, а его дерзкая манера себя держать, несмотря на внешнюю почтительность, указывала, что его поддерживали «на верхах». Князь знал, что у немца были столь же, как и его, прочные связи, а

кроме того он опирался на евреев, которым давно продался душой и телом. Относительно его самого не скупились на угрозы, - подмётные письма и ругательные статьи в подпольных листках, где без стеснения объявлялось ему, что, если князь посмеет тормозить «освободительное» движение, его сметут с дороги, как «врага народа» и «помеху свобод!». Но не смерть пугала князя. Жить он хотел для детей, будущность которых его тревожила, и знал, что угрозы - не напрасны, доказательством чему служило массовое избиение патриотов.

Ещё на днях околоточный надзиратель, хороший и ревностный служака, на которого можно было положиться, был зверски убит бомбой, оторвавшей ему обе ноги и опасно ранившей ехавшую с ним в церковь его дочь, девочку лет двенадцати. Убийца был схвачен прохожими, после упорного сопротивления, которое некоторым стоило жизни, а всю улицу усеяло ранеными. Самое возмутительное было то, что преступник в ночь после ареста бежал, а подробности бегства не оставляли и тени сомнения, что полиция, а может быть и её глава,

полицеймейстер, были в сговоре. Негодяй, понятно, остался неразысканным. Вот об этом и других, не менее знаменательных происшествиях думал князь, и всё кипело в нём, всё возмущалось от гнева и отвращения. Чувствуя, как бы невольно, тяжёлое настроение отца, Нина взяла его руку и молча поднесла к губам, а тронутый дочерней лаской князь прижал её к себе. Когда князь с дочерью вернулись домой, обед был уже давно подан, и Зинаида Моисеевна с беспокойством дожидалась их.

- Боже мой, Жорж, что такое случилось у Льва Менделевича, раз вы все полетели к нему? Из глупой болтовни Прокофия и Василисы я ровно ничего не поняла, - спросила княгиня за жарким, не будучи в силах сдержать своё любопытство.

Пасмурное лицо князя вдруг побагровело. Кипевшее в нём бешенство, ненависть и презрение прорвались вдруг, пересилив обычную сдержанность и хладнокровие.

- Случилось то, что пархатый еврей осмелился бить свою жену. Он забыл, этот... мерзавец, с кем имеет дело.

Княгиня побледнела, почувствовав ненависть, звучавшую в голосе мужа, и презрение, дышавшее во взгляде. Кроме того, он говорил по-русски и при людях, из которых один был Прокофий, а это уже и для неё было оскорбительно.

- Я ничего не понимаю из твоей ругани, - дрожавшими от злости губами сказала она, - но догадываюсь, что у молодой четы вышло какое-нибудь маленькое недоразумение, которое постарались раздуть в большой скандал. Лев Менделевич - слишком благовоспитанный, интеллигентный человек, чтобы позволить себе какую-нибудь грубость.

Князь разразился громким смехом.

- Лейзер благовоспитанный, интеллигентный человек?! Ха, ха, ха! Желал бы я знать, где это он воспитывался и учился хорошим манерам? Ты, должно быть, смеешься, говоря такие глупости! - По правде сказать, эта полоумная Лили за чем шла, то и нашла. Когда благородная, порядочная девушка унижается до того, что выходит замуж за такого хулигана, так он может хлестать её по щекам каждый день, это вполне заслуженно.

- Я попрошу тебя умерить твои выражения в моём присутствии. Твои нападки слишком откровенны, - глухо проговорила Зинаида Моисеевна, и лицо её покрылось красными пятнами.

- Посоветуй лучше своим сородичам умерить свою наглость и вести себя осторожнее. У народного долготерпения есть тоже свой предел!

Князь бросил салфетку, оттолкнул стул и ушёл из столовой, не кончив обеда.

Дамы тоже встали, и Зинаида Моисеевна, схватив падчерицу за руку, увлекла её в будуар.

- Ради Бога, Ninon, объясните мне, что случилось. С Жоржем говорить нельзя.

- Советую вам, Зинаида Моисеевна, поехать убедиться собственными глазами, как Лейзер обращается со своей женой. Может быть, он всё ещё пирует со своими приятелями, столь же «интеллигентными» и «благовоспитанными». Для меня же сегодняшнее посещение господина Итцельзона было чрезвычайно поучительно. Я имела случай полюбоваться им в очаровательном неглиже. Ох, в жизни я ничего подобного не

видела. Рваные туфли, свисшие носки и засаленный лапсердак, а под ним... Фу, какая мерзость!.. Во всяком случае, полезно знать, каковы достойные сыны Израилевы в домашнем быту, когда они снимут фрак, белый галстук и личину «порядочного» светского человека. Я сейчас представляла себе, как должен быть обворожителен в таком «семейном» костюме ваш прекрасный, неотразимый Енох Данилович.

Она громко расхохоталась и убежала из комнаты.

Озадаченная и взбешенная Зинаида Моисеевна задумалась. Она начинала понимать, что случилось, должно быть, действительно что-то необычайное. Но раздумье длилось недолго и, приказав подать экипаж, она поехала прямо к Еноху, которого вызвала в швейцарскую запиской, говоря, что должна ему сообщить очень важное известие.

Банкир был дома и тотчас же спустился. Кузина сообщила ему о случившемся происшествии в словах Нины.

- Я очень боюсь, что этот болван вёл себя как настоящий грязный жид и вызвал скандал, затушить который будет нелегко. А самое худшее - он страшно повредил тебе во мнении Нины, - с негодованием закончила княжна.

Аронштейн покраснел, услышав насмешки Нины на его счёт, и его чёрные глаза мрачно сверкнули.

- Каналья! Ну, уж поплатится Лейзер за свои безобразия, - проворчал он. - Подожди меня, Зина. Я только возьму шляпу, и мы вместе поедем к Итцельсонам. Надо дознаться, что там именно произошло.

По приезде, Зинаида Моисеевна прошла прямо в спальню, слабо освещенную ночником, и нежно склонилась над больной, но та не узнала её. Горя, как уголь, Лили беспокойно металась по постели и бессвязные, вылетающие у неё слова относились, очевидно, к пережитой, непристойной сцене с мужем. Перевязанные голова и рука и пестревшие на лице следы ударов красноречиво свидетельствовали о жестокости Лейзера и пробудили злость в душе княгини. Она с участием расспросила сестру

милосердия, обещала помочь ходить за больной, а затем перешла в кухню, где Роха и Фрейда в страхе и тревоге перешёптывались.

Княгиня учинила им тотчас строжайший допрос.

- Вы слышали, что Лейзер колотил жену? У вас тут в кухне торчит гоя, которая могла разнести сплетни по всему городу и, вероятно, донесла обо всём в дом князя, а вы сидите, уши развесив, вместо того, чтобы разнять их и прекратить эту мерзость?! Ведь вам, кажется, платят за то, чтобы вы мне доносили, как Лейзер относится к жене, и не позволяет ли себе в отношении её какой-нибудь грубой выходки? А тут чёрт знает, что случилось, а вы меня даже не уведомили!

Бац, бац! - Несколько крепких оплеух сбили парик с головы Рохи и разукрасили багровым румянцем щеки Фрейды. Но ни та, ни другая не издали ни звука и давали себя бить, покорно понутив головы.

Взбешенная Зинаида Моисеевна перешла затем в кабинет Лейзера, где был и Енох.

Произошло, очевидно, бурное объяснение. Аронштейн стоял мертвенно-бледный, его трясло, и зубы у него стучали, как в лихорадке. Лицо Лейзера пылало, волосы были всклокочены, и он с убитым, приниженным видом стоял, как подчинённый, перед богатым и властным соплеменником.

Выслушав рассказ Зинаиды Моисеевны, Енох упал в кресло, пораженный; но это состояние оцепенения быстро миновало. Дрожа от злости, он снова бросился на Лейзера, грозя ему кулаками.

- Подлая свинья! Как посмел ты не только сам бить свою жену, а ещё допустил посторонних колотить её ногами? Разве ты не получил точного приказа всегда держаться с ней, как в гостях: быть прилично одетым, нежным, предупредительным, чтобы твоя жена потом всюду пела тебе гимны и считала себя счастливейшей женщиной? А ты, поросёнок, вместо этого, бегаешь немытый, лохматый, в падающих кальсонах, рваных туфлях, засаленном лапсердаке, и от тебя за версту разит чесноком. Смотреть на тебя противно. Но

погоди! Раввин разберет твои проделки и уж пропишет тебе ижицу. Ты сейчас же поедешь со мной к нему.

Услыхав про раввина, Лейзер побелел как полотно, но всё же молча надел пальто и уехал с Аронштейном.

Зинаида Моисеевна сказала, что остаётся ухаживать за больной. Раввин был богатый хлеботорговец, старик строгого вида. С Аронштейном он был, по-видимому, в наилучших отношениях и выслушал его рассказ с явным неудовольствием.

- О чём ты думал, болван, бессовестно нарушая данные тебе приказания? - спросил он, сурово смотря на Лейзера. - Или ты думаешь, что кагал даром тратил средства, чтобы из тебя вышел артист? Тебя всячески рекламировали, чтобы выдвинуть в первый ряд, разрешили крещение, чтобы ты мог жениться на богатой девушке гоев и служить выполнению плана, важность которого ты даже не понимаешь. Не забывай, смотри, что те, кто тебя возвеличили, могут тебя и уничтожить и непременно это сделают, если ты посмеешь не слушаться. Мы

развенчаем твоё дарование так же, как прежде восхваляли тебя, а твои махинации с деньгами жены предадим гласности. Мы разорим и раздавим тебя!..

В ужасе, совершенно подавленный, Лейзер со слезами стал просить прощения, обещая слепо повиноваться всему, что прикажет ему «святой» кагал.

Раввин долго не соглашался, сурово вычитывая Лейзеру все его прегрешения. Наконец, он отчасти смягчился, т.е. обещал не губить его; но, чтобы тот вперёд помнил свой проступок, приговорил к следующему наказанию.

На другой же день Лейзер должен был внести в их благотворительную кассу тысячу рублей, а во-вторых, - поститься месяц на дому, съедая в сутки одну селёдку и фунт хлеба, воды же сколько угодно; но вместе с тем, он обязывался уплачивать всё время по десяти рублей штрафа; в третьих, следовало безотлагательное объяснение с Майером, сторожем и «экзекутором» синагоги. Енох пожелал сопровождать раввина и виновного в погреб, где

Лейзеру и было всыпано тридцать «горячих», с наставлением терпеть наказание молча, если не желает получить двойную порцию. Разумеется, после этого, он на всю жизнь поклялся не поддаваться неуместному гневу.

Хаим же и Гендель за то, что в чужой семье сунулись не в своё дело, приговорены были каждый к сторублёвому штрафу, трёхдневному заключению в погреб, на хлебе и воде, и десяти ударам розог. Следовавшее затем время шло в семье князя довольно однообразно. Все жили под каким-то гнётом. Одна лишь Зинаида Моисеевна продолжала устраивать базары и благотворительные вечера, да рыскала по госпиталиям и приютам в погоне за популярностью.

Болезнь Лили тянулась почти два месяца, но и встав с постели, она чувствовала себя слабой, нервной, страдала головными болями и долго не могла совершенно оправиться. Характер её тоже сильно изменился, и в бледной, худой, молчаливой и задумчивой молодой женщине трудно было узнать некогда весёлую и жизнерадостную болтушку Лили.

Воспитательные меры раввина сделали Лейзера шёлковым. С женой у него была патетическая страстная сцена: он молил её о прощении и клялся обуздать на будущее время свой невозддержанный нрав, увлекший его до жестокости, которую он готов был искупить ценой своей крови.

Но Лили отнеслась к этим излияниям любви и раскаянию необыкновенно холодно, не замечая, казалось, предупредительности и нежных забот мужа и не ценя появившегося красивого экипажа, нанятой вновь горничной и даже неизменно теперь приличного костюма певца. Такая бесчувственность, усугубленная ещё явным стремлением избегать его общества, приводила Лейзера в ярость и, если бы не страх перед раввином и Енохом, он охотно ещё раз отколотил бы жену. Но воспоминание о неприятном посещении подвала синагоги тотчас гасило малейший злой умысел.

Глава 10

Состояние души Нины подвергалось сильным колебаниям, от тоски и безотчётного страха, - к радужным мечтам о будущем счастье. Но, - увы, - тоскливых дней было несравненно больше, потому что опасения за отца и брата всё росли с каждым днём.

Арсений бледнел и худел; его снедало, казалось, лихорадочное возбуждение, но дать какое-нибудь по этому поводу объяснение сестре он решительно отказывался.

Георгий Никитич тоже изменился. Как говорилось выше, у него не было закала, чтобы дать отпор окружавшим его зловредным течениям, а его вице-губернатор, фон Зааль, приобретал всё большее и большее на него влияние, к вящей выгоде еврейства, послушным орудием которого он был.

При данных условиях беспорядки всё росли, а участвовавшие убийства не производили более впечатления на извращённое вконец общество.

Одно из таких убийств произвело на Нину неизгладимое впечатление. Она выходила из театра с отцом, а впереди, в нескольких шагах,

шёл местный полицейский пристав. Но едва он вышел на подъезд, как несколько выстрелов уложили его к ногам Нины, а одна пуля просвистела около неё. Еврей с браунингом в руках был задержан и посажен в тюрьму, но через два дня бежал, а Боявский пытался не только выгородить преступника, но взвалить на убитого пристава всякого рода преступления, чтобы лишить семью покойного пенсии.

Но на этот раз влияние Нины пересилило влияние вице-губернатора с полицеймейстером и, несмотря на все их старания выставить убийство чуть ли не актом законного правосудия, будущность несчастной семьи была обеспечена. Присутствовавшая на похоронах Нина долго не могла забыть раздирающую картину горя несчастной вдовы с пятью маленькими детьми.

Единственным утешением для Нины, источником светлых грёз о будущем счастье, заслонявших иногда её горе и тревогу, была взаимная, всё возрастающая любовь, связывавшая её с Кириллом Павловичем.

Решительного объяснения у них, правда, ещё не было, но безмолвными признаниями они обменялись давно. К великой радости Нины, Арсений покровительствовал их любви, был их поверенным и другом Алябьева. По тому, как Георгий Никитич относился к ухаживанию Кирилла Павловича за дочерью, неявное к нему расположение князя давало основание предполагать, что и он, со своей стороны, не будет противиться их браку.

Надвигалась осень, и сентябрь уже перевалил за половину. Несмотря на страшное переживаемое время и не прекращавшиеся кровавые расправы, которые должны были бы пробудить ужас, легкомысленное славгородское общество всецело было поглощено приготовлениями к предстоящему балу у Еноха Аронштейна, который собирался торжественно праздновать пятидесятилетний юбилей своего банкирского дома.

Этот бал вызвал в семье князя немало ссор и неприятностей, потому что никто не желал на нём быть. Георгий Никитич сперва и слышать ничего не хотел; но вице-губернатор осаждал его

убеждениями, что будет вся городская знать, окрестное дворянство и высшие военные власти, а потому отсутствие губернатора на подобном торжестве будет очень заметно, истолковано, как намеренное оскорбление банкирского дома Аронштейна и даст пищу всякого рода сплетням и неприятным разговорам. Он так успел надоест князю, что тот, в конце концов, сдался и обещал быть. Арсений противился в меньшей степени, наружно, по крайней мере, но был явно недоволен и не в духе. Что же касается княжны, то она наотрез отказалась ехать на бал.

Как-то, после обеда, княгине доставили с почты номера модного журнала. Она их пересмотрела и придвинула один из номеров падчерице.

- Взгляните, Ninon, какое прелестное бальное платье и как оно к вам пойдёт.

- Я вам уже говорила, кажется, что не поеду к Аронштейну, а потому мне никакого бального платья не требуется, - холодно ответила Нина.

- Вы упорно стоите на вашем странном решении отсутствовать там, где будут ваш отец, я и ваш брат.

- Если моё присутствие или отсутствие - столь важны, я попрошу папу решить этот вопрос.

Вечером же она спросила об этом отца. Князь облокотился на стол и мрачно задумался.

- Я понимаю, что тебе противно ехать, и очень желал бы избавить тебя от такой напасти, дитя моё, - сказал он, помолчав, - но это почти невозможно. Я откровенно скажу всю правду, слушай. Мы здесь, как в мышеловке: вокруг нас кишат предатели, еврейские прихвостни, и их наглость растёт со дня на день, потому что они чувствуют поддержку в «сферах», тогда как мы, Русские люди, никакой опоры в правительстве не находим. Сколь ни прискорбно такое положение вещей, но с ним считаться надо. Вот почему я прошу тебя, дорогая, быть со мной на этом празднике в «гетто» и, поверь, я еду с не меньшим отвращением. Настал, наконец, знаменательный день бала. Дом Аронштейна был роскошно изукрашен и иллюминирован, а по обеим сторонам беломраморной, покрытой

красным бархатным ковром лестнице,
установленной цветами и статуями, выстроились
лакеи в зелёных с золотом ливреях «дома»
Аронштейна. Это было действительно торжество
золота над людской низостью. Карета за каретой
подъезжали к залитому электрическим светом
подъезду. Среди этой оподлившейся,
поднимавшейся теперь по лестнице толпы были
не только «юдофилы», которых народный юмор
прозвал «шабесгоями¹¹», но много и жалких
трусов, приехавших против воли, «страха ради
иудейского».

При входе в зал, на площадке с колоннами,
превращенной в зимний сад, гостей встречали
Енох и его сестра г-жа Розенблюм, одетая в
красное креповое платье и залитая
бриллиантами, как индийский идол. Зинаида
Моисеевна, в атласном платье с княжеской
коронкой в чёрных волосах, держала себя
королевой. Нина была в скромном бальном
платье, и единственным её украшением была

¹¹ шабесгой - те христиане, которых евреи
нанимают для разных работ в дни «шабаша»,
когда им самим запрещается работать.

нитка жемчуга редкой величины с тремя крупными подвесками. Жемчуга эти остались ей в наследство от бабушки с материнской стороны.

Енох видел только её прелестное, бледное личико, и сердце его заняло от ревности и злости, когда большие карие глаза молодой красавицы холодно и равнодушно скользнули по нему и вспыхнули радостно при встрече с подошедшим их приветствовать Алябьевым.

Следившая за мужем и падчерицей княгиня заметила, что оба они не обратили ни малейшего внимания на сказочную отделку бального зала и всё то бьющее в глаза убранство, которым хозяин желал блеснуть.

В один из антрактов между танцами, она подошла к падчерице и взяла её под руку.

- Пойдёмте, Ninon, я покажу вам японскую гостиную. Она - восхитительна, но эта фантазия стоила Еноху около восьмидесяти тысяч. А в кабинете, в стиле Людовика XVI, есть часы Марии Антуанетты с лилиями Франции и инициалами королевы.

Нина, не возражая, пошла с ней, и они молча прошли длинную и широкую мавританскую галерею, где стояли открытые буфеты, ломившиеся под тяжестью массивного серебра и чудного старого севрского и саксонского фарфора.

Княгиня показывала целый ряд гостиных, одна роскошнее другой, тщательно расценивая всякую картину, каждую драгоценную безделушку и дорогую мебель. Когда они очутились в библиотеке, отделанной в средневековом стиле, с разноцветными готическими окнами, резной с высокими спинками мебелью и золотистого бархата портьерами, Зинаида Моисеевна остановилась и, смело улыбаясь, вызывающе сказала:

- Вы очень не правы, Ninon, так упорно отвергая поклонение Еноха. В таком дворце он может поселить хоть принцессу. Всё здесь, - золото и искусство.

Нина подняла свою хорошенькую головку, и в голосе её прозвучала насмешливая нотка, когда она ответила:

- Да, разумеется, здесь нет недостатка в золоте, оно в изобилии блещет, начиная с лакейских ливрей. Но вы, Зинаида Моисеевна, ничего не видите кроме искусства и золота, тогда как я усматриваю из-под этого великолепия кровь и трудовой пот обманутых и обобранных христиан, на слезах и разорении которых воздвигся и разукрасился этот иудейский чертог. Стены плачут и дрожат от стонов горемычных жертв, закланных на пышном алтаре «финансового гения» дома Аронштейнов. Мне даже кажется, что эти покрытые шелками и произведениями искусства стены сложены из живых тел, а мозаичный паркет - из человеческих костей. Нет, нет! Я не могла бы жить среди этих добытых ценою горьких страданий богатств, на которых тяготеет столько проклятий.

По лицу Зинаиды Моисеевны разлилась смертельная бледность и, как всегда в минуты сильного волнения, тонкие ноздри её дрожали, а в голосе слышался сдержанный гнев.

- Ваша драматическая речь, милая моя, очень трогательна, но грешит пристрастием. Если

стены и полы этого дома так красноречивы, то почему же ваше жемчужное кольцо не вопит от негодования, будучи выкуплено из ломбарда на то же самое «жидовское золото», которое внушает вам такое отвращение?

Нина тоже побледнела, и глазки её гордо сверкнули.

- Вы опять укоряете вашими деньгами, а на это я снова повторяю, что ваши расходы по выкупу из ломбарда возмещены княжеской короной, украшающей в эту минуту вашу голову; поэтому мне не стыдно носить мои жемчуга. Кроме того, вы забываете, Зинаида Моисеевна, что золото, внесённое вами в наш дом, было освящено тяжёлой жертвой - смертью моей дорогой бабушки. Отец мой, увы, по малодушию, предпочел продать себя и своё имя, но я предпочту лучше работать, или хотя бы просить милостыню, чем продавать себя. Довольно и одной жертвы.

Нина отвернулась и чуть не бегом ушла из комнаты, а Зинаида Моисеевна села в изнеможении. Она задыхалась, лицо её

покрылось красными пятнами, и перламутровый веер трещал, судорожно сжатый в руках.

- погоди, злая, нищая аристократишка! Близится час возмездия, когда ты кровавыми слезами заплатишь за свою тупую гордость и оскорбления, - думала княгиня. - Мы будем здесь господами скорее, чем ты думаешь. Когда Енох пойдёт с тобой вокруг аналая и наденет тебе на палец обручальное кольцо, твой же босьяк, Алябьев, будет уже гнить в могиле, и благодетельная пуля положит конец его «патриотическому» рвению. А когда ты надоешь Еноху, я сама позабочусь, чтобы пропала твоя красота, которая делает тебя опасной.

Едва сдерживая в душе кипевшую бурю, вернулась Нина в большую залу, где шли уже снова танцы. В ней что-то сжалось, когда Енох подошёл и пригласил её на тур вальса, но хозяину дома отказать было неудобно.

Нина покорно пошла с ним, а в душе её просыпалось какое-то жестокое чувство, совершенно чуждое вообще её мягкой, гармоничной натуре. Нина знала, что он её любит; неоднократно и даже только что во время

вальса она видела его страсть и теперь, впервые, она почувствовала глубокое удовлетворение. Она заставит страдать его, негодного, достойного кузена ведьмы, которая так несправедливо её обидела, бросив в лицо, что её драгоценности выкуплены из ломбарда. Теперь она могла выместить на нём полученные оскорбления, а он не в состоянии купить её своим проклятым золотом, как Сарра купила её отца. С этим чувством она послушно шла с Енохом, который усадил её на крытую зелёным бархатом скамью, под громадной пальмой.

Оранжереи Аронштейна славились, и теперь зимний сад был чудом искусства садовника, представляя волшебный уголок какого-нибудь сказочного леса. Меж кустами гигантских папоротников, мирт и лавров, апельсиновых и лимонных деревьев, в полном цвету, извивались дорожки, усыпанные красным, как коралл, песком, и громадные пальмы гордо поднимали к хрустальному потолку свои изумрудно-зелёные главы. Вблизи скамьи, на которой сидела Нина, в мраморном бассейне бил фонтан и, благодаря искусной игре освещения, блестящие водяные

струи переливали то изумрудно-зелёным, то рубиново-красным, то голубым или золотисто-жёлтым светом.

Молча и задумчиво любовалась княжна этой волшебной картиной, не замечая, казалось, того страстного восхищения, которое горело в глазах стоявшего перед ней Аронштейна. Было ясно, что вот-вот с его уст сорвется признание, но Нина ничего не сделала, чтобы не допустить его. Ненависть и жажда мести до того ослепляли её, что она с нетерпением ждала минуты, когда будет иметь возможность оттолкнуть его, дать ему почувствовать всё своё презрение и отвращение.

Енох привык к легким победам и среди христиан. Распады семей, исковерканное воспитание детей, извращённая литература растлили общество и опрокинули сословные и расовые перегородки. И великосветские женщины, жадные до золота и драгоценностей, не брезговали возлюбленным из евреев, лишь бы он сыпал деньгами, а в этом отношении «благородные» любовницы Еноха не могли на него пожаловаться. Между тем, в отношении

Нины он медлил, сознавая, что для этого нежного создания он - ничтожен, как пария. Наивное сердце молодой, едва распустившейся как цветок девушки, для которой он готов был пожертвовать всем на свете, питало к нему презрение и отвращение. Рассудок подсказывал ему, что признание в любви сулит лишь жестокий отпор, но в его жилах недаром текла мятежная восточная кровь, не умеющая сдерживать свои порывы. Мудрая осторожность была забыта, и, нагибаясь к Нине, он прошептал дрожащим от страсти голосом:

- Нина Георгиевна, мои чувства для вас не тайна; вы знаете, что я люблю вас всеми силами моей души, но вы воздвигаете между нами бессмысленный предрассудок...

Видя, что княжна побледнела и встала, он схватил её за руку и сильно сжал, так что она опустилась на скамейку.

- Нет, останьтесь и выслушайте меня, хотя из милости. Всякий обвиняемый имеет право защищать своё дело, и я хочу воспользоваться этим правом. Как бы то ни было, я считаю вас слишком справедливой, слишком великодушной,

чтобы заставлять невинного расплачиваться за грехи всей расы. Я знаю, что вы ненавидите евреев, и вы правы: среди наших много негодяев, даже преступников. Ну, а разве между христианами мало мерзавцев, подлых, жестоких, жадных, продажных людишек и даже предателей? Зато, как среди одного народа, так и среди другого есть люди, вполне достойные уважения. Вы же не желаете даже узнать, что я за человек; во мне вы видите только «жида». А разве я виноват в случайности моего рождения? Может быть, если бы это зависело от меня, я предпочел бы стать нищим, чтобы только не принадлежать к расе, клейменной неслыханным проклятием, которое делает слепым и глухим каждого, кто приближается к нам.

- Ах, как вы преувеличиваете, Енох Данилович. Да, ваше сегодняшнее празднество ясно доказывает, что предрассудки, на которые вы жалуетесь, перестали почти существовать, - вставила Нина.

- Что мне до толпы, наполняющей мой дом, когда это жестокое предубеждение осталось в

вас? Вы не хотите видеть, что моё воспитание ставит меня наравне с вами, и не хотите понять, что я, как и всякий другой мужчина из общества, имею право любить вас, желать на вас жениться. А ваша любовь могла бы сделать из меня святого. Но нет, во мне вы видите только жида, вы ненавидите во мне родственника Зины. Моя ли вина, что запутанные дела вашего отца понудили его на подобного рода сделку? А женись он на какой-нибудь пошлой купчихе, разве она стояла бы много выше Зины, которая получила блестящее образование, спасла вашу семью от позора разорения и принесла в ваш дом изобилие? Несмотря на всё это, вы её ненавидите и презираете, а ваш отец едва терпит её; для вас оскорбление, если кто-либо из близких вашей belle-mere¹² осмеливается переступить ваш порог, и я знаю, что вы пожаловали сюда поневоле. Конечно, я безумен, говоря вам всё это и обнажая жестокую муку моей души, потому что по вашим глазам я вижу, что вы считаете личной обидой моё признание в любви, и ваша княжеская кровь возмущается при мысли, как

¹² мачеха

презренный еврей посмел мечтать о том, чтобы назвать вас своей. Но таково, должно быть, ослепление страсти, что, несмотря на очевидность, я на коленях умоляю вас попытаться пересилить несправедливое предубеждение и взглянуть на меня, как на всякого другого человека. Может быть, когда-нибудь вы меня полюбите... Из милости, хотя бы, не лишайте меня всякой надежды.

Он схватил руку Нины и несколько раз прижал к горячим устам. Излияние пылкой страсти всегда оказывает на того, к кому обращено, своё странное, таинственное влияние. Несколько мгновений Нина безмолвно глядела на стоявшего перед ней на коленях человека. Она переживала то состояние порабощения, которое должна испытывать птичка, гипнотизируемая змеей, собирающейся её проглотить, а Енох в эту минуту был действительно чарующе прекрасен, и охватившее его страстное возбуждение очень шло к его восточной и слегка демонической красоте. Более материальная и чувственная женщина была бы, может быть, и порабощена огнем его больших чёрных глаз, а его чувства

пробудили бы отклик в её душе, но чистая и строго уравновешенная Нина чувствовала перед таким избытком страсти только страх и безггливость. Страхнув охватившее её несносное оцепенение, она провела рукой по лицу и сказала тихим, но твёрдым голосом:

- Встаньте и выслушайте мой решительный ответ, раз уж мы затронули этот вопрос. Во-первых, вы упрекаете меня в предрассудке, который считаете несправедливым? Может быть, вы правы, и мы, христиане, пристрастны к вашему народу, но настоящее время - не подходящее для уничтожения такой вековой вражды. Евреи совершили столько злодеяний против моей Родины, пролили столько русской крови, что вас от виновных и от невинных христиан разделяет пропасть. Но я отдаю должную справедливость вашим внешним достоинствам, ценю ваше положение и редкое музыкальное дарование; поэтому я уверена, что со временем вы найдёте женщину, которая вас полюбит и даст вам счастье. В отношении же себя я должна быть откровенной и не могу убаюкивать вас надеждой. Я не люблю вас

никогда, хотя бы вы сложили к моим ногам все сокровища мира, потому что боюсь вас и вашей любви, как зеленеющего болота, таящего пучину, где меня ждет страшная смерть.

Аронштейн поднялся. Он дышал с трудом, его мертвенно-бледное, искажённое лицо отражало такое безумное отчаяние, а вместе с тем и дьявольскую злобу, что Нина онемела от ужаса, словно перед ней явился настоящий дьявол.

- Простите, княжна, что я вас беспокоил, - хриплым голосом начал он. - Ваш ответ столь убийственно откровенен, что мне осталось только поручить Иегове судьбу свою и возложить мои надежды на его милость.

Последние слова он закончил резким, глумливым смехом, от которого у Нины пробежала по телу дрожь. Она вскочила в испуге и опрометью кинулась из зимнего сада.

Она хотела найти отца, чтобы получить разрешение уехать домой, под предлогом мигрени, но в эту минуту в бальной зале грянула музыка, а в опустевших гостиных князя не было.

Навстречу попался ей Алябьев, который спешил, тоже отыскивая кого-то.

- Кирилл Павлович, не знаете-ли где папа? - торопливо спросила она.

- Князь в карточной комнате. Но что с вами, Нина Георгиевна? Вы бледны, расстроены и, кажется, дрожите? Скажите, ради Бога, что случилось? Вот рядом гостиная, там - ни души.

Нина была так взволнована, что утратила обычную сдержанность; кроме того, это будет беседа наедине с любимым человеком, а она знала, что он её любит. Не рассуждая, прошла она в гостиную и там рассказала, что Аронштейн признался ей в любви.

- А он ничем вас не обидел? Я бы ему этого не советовал, - сказал Алябьев, вспыхивая и хмуря брови.

- Нет, нет. Только мне противна его любовь; а когда я дала понять, что ему не на что надеяться, он был в такой ярости, что мне, по правде говоря, даже страшно было. Он точно дьяволом стал: дико захохотал и сказал, что поручает свою судьбу и надежды Иегове. У меня почему-то

осталось впечатление, что в его словах заключалась глухая угроза.

Алябьев молчал, но гневное выражение его лица было красноречивее слов. Нина поняла это, и страх иного рода охватил её.

- Надеюсь, что вы никому не выдадите того, что я вам сказала, и не станете искать с ним ссоры, - смущённо и с тревогой в голосе сказала она.

- Я этого не хочу... они ещё убьют вас, эти негодяи. Найти убийц среди их жидовской шайки очень нетрудно; ведь, теперь так просто - убрать с дороги того, кто им не нравится, бомбой или пулей.

Луч радостного счастья блеснул в глазах Алябьева.

- Вы хотите, чтобы я жил, Нина Георгиевна? Вы дорожите моей жизнью? А я был бы счастлив сто раз пожертвовать ею для вас, - склоняясь к собеседнице, говорил Кирилл Павлович.

Нина вся вспыхнула, но тотчас смело ответила:

- Да я хочу, чтобы вы жили. Я дорожу вашей жизнью и прошу избегать всего, что без нужды могло бы подвергнуть вашу жизнь опасной мести со стороны евреев. Я попрошу отца, чтобы он отправил меня под каким-нибудь предлогом в Петербург, лишь бы не встречаться с этим господином, который мне и страшен, и противен.

Кирилл Павлович взял её руку и страстно прошептал:

- Я слушаюсь и буду беречь свою жизнь, как сокровище какое-нибудь, если вы захотите принять эту жизнь и позволите посвятить её вам, чтобы любить и оберегать вас. Моё сердце и душа - у вас в плену. Но могу ли я надеяться, что и вы меня чуточку любите и согласитесь быть моей на всю жизнь?

Нина подняла на него свои чудные лучистые глаза, в которых ясно отражалось доверие, и любовь.

- Да, я люблю вас и никому другому принадлежать не буду, - просто ответила она. Алябьев крепко пожал её руку, а потом поднёс к губам.

- Спасибо, дорогая! Ваши слова укрепили счастье моей жизни. Завтра же я переговорю с князем: он меня уважает, и я надеюсь, что противиться нашему браку не станет. Арсений, поверенный моей любви, обещал уже мне своё содействие.

- У меня есть основание предполагать, что папа нас благословит. Но, во всяком случае, Кирилл Павлович, я хочу, чтобы наша помолвка осталась тайной, дабы не возбудить дьявольской ревности Аронштейна и не вызвать с его стороны какой-нибудь подлой предательской мести.

- Ваше желание для меня закон; к тому же вы совершенно правы, что нынче надо быть осторожным. А теперь разрешите мне, как всякому кавалеру, проводить вас в залу.

- Нет, я хочу уехать домой. Я ни за что на свете не желаю встречаться теперь с Енохом. А папе скажите, что шум противного бала меня утомил.

- О, не надо быть неблагодарной; этот бал дал нам возможность объясниться. Затем, можно ли

себе представить более странную случайность, как наша помолвка - в доме того же самого Аронштейна, - радостно смеясь, заметил Кирилл Петрович.

В соседней гостиной они встретили Арсения, и тот, узнав, что сестра хочет ехать домой, тоже спустился, чтобы посадить её. Проводив Нину, они вернулись на бал и, по пути, Алябьев передал приятелю всё, что произошло у него с княжной.

- Поздравляю тебя, мой друг, - сказал князь, пожимая его руку, - и молю Бога ниспослать тебе с Ниной безоблачное счастье. Но когда я подумаю об этом мерзавце, вся кровь во мне кипит. Этот пархач воображает, должно быть, что семья князей Пронских только и создана для того, чтобы сочетаться с Аронштейнами? Довольно и того, что его дражайшая кузина мараёт наше имя. Я видел, что Нина танцевала с ним, а потом они исчезли, и недоверие побудило меня идти их разыскивать. Ах, так хочется, чтобы Нина была уже замужем. Сам не знаю почему, но меня гнетёт предчувствие какой-то грозящей беды, да и во сне я видел маму с

бабушкой, которые обе плакали и окутывали меня чёрным крепом.

Кирилл Павлович пытался было его разуверить, отнеся его мрачное настроение на счёт нервов, но попытка эта не имела успеха; князь остался пасмурным, озабоченным и видимо нервным.

Глава 11

Дней десять спустя после знаменитого юбилейного бала Енох с княгиней сидели вечером в кабинете Аронштейна и вполголоса беседовали.

- Вполне и со всех точек зрения одобряю твой план, мой милый. Я убеждена, что он удастся и тебе нет причин отчаиваться, а Нине придется уж как-нибудь победить внушаемый тобой страх. Ха, ха, ха, - и она тихо, но злобно рассмеялась.

- А заручился ли ты согласием раввина и старейшин? - спросила княгиня после некоторого молчания. Енох утвердительно кивнул головой.

- Апельзафт начал было разные истории разводить, но я твёрдо стоял на своём, так что он принёс мне дозволение кагала на крещение и остальное. Кроме того, близка наша победа, а уж когда я буду здесь властвовать, то посмотрим, посмеет ли кто противиться моей воле.

- А, как жажду я этой минуты торжества, - прижимая руки к груди, сказала Зинаида Моисеевна. - Сколько обид мне надо отомстить!

- А всё-таки, Енох, великое несчастье, что ты полюбил эту глупую и надменную девчонку. Кстати, должна сообщить тебе некоторое обстоятельство, которое мне представляется важным. Думается, что уже с неделю времени как Нина и Алябьев тайком помолвлены. Разумеется, мне ничего об этом не говорят, потому что «жидовке» не доверяют, но я уловила, что тон их изменился, затем подметила подозрительные взгляды и, кажется, что перед отъездом Жорж говорил с ними наедине.

При первых словах кузины на лице Еноха отразилось злобное изумление и ревность, но он почти тотчас же овладел собой и презрительно ответил:

- Пусть себе женихаются, сколько угодно. Эта христианская собака подохнет, когда я того захочу; а с глаз долой, из сердца вон. Если я оставляю его жить по сие время, то лишь для того, чтобы не дать возможности этой недотроге-царевне оплакивать его «страдания»; подобный ореол мученика гораздо опаснее, чем живой болван, и возбуждает воображение, а этого я не хочу. Комитет возводит на него довольно тяжкие обвинения.

- Против заслуженного наказания я не имею права протестовать. Да, наконец, и что мне за дело? Ведь ты же знаешь, что по святому закону Шулхан-аруха этот человек - ничто для меня и брак наш незаконен, а я останусь всё-таки княгиней, вдовой губернатора, интересной жертвой «гнусного» преступления и... буду свободной от хлопот, обид и стеснений. Я-то уж не помешаю действиям комитета.

- Ну, а как идёт дело пропаганды в войсках?

- Туго, но подвигается. Арсений артачится, но я держу его в железных тисках, и он покорится, потому что боится отца, как школьник.

- Значит, всё идёт как по маслу. Ну, а теперь мне время ехать к Апельзафту.

- Поезжай. Мне тоже надо быть дома. Жорж возвращается с поездом в одиннадцать часов, и я должна его встретить, а кстати, расстроить приятную беседу милейшей Нины с её избранником.

Она расхохоталась и встала.

Дом раввина, рабби Иешуа Апельзафта, стоял подле синагоги. Здание было средней величины; нижний этаж отдавался под магазин и контору, а в прочих жил сам хозяин.

В большой комнате, окна которой выходили во двор и были тщательно завешаны толстыми занавесями, чтобы не пропустить луча света, собралось человек с двадцать.

Когда приехал Енох, его встретили почтительно, но довольно сдержанно. По-видимому, только его и ждали, так как вслед за ним двери двух соседних комнат были заперты на ключ, и собравшиеся расселись вокруг большого стола.

Председательствовал сам рабби Иешуа.

- Сыны Израиля! - начал он. - Наше сегодняшнее собрание имеет особую важность, так как мы должны обсудить, как нам наилучшим образом использовать событие, которое даёт нам в руки действительную власть и притом открыто, а не тайком, что было до сих пор. При посредстве праведного еврея, Еноха Аронштейна, здесь присутствующего, я получил по телеграфу из Петербурга проект Высочайшего указа, который будет ещё опубликован 17 октября, т.е. через четыре дня. Граф, всем вам известный наш могущественный покровитель, поддержанный благочестивой и добродетельной дочерью Израиля, второй Эсфирью, разделяющей труды его, добился, наконец, конституции. Нам следует только позаботиться, чтобы члены будущего парламента, под названием Думы, были нашими покорными слугами.

Молодой рыжий еврей со скуластым зверским лицом вскочил и стукнул по столу кулаком.

- Это хорошо, но недостаточно для нас, - крикнул он. - Наша конечная цель, что справедливо указал и Бабель, это -

демократическая республика, как форма правления; в сфере экономической - коммунизм; в сфере религиозной - атеизм и полное упразднение всякой религии, потому что все остальные культы, исключая наш, разумеется, - сплошное идолопоклонство. Я предлагаю поэтому не тратить денег и сил на подкуп выборщиков, а разом подать пример, провозгласив здесь республику. Мы не будем одни. Одесса поступит так же, воспользовавшись для этого произведёнными манифестом беспорядками, и один из наших, Пергамент, уже намечен быть первым президентом; да и во многих городах объявлена будет республика, потому что пример заразителен. Самодержавие вполне дискредитировано, армия и флот разлагаются, рабочая масса охвачена революционным духом и готовы на всё, а правительственная власть - ничтожна. Словом, настаёт такой благоприятный момент, чтобы нанести решительный удар ненавистному цезаризму: Вот почему я предлагаю обсудить средства к провозглашению республики, установить срок и теперь же избрать членов нового правительства, а наш председатель

потрудится указать нам, где находится вооружение. За отряды, состоящие под моим начальством, я отвечаю.

Рабби Иешуа сидел задумчиво, облокотясь на стол, и затем медленно сказал:

- Ты прав, Яффе, момент - благоприятен, чтобы рискнуть на переворот; а всё-таки, в последнюю минуту на меня находит сомнение. Мне сдаётся, что далеко ещё не все одураченные нами «гои» доведены до точки кипения, что могут быть большие неудачи, когда «поганные», которым мы пособляем нашими деньгами, влиянием и даже жизнью добывать себе «свободу», нас предадут или отстранят от дела, лишь только победа будет на их стороне. Хотя, с другой стороны, может быть, что года и опытность внушают мне сомнение и преувеличенные опасения. Тогда говорите вы, взвесьте наши силы и средства, а потом мы решим уж окончательно. Енох Аронштейн, говорите первый.

Банкир вынул из бумажника лист, покрытый цифрами и заметками, и принялся перечислять, сколько оружия по всем частям города.

- Последняя партия в пятьсот револьверов прислана накануне и будет роздана при посредстве Яффе. Запас разного оружия и боевые припасы, а равно двадцать бомб находятся в синагоге и тридцать у меня. Ораторы получили необходимые указания, и одна из наших самых деятельных агентш, Альма Бернштейн, уже много недель работает по фабрикам и заводам; рабочие массы так настроены, что остаётся лишь дать сигнал, и они пойдут куда угодно. Власти приведены в бездействие: вице-губернатор и пальцем не шевельнёт, если обещать неприкосновенность его особы; а полицеймейстер - настолько в наших руках, что не посмеет нам противодействовать, а будет помогать изо всех сил...

- А князь? - прервал его один из присутствовавших.

- Он может оказать сопротивление. Ведь, это - заведомый черносотенец и реакционер.

- За него, понятно, отвечать не могу, но полагаю, что существует немало средств

помешать ему вредить нам, - усмехнувшись, ответил Енох.

- Да, и самое верное средство - закрыть ему рот навсегда. Я обвиняю князя в систематическом преследовании народа Израиля и требую его смертного приговора, - яростно заявил тот же рыжий еврей.

Затем начались перечисления преступлений губернатора: сколько, по его милости, состоялось осуждений евреев, сколько конфисковал он подпольных свободомыслящих газет и, вообще, производил давление на «свободную прессу», поддерживал русских чиновников на местах, которые кагал рассчитывал занять своими креатурами. Словом, погрешности Георгия Никитича были таковы, что смертный приговор был постановлен единогласно, хотя Енох желал сохранить за собой выбор времени исполнения приговора.

- Ого! Не потому ли, чтобы изъять его совершенно из нашей власти, сохраняешь ты за собой право решить его участь? До меня дошло известие, что ты собираешься, будто, жениться на его дочери; а это даёт повод всякому

праведному еврею тебя заподозрить. Она-то еврейкой не станет, а ты сделаешься акумом, твои дети - гоями, твоё золото пойдёт в их руки, и Иегова жестоко отомстит за нарушение нашего закона.

- Я попрошу, Гирш Майер, ответить тебе за меня, рабби, и разъяснить, что я не нарушаю закона, - презрительно ответил Енох.

- То справедливо, - торжественным тоном сказал рабби Иешуа. Я удостоверяю, что брат наш, Енох бен Аронштейн, всегда был и остался достойным сыном Израиля, послушным святому закону. Правда, он хочет обладать дочерью гоя, потому что она ему приглянулась; но это - право любого из сынов нашего царственного племени - брать всё, что ему понравится у акума, который ни на что никаких прав не имеет и которого Иегова поставил на степень животного. Енох Аронштейн, как верный сын Иаковлев, послушный закону Бога народа своего, просил и получил разрешение святого кагала подчиниться забавной церемонии акумов. Мало этого, он пожертвовал в пользу наших бедных и на благо революции большие суммы, и вообще вложил

столько труда и денег в дело освобождения нашего народа, что вполне заслужил нашу благодарность.

Холодно и презрительно сдвинув брови, Енох слушал молча, но когда раввин кончил, он нетерпеливо сказал:

- Если вмешательство в мои личные дела исчерпано, нам бы следовало, кажется, вернуться к главному вопросу нашего совещания.

- Да, да. Конечно, - закричало несколько голосов. - Вернуться к главному.

Совещание оживилось, а так как все почти стояли за немедленные и решительные действия, то приступили к выборам должностных лиц готовящейся республики. Енох был избран будущим президентом, и сразу внёс предложение о смертном приговоре князю, с целой серией осуждений других лиц.

Лишь один раввин не принимал участие в последних прениях. Облокотясь на стол, задумчивый и серьёзный, он внимательно слушал и пристально вглядывался в оратора, но сам не проронил ни слова. Не раз уже

присутствовавшие с неудовольствием поглядывали на него. Наконец, пылкий Яффе не выдержал.

- Почему, рабби Иешуа, ты молчишь, как немой, когда обсуждаются столь важные вопросы? Глядя на тебя, можно подумать, что ты не одобряешь наши решения?

Равнин выпрямился.

- Не то, чтобы я их не одобрял, а только они внушают мне опасения. Я боюсь, повторяю, что не слишком ли поспешно мы начинаем действовать в открытую, а предупрежденные таким образом гой могут вовремя спохватиться. Полученное мною утром письмо подтвердило мои предположения. Письмо - от Вульфа Редера. Вы знаете, что он - влиятельный член Великого Востока Франции, итальянских масонских лож, а равно и Всемирного Израильского Союза. Эти его блестящие связи - достаточны, чтобы мы отнеслись к нему с полным доверием.

Раввин развернул большой исписанный мелким почерком лист, на котором разные места были отмечены красным карандашом.

Послание начиналось с указания на всякого рода успехи, достигнутые еврейством в различных странах, между прочим, в Англии, где король Эдуард VII перенёс приёмы при дворе с пятниц на четверги, чтобы на них мог присутствовать главный раввин Лондона. За сим шли места, отмеченные красным, гласившие следующее:

«Вы понимаете, мой друг, что единственная и окончательная цель, преследуемая масонской ассоциацией, как и Всемирным Израильским Союзом, это - подчинить скипетру Израиля все нации в мире, дабы все народы стали нашим рабочим скотом.

Эта цель близка, но ещё не достигнута, потому что среди гоев есть ещё наглецы, как, например, в Нью-Йорке, которые осмеливаются безнаказанно писать на своих дверях надписи «No jews wanted¹³».

Конечно, час расплаты настанет, но пока идея нашего верховенства ещё недостаточно проникла в сознание народов.

¹³ жидов не нужно

Мы обязаны всегда помнить, что все прочие народы - наши враги, а больше всех мы должны ненавидеть тех, которые поклоняются кресту. Во Франции господство этого символа подорвано: денационализированный, деморализованный и порабощенный экономически народ быстрыми шагами приближается к моменту, когда он перестанет представлять из себя нацию, и обратится просто в людское стадо, которым мы будем свободно пользоваться, направляя его по нашему желанию.

Последняя твердыня креста, это Россия. Поэтому-то мы должны стремиться разрушить этот приют идолопоклонства, и неуклонная воля наших вождей направлена на то, чтобы эта богатейшая страна была, во что бы то ни стало, дезорганизована, расчленена и уничтожена, как нация. На это должны быть направлены все усилия Бунда.

Но я должен сказать вам, рабби Иешуа, что, по мнению наших главарей, этот мандат выполняется плохо. Слишком преждевременно вызванная революция и участие в ней наших

братьев выйдет чересчур явным и шумным. Мы обнаружим себя»...

- Мудрено было бы не догадаться, когда евреи борются в первых рядах и героически умирают за дело свободы; когда наше золото подкупает подлых шабес шискелей, которые служат нам в ущерб собственной родины. Золото - нерв войны, а это золото в наших руках. Мы душа революции и её казначеи! Так чего же нам бояться, даже если гои и догадаются о том, - с наглым смехом перебил его Яффе.

- Ты ошибаешься, Лейба. Они правы тем, говоря, что против скрытой, неведомой силы труднее защищаться, чем против опасности, размеры которой можно сообразить. Однако я прошу тебя не перебивать рабби, - строго заметил Енох.

«Я заключаю, - продолжал раввин чтение письма, - что Бунд повинен в недостатке терпения. Кроме того, чтобы втихомолку вести работу разрушения, он готов вызвать революцию, когда ещё только минимальная часть общественной и народной массы поражена заразой. Во-вторых, зверская жестокость и

многочисленность убийств, нередко без всякого политического значения, несомненно, окончатся реакцией и пробуждением ненависти к евреям.

Но что уже положительно преступно, с вашей точки зрения, если справедливы носящиеся слухи, это - будто вы собираетесь провозгласить республику. Как смее вы вступать в открытый бой, не будучи уверены в успехе? А если вы проиграете?..

Народная масса ещё не созрела, чтобы ткнуть в навоз своё национальное знамя, а коли проснется патриотизм, вся наша игра будет испорчена - хоть и не навсегда, то, во всяком случае, надолго. А всё потому, что у вас не хватает терпения выждать, чтобы дело разложения государства, общества и народа было доведено до нужной степени, а мозги достаточно вывихнуты, чтобы довершить самоуничтожение. Тогда спелый плод сам свалится вам в руки, как то было во Франции.

А политическое положение России ещё благоприятнее для этого, чем во Франции. Её разложение уже началось, Финляндия принадлежит России только номинально;

недовольная Польша готова восстать при удобном случае; Кавказ в полном брожении, а балтийские провинции уже - немецкие области и только ждут вступления освободителей-соплеменников. Война с Японией проиграна и окончилась подписанием постыдного для России мира, который окончательно развратит армию; да и самый этот мир будет ничем иным, как перемирием. Говорю вам это, будучи вполне в том осведомлён. В следующий раз обрушится на Россию и положит конец её существованию, как великой державы, не какой-нибудь азиатский народец, а величайшая в мире военная мощь. Вы догадываетесь, конечно, что я говорю про Германию, которая под руководством своего гениального императора деятельно стремится к установлению своей гегемонии над Европой и Азией. Начиная с 1870 г., с изумительным искусством идут приготовления к войне, и втихомолку выделяются всевозможные неведомые орудия разрушения.

До какого идеального совершенства доведена у немцев система шпионажа, про то вы знаете лучше, чем кто-нибудь. Сеть его покрыла весь

свет, а руководящие нити сосредоточены в самой ловкой и наиболее тонкой политической руке, нашего времени, которая в нужный момент вызовет бурю, а та перевернёт весь мир. Таким образом, победа Германии - неизбежна, потому что у неё, к тому же, есть сообщники в самой России. Плацдармы для вторжения тщательно подготовлены в балтийских провинциях и Польше, а предатели кишат во всех слоях русского общества. Да наконец и мы, израильтяне, естественно, поможем немцам, потому что в Германии нам уже даровано политическое равенство, которого мы добиваемся здесь, и которое заслуженно получим от победителей, новых хозяев страны.

Вследствие этого Израильский союз и масонские ложи считают необходимым дожидаться указанной, вполне обеспеченной победы Германии, вместо того, чтобы подвергать опасности наш народ столь бессмысленными и несвоевременными действиями, как провозглашение республики. Всё, что мы жаждем, легко придёт впоследствии само собой.

Я сообщаю вам не приказ, а серьёзное мнение
- воздержаться от всякой попытки
провозглашения республики, чтобы снова не
оправдались слова одного из наших раввинов:

- Wir, Iuden, sind gesegnetes Volk, den wir sind
stark und ausdauernd im Unglück; aber wir, Iuden,
sind verfluchtes Volk, denn wir können das Glück
nicht ertragen¹⁴...

Раввин сложил письмо и пытливым взором
обвёл оживлённые лица присутствующих.
Первым запротестовал Енох.

- Я готов оспаривать доводы Вульфа Редера и
его заграничных единомышленников. Доводы
эти были бы, может быть, неопровержимы, знай
они, подобно нам, положение страны. Я только
дивлюсь, как плохо осведомлены наши вожди о
том, что здесь происходит. Они даже не знают,
что мы, можно сказать, исполинскими шагами
идём к цели, и Россия, эта последняя заступница
христианства, так близка к развалу. Не понимаю,

¹⁴ Мы, евреи - благословенный народ, потому что
сильны и выносливы в несчастье, но мы, евреи -
проклятый народ, потому что не можем
выносить счастье

как могут они не знать, что безнравственность, продажность и отсутствие национального сознания во всех слоях русской интеллигенции превосходит самое смелое воображение. Ленивая, сбитая с толку, и тупая молодежь обратилась в какой-то сброд дегенератов; гниет даже духовенство, и в своём растлении становится подчас врагом собственной веры. Россия будет, несомненно, побеждена нами, потому что только любовь к родине создаёт силу народа, а это чувство умерло, вытравлено.

Надо теперь же нанести окончательный смертельный удар, и для этого всё готово. Скоро всеобщая забастовка парализует государственный механизм, и все жизненные артерии этого колосса на глиняных ногах прекратят своё действие. Фабрики опустеют, рабочие примутся строить баррикады, а восставшие войска присоединятся к ним. По моему мнению, теперь наступает именно решительный момент захватить власть и окончательно сбросить императорское ярмо. Ответьте, друзья и братья, здесь собравшиеся: к

моему ли мнению или к мнению Вульфа Редера вы присоединяетесь?

- К твоему!... - единодушно кричали собравшиеся.

- Довольно мы ждали, терпели и унижались. Теперь мы достаточно сильны для боя и победим!

- Спасибо, братья, за доверие. Отпихнём же это поползновение взять нас под опеку, - презрительно прибавил Енох.

- Этого только не хватало! Я думаю, что здесь никто не захочет подчиниться такому насилию, - крикнул Яффе.

- Ну, нет. Менять один произвол на другой не стоит, - заметил чей-то недовольный голос.

И совещание принялось горячо обсуждать план готовившегося восстания.

Глава 12

Прошло несколько дней после опубликования указа от 17-го октября. Знаменательный исторический акт вызвал в городе целую бурю.

Евреи и их сторонники ликовали, выражая своё торжество процессиями с красными флагами и бурными митингами с неизбежными речами и пением марсельезы. Патриоты пали духом и негодовали, но предпринять что-либо, а тем более противиться безумию, охватившему страну, они не могли, потому что не были для этого объединены. Натиск революции шёл беспрепятственно, и захваченная евреями пресса справляла неистовую оргию. Газеты возбуждали к бунту, ругались, клеветали, лгали и пели хвалебные гимны всяким преступлениям; а в результате фабрики и школы бастовали, шайки рабочих, школьников, евреев и разного сброда, неведь откуда вынырнувшего, бродили по улицам и позволяли себе возмутительные бесчинства относительно тех, кого подозревали в патриотизме.

Пока ещё крупных беспорядков не было, но отдельные случаи насилия и с трудом предотвращенные столкновения указывали уже, что в обоих лагерях возбуждение росло.

Георгий Никитич был возмущён. Перед самым губернаторским домом изловили двух собак,

тащивших на хвостах царские портреты, а в кармане жидёнка, нагло крикнувшего вслед проезжавшему князю - «Долой Царя!» - найден был номер «Улька» от 15 августа со следующим рисунком. Изображена была православная часовня с иконами во весь рост, и перед ними в высоких подсвечниках горели свечи, а у золочёной решётки, на бархатной подушке, стоял коленопреклонённый, вновь пожалованный в графы, Витте, в парадном мундире и с украшенной перьями треуголкой в руках. Надписи на образах означали: на одном - «Ротшильд преподобный», а на другом - «Мендельсон, берлинский чудотворец».

Князь хотел отнестись к этому со всей строгостью, но фон Зааль и Боявский заявили, что не отвечают ни за что, если будут применены крутые меры, в виду народного возбуждения, могущего повлечь за собой кровавую расправу.

Измученный и ошеломленный их криками, убеждениями и глухими угрозами, князь сдался, предоставив им свободу действия.

Настал день годового праздника высокочтимой во всей губернии иконы Божией

Матери, Которая с крестным ходом переносилась на несколько дней из монастыря в кафедральный собор для поклонения.

С утра во всём доме кипело лихорадочное оживление. Евреи и, главным образом, школьная молодёжь обоих полов заполняла почти все улицы. Ввиду тревожных признаков, князь приказал разместить в разных концах города отряды войск; но так как гарнизон был малочислен, то и эти посты, в общем, были редки.

Многолюдный крестный ход, к которому присоединились окрестные крестьяне, мирно и с пением молитв подходил к собору, как вдруг на перекрёстке улиц еврейское скопище преградило ему путь. Произошло замешательство, и в ту же минуту из окна углового дома была брошена бомба, которая разорвалась, изранив и убив многих. Неожиданное нападение произвело панику, которую усугубили револьверные залпы со стороны; отчаянные крики и вопли женщин и детей стояли в воздухе. Процессия обратилась в вопящую толпу, на которую с двух сторон яростно набросились остервенелые шайки

евреев. Рвались и топтались хоругви, разбивались стекла киотов, а иконы бросались на землю. Во главе бесчинствовавших особенно своим кощунством выделялся Яффе, который плевал на образа, а не то бил ими по головам, так что один из хоругвеносцев замертво повалился на землю.

В этот момент появился привлечённый шумом и стоявший поблизости отряд войск. С его появлением, нападавшая банда отступила, а те, которые сохранили присутствие духа и порядок, воспользовались минутой и поспешили в собор с чудотворной иконой, под охраной многочисленных самоотверженных защитников.

Но это не прекратило общего беспорядка. Войска были осыпаны с двух сторон градом выстрелов из домов; кроме того, и возмущённая толпа опомнилась. Народ кинулся на дом, откуда шла стрельба, выломав двери, и многие из евреев, попавшихся в швейцарской и пробовавших скрыться, были тут же убиты.

Ватаги крестьян, рассыпавшись по соседним улицам, принялись разбивать еврейские лавки, но не грабили, а только били, рвали и жгли в

отместку. Так как вспышка народного гнева была местной, то войска быстро подавили волнение в самом начале, и порядок через несколько часов был восстановлен.

Но никогда ещё, разумеется, нижние чины и войсковые начальники не бывали в столь смешном и странном положении, когда им с опасностью жизни приходилось оборонять тех, которые их же засыпали пулями и забрасывали бомбами. Несмотря, однако, на такое ненормальное положение, стойкость духа войск осилила.

Несколько домов, служивших убежищем революционерам и поддерживавших наиболее сильный огонь, были оцеплены и захвачены; с полсотни бунтовщиков были задержаны и посажены в тюрьму; крестьяне и рабочие удалены из города, а отряды войск заняли наиболее опасные места. К вечеру жизнь вошла, казалось, в обычное русло.

Следствие удостоверило, что из участников крестного хода хоругвеносец, две женщины и трое ребят были убиты, несколько человек, нёсших иконы, священник и пятнадцать

богомольцев оказались более или менее тяжело ранены. Среди евреев десять человек было убито, один разорван им же брошенной бомбой, но точное число раненых не могло быть определено; десятка полтора магазинов и лавок были разбиты, а нижних чинов убито два, и семь ранено.

Два дня прошло без происшествий, и только газеты неистовствовали, обвиняя правительство в «провокации», оплакивая смерть несчастных «мучеников за идею», и требуя освобождения заключённых. Такие зажигательные речи возбуждали население, «освобожденное» уже от строгой узды порядка; головы были разгорячены и, под покровом наружного спокойствия, клокотал уже вулкан. Но и в лагере патриотов тоже царило лихорадочное оживление.

Встревоженный и негодующей полицеймейстер прилетел к князю с докладом, что «подлые черносотенцы» снова замышляют какую-то гадость против «несчастливого и мирного» еврейского населения. До его сведения дошло, что в городе готовится патриотическая манифестация, и что на тайных сходках

произносят зажигательные речи; поэтому он считал необходимым немедленно арестовать этих, так называемых, «русских патриотов». С арестом надо было спешить, потому что назавтра приходился базарный день, и предстояли похороны христианских и еврейских жертв только что бывшего беспорядка.

Нервный, раздражённый и полубольной князь, ради поддержания спокойствия, согласился принять строгие меры. Уже дня два, как его бомбардировали из Петербурга депешами с настоятельными требованиями сделать всё, чтобы оградить евреев от всяких нападений и, не стесняясь, действовать вооружённой силой, против «погромщиков», которые рассчитывают на грабёж и убийства, под предлогом верноподданничества и патриотизма.

Между тем, ничто как будто не оправдывало опасений Боявского, который, тем не менее, тотчас же задержал всех тех, кого подозревал заправилами патриотического движения.

Ночь прошла спокойно, а с зарёй стали приезжать на базар крестьяне, и торговля пошла обычным ходом.

Ввиду установившегося в городе спокойствия и порядка, Нина решилась съездить по делу в склад Красного Креста, куда должен был прибыть транспорт пожертвованных вещей из уезда. Склад временно помещался в бастовавшем уже некоторое время коммерческом училище, и Нина хотела сама принять прибывшие вещи от сопровождавших транспорт дам.

Собралось довольно многочисленное общество, состоявшее из десятка участниц комитета Красного Креста, такого же количества дам и барышень, являвшихся ежедневно на шитьё, или помогавших складыванию и распаковке вещей, нескольких человек мужчин, членов комитета и, наконец, прибывших с транспортом дам. В течение часа работа кипела вокруг столов, заваленных бельём, одеялами и разными припасами в виде чая, сахара, кофе и т. д., как вдруг шум на улице обратил всеобщее внимание.

Слышался глухой гул голосов и топот приближавшейся громадной толпы, а по временам раздавались выстрелы. Все, разумеется, кинулись к окнам.

Плотная толпа с шумом запружала улицы, а площадь, на которую выходило коммерческое училище, заполнялась теперь рабочими и школьниками с красными флагами. В эту минуту, под самыми окнами училища, раздался страшный взрыв, от которого задрожало всё здание, разлетелись вдребезги стекла, вещи попадали на пол и свалился с колонки бюст Пушкина.

Произошла паника. Несколько лиц было ранено осколками стекол, а одна из дам, сшибленная взрывом, ударилась головой при падении. Как испуганное стадо, бросились присутствовавшие с криками и рыданиями к выходу, толкаясь, опрокидывая стулья и сбрасывая на пол преграждавшие им дорогу вещи.

Нина не была задета, но видя скопление у дверей, она отошла вглубь залы, где к ней подошла жена одного из профессоров.

Нина недолго любила эту чету, которая пользовалась покровительством её мачехи и принимала ближайшее участие во всех благотворительных комитетах Зинаиды

Моисеевны, но в эту минуту опасность положения заглушила в ней обычную антипатию.

- Боже мой! Как отсюда выйти? Найдёшь ли экипаж теперь, в этой сумятице? - волновалась Нина.

- Да, княжна, выходить теперь рискованно, могут быть и ещё бомбы. А хуже всего, сюда может ворваться народ и начать грабить. Слышите, какой страшный гам!

С площади, вперемешку с пением, неслись дикие крики:

- Долой тиранию!.. Да здравствует свобода!.. Да здравствует республика!

Холодный ветер врывается в разбитые окна.

- Что делать?! Боже мой, что делать? - тревожно шептала Нина, зябко кутаясь в горностаевую накидку.

- Знаете ли, Нина Георгиевна, что, мне кажется, будет самым разумным в данную минуту? Поднимитесь наверх, к церкви; это всё-таки будет всего безопаснее. А оттуда, по другой

лестнице, можно будет спуститься и выйти на улицу позади училища. Если вы не сыщете вашего экипажа, - ну, в худшем случае, вы вернётесь домой на извозчике.

- Вы правы, Амалия Карловна, попытаемся спастись туда. И обе они поспешно поднялись в верхний этаж.

- Войдите, княжна, и подождите меня, а я постараюсь достать верхнее платье и осмотрю, свободна ли лестница.

Не дожидаясь ответа, она втолкнула Нину и захлопнула за ней дверь. Нина испуганно огляделась.

Она очутилась в комнате перед церковью. С удивлением увидела она, что церковь освещена, и у алтаря стояла кучка людей и, между прочим, Аронштейн во фраке и белом галстуке. На его бледном лице застыло выражение, от которого Нину бросило в дрожь. У неё мелькнула мысль бежать, и она проворно толкнулась в дверь, но та не подавалась, несмотря на все её усилия. Её охватил ужас, и сердце чуть не разрывалось в

груди. Пока она возилась у двери, её тронула чья-то холодная рука.

- Пожалуйста, успокойтесь, княжна, и соблаговолите меня выслушать. Я должен вам сообщить нечто важное.

Нина смерила Аронштейна враждебным взглядом и сбросила его руку.

- Что означает эта западня, г-н Аронштейн? Я требую, чтобы вы меня выпустили отсюда.

- После того, как вы меня выслушаете. Но я буду краток, потому что время не терпит. Вы меня оттолкнули, Нина Георгиевна, вы облили меня презрением, вы отняли у меня возможность завоевать ваше сердце и получить вашу руку, как это мог бы сделать всякий другой. Но я не из тех, которые отказываются от достижения желаемого, а вы для меня не только цель, а сущность моей жизни. Поэтому вы выйдете из этой церкви не иначе, как моей женой. Всё готово: священник и шафера нас ждут, недостаёт только вашего согласия.

Лицо Нины стало багровым.

- Остаётся предположить, что вы с ума сошли, милостивый государь, если осмелились так со мной разговаривать. Мне быть вашей женой?! Да я предпочту выброситься из окна. Подобное насилие преследуется законом. Вы с вашими сообщниками можете употребить против меня насилие, потому что я попала в подлую ловушку, но этим дело не кончится; мой отец и брат потребуют у вас отчёта в такой неслыханной гнусности. Хотела бы я видеть того православного священника, который обвенчал бы христианку с жидом, несмотря на её протест, без разрешения родительского и без бумаг. Ведь я не какая-нибудь бедная беззащитная крестьянка, а княгиня Пронская, дочь начальника губернии...

Волнение и гнев душили её, и она не могла продолжать. На лице Еноха появилась презрительная усмешка.

- Позвольте опровергнуть ваши доводы. Вы выйдете замуж не за жида, потому что я три дня тому назад крестился; ваши бумаги уже с неделю - в моих руках, а священнику не придется венчать вас против вашей воли, ибо я убеждён,

что вы добровольно вложите вашу ручку в мою. Относительно же вашего отца и брата замечу, что, не взирая на то, что они бессильны против совершившегося факта, их особы послужат мне гарантией вашего согласия, в чём вы сейчас и убедитесь. Князь Пронский уже не губернатор, потому что здесь, как в Одессе и в других местностях, провозглашена республика. Взбунтовавшиеся войска в столицах и Киеве перешли на сторону народа, императорский режим не существует, и я, избранный президентом, стою во главе власти. Поэтому никому не советую меня слушаться. А теперь пойдёмте и взгляните сами.

Он схватил Нину за руку и увлек к разбитому, выходявшему на площадь окну.

Сквозь выбитые стекла, точно рёв морского прибоя, слышался беспорядочный гул тысяч голосов, которые кричали, пели или ругались. На площади и по улицам, куда только хватало глаз, простиралось скопище человеческих голов.

Нина стояла смертельно бледная, широко раскрытыми от ужаса глазами глядя на это

людское море. Вдруг она вскрикнула и схватилась руками за голову.

- Отец!.. Отец!.. Зачем он здесь?!

Она увидела шедшего в толпе Георгия Никитича, над которым какие-то двое юношей держали красное знамя. Князь был бледен и, по-видимому, едва держался на ногах.

- Народ ходил за ним и теперь ведёт его к тюрьме, чтобы он последним актом своей власти освободил всех несчастных жертв произвола покойного императорского режима. Видите вы человека в зелёной фуражке, который идёт сзади вашего отца? Он вооружён браунингом и бомбой. Стоит мне махнуть платком из этого самого окна, у которого мы теперь стоим, и он всадит князю в спину несколько пуль. Если, через десять минут, вы не распишетесь в книге и венчание не начнется, а сверх того, если вы не обещаете оправдать меня и не поклянетесь перед отцом в том, что добровольно и по любви стали моей женой, я даю сигнал.

Нине казалось, что она сойдёт с ума. Страшная происходившая внизу сцена, выстрелы,

разбиваемые камнями окна в соседних домах, всё подсказывало, что убийство отца этой разнузданной толпой не было пустой угрозой. При мысли увидеть отца разорванным, на её лбу выступил холодный пот.

- Папа! Дорогой папа, - шептала она, рыдая.

- Жизнь вашего отца - в ваших руках, и вам осталось две минуты для решения, - твёрдо, звучным голосом сказал Енох.

С внутренней дрожью и пылавшим взором следил он за душевной борьбой, которая ясно отражалась на расстроенном лице его жертвы.

При мысли, что она будет принадлежать Еноху, в ней всякий нерв содрогался от омерзения и ужаса; а всё-таки не могла она допустить убийства отца у себя на глазах. Следовало раньше его спасти, а потом уж она покончит с собой, чтобы не достаться негодяю.

Безотчётно, как автомат, пошла она от окна в церковь. Точно сквозь туман видела княжна, как открылись царские врата, и из алтаря вышел священник в сопровождении лохматого и, по-видимому, пьяного дьякона.

То, что происходило далее, осталось в её памяти в виде туманного кошмара. Ей давали что-то подписывать, потом потащили к аналою, и она чувствовала свою руку в руке Аронштейна, что бросило её в дрожь. Но все эти ощущения и впечатления были смутны, и сколько времени длилась эта пытка, она не могла бы сказать. Вся её жизнь сосредоточилась в слухе, - не будет ли взрыва? Её единственной мыслью было - спасён ли отец?

Наконец, всё было кончено; но когда Енох вздумал было воспользоваться своим правом и нагнулся, чтобы поцеловать её, она дико вскрикнула, с неподдельным отвращением оттолкнула его и упала без чувств.

Аронштейн подхватил Нину, закутал в приготовленный тёмный плащ и снёс в свою карету, стоявшую в переулке, позади школы. Секретарь банкира, услужливый шабес гой, вскочил на козлы с красным флажком в руке, и экипаж помчался к дому Аронштейна.

Глава 13

Вернёмся теперь в дом князя.

Георгий Никитич сидел в своём кабинете и разговаривал с вице-губернатором, когда всё нараставший шум обратил на себя его внимание. Фон Зааль побледнел, вскочил и, взглянув в окно, сказал испуганно:

- Опять у нас бунт, Боже милостивый! Смотрите, князь, кажется, всё население - на ногах. Опять, должно быть, подлые «черносотенцы» учинили какое-нибудь насилие над бедными евреями и к вам пришли теперь на разбор.

Князь нахмурился и тоже подошёл к окну. Господин фон Залль был ему донельзя противен, и он знал, какую цену можно было давать его обвинениям. Но, взглянув в окно, князь убедился, что дело дошло действительно до бунта; а за час перед тем полицеймейстер телефонировал ему, что всё спокойно.

- Пойдите пожалуйста, Герман Германович, поговорите с этим народом и узнайте чего им надо, - сказал Георгий Никитич.

Пока, недовольный поручением, вице-губернатор спускался, князь позвонил Прокофия и послал сказать гувернанткам увести детей в комнаты, выходявшие в сад, и оттуда не выходить; но весть, что Нина уехала в свой склад, привела его в ужас.

Распорядившись, чтобы послали за княжной надёжного человека, князь вернулся к окну и вспыхнул от негодования, увидав, что Зааль, бледный, как его рубашка, стоял на подъезде с непокрытой головой, ведя переговоры с каким-то тощим, обтрёпанным евреем, который нагло кричал и размахивал руками. До ушей князя отчетливо доносились слова:

- Свобода заключённым!.. Освобождение невинных жертв!.. К чёрту Зааля, подайте нам губернатора, - выла толпа, махая красными флагами.

Через несколько минут в кабинет влетел расстроенный вице-губернатор.

- Князь, народ требует освобождения политических заключённых, особенно тех, которые задержаны по делу крестного хода.

Кроме того, они настаивают, чтобы вы шли с ними вместе, чтобы приказать открыть тюрьму.

- За кого они меня считают? Чтоб я таскался с этим сбродом и уступил бы таким наглým требованиям освободить преступников, - ответил взбешенный князь.

- Я протелефонирую командиру казачьего полка, чтобы...

- Невозможно! Перерезаны все телефонные провода. Уступите, ваше сиятельство. Пусть лучше этих сумасбродов выпустят с вашего разрешения, чем допускать, чтобы народ силой ворвался в тюрьму, - убеждал фон Зааль.

Во время этих переговоров толпа всё возрастала. Невесть откуда появились ещё новые ватаги, и всё это явно возбуждённое скопище теснилось перед домом; задние напирали на передних, так что чугунная садовая решётка, не выдержав, рухнула, и толпа хлынула в сад, топча цветники и опрокидывая скамейки.

Квартира губернатора была на первом этаже, а в подвальном помещении находились кухни и людская; в сад выходили окна столовой и

гостиной. Большие с кружевными занавесями окна привлекли сразу внимание этого сброда, а один из оборванцев вскарабкался даже на дерево.

- Однако, как богато живут эти прихвостни правительства, - кричал он. - Поглядите, товарищи!..

И с этими словами он запустил камнем в окно. Его примеру последовало ещё несколько человек, и пять, шесть окон были разбиты. Сначала они довольствовались бомбардировкой дома снаружи камнями и сучьями; но, затем, этого уж им показалось мало, и несколько наиболее смелых хулиганов, помогая друг другу, добрались до окон, влезли в комнаты и принялись грабить буфет и дорогие безделушки в гостиной. Может быть, грабёж принял бы большие размеры, не раздайся в ту минуту взрыв в саду. «Метальщик» ли выронил ручную бомбу или какой-нибудь озорник захотел, шутки ради, вызвать панику? Так или иначе, испуганная толпа отхлынула, а грабители, услышав, кроме того ещё несколько выстрелов, спрыгнули в сад с добычей и скрылись в общей суматохе. Но этот переполох имел ещё и иное следствие.

Совершенно неожиданно он привёл к желаемому фон Заалем концу его переговоров с губернатором, бывших до того безуспешными. Князь испугался за детей, когда услышал взрыв и выстрелы.

- Вы хотите раздражить толпу, чтобы она взорвала дом вместе с нашей семьей, - уговаривал его вице-губернатор. - Не лучше ли уступить и вашей властью освободить преступников, которых впоследствии можно будет ведь снова засадить.

Георгий Никитич решился, наконец, и сошёл вниз. Сначала он пробовал было говорить с народом, но его голос затерялся в общем гвалте, а его тотчас же схватили и потащили.

Он очутился во главе шайки, нёсшей красные флаги, и как пьяный, вопреки своей воли, шёл по дороге в тюрьму. Впрочем, если бы даже князь и замешкался, его всё равно повели бы насильно, таков был настоятельный приказ революционных главарей.

Пока всё это происходило, Арсений был на докладе у своего начальника. В это время вбежал

адъютант с известием, что новый революционный бунт вспыхнул в городе.

Начальник гарнизона, решительный и честный генерал, любивший Родину, а потому нелюбимый высшим, пропитанным «либерализмом», начальством, всячески мешавшим свободе его действий, отдал тотчас же приказание своим адъютантам принять необходимые меры и сказал, что сам поедет в казармы на блюсти за порядком в войсках.

Арсению поручено было передать разные распоряжения командирам стоявших в городе драгунского и казачьего полков. Очутившись на улице, он с удивлением наблюдал происшедшую в городе перемену.

Когда он поутру шёл на службу, город был спокоен наружно, по крайней мере; теперь он кипел, всё население было на ногах, по улицам сновал беспокойный люд, раздававший прокламации, украшавший петлицы красными тряпками и разносивший необыкновенные новости, одна другой невероятнее.

Арсений пробирался сквозь толпу мрачный и злой. На каждом шагу задевалось его национальное чувство и достоинство. Давка на перекрёстке улиц надолго задержала его.

На тумбе стоял оборванный жид и громким, визгливым голосом читал прокламацию, изливавшую площадную ругань на армию, правительство и особенно на Государя.

Задыхаясь от бессильной злобы, князь стал пролагать себе дорогу, стараясь не обращать внимания на сыпавшиеся на него оскорбления и даже на наглость еврейской девицы, плюнувшей ему в спину.

Исполнив последнее из данных ему поручений, Арсений думал вернуться домой, чтобы переговорить с отцом, но на повороте одной из улиц его опять задержала многолюдная толпа, бежавшая навстречу и чуть было не сбившая его с ног. Не было видно ни красных знамен, ни оружия, но возбуждённые лица пылали негодованием. Толпа была чисто русская, состояла из разной бедноты, крестьян, рабочих, мелких ремесленников и разносчиков. -

Бежавший впереди рослый лавочник, в фартуке, громко кричал:

- Сбирайтесь, православные! Надоть от жидов отбиваться. Губернатор им Рассею продал.

Арсения поразило, как громом, и он схватил этого человека за передник.

- Как ты смеешь врать, болван, будто губернатор Россию продаёт!

- Прежде чем ругаться то, господин ахфицер, поглядели бы, что делается только. Сейчас вот мы повстречали нашего губернатора с поганой бунтовщицкой жидовской оравой и с красными лентами. Это они, вишь, идут освободить из острога тех самых мерзавцев, которые намердны в крестный ход бомбы кидали, в иконы стреляли и женщин с детьми побили. Разрази меня Господь, коли ты не изменщик, который этакое бесчинство покрывает, да присягу Царю позабыл! - свирепо кричал схваченный Арсением лавочник. Отстранив князя, он побежал дальше, а за ним ринулась и остальная толпа.

У Арсения закружилась голова, и он прислонился к фонарному столбу. Его отец во

главе шайки революционеров и под тенью красного помела идёт в тюрьму лично освобождать заведомых убийц и злодеев?!.. Невозможно!.. А между тем действительно произошло, кажется, что-то странное.

Первою сознательною мыслью его было спешить домой, узнать, что случилось и в безопасности ли Нина с детьми? Чуть не бегом направился князь к губернаторскому дому, силой пролагая себе дорогу и не обращая уже внимания на то, что происходило кругом.

Ему сразу бросились в глаза опрокинутая решетка, истоптанный сад и разбитые окна. Главный подъезд был заперт, но Арсений обошёл с переулка к маленькому подъезду. Стучать и звонить пришлось долго, пока, наконец, бледный и расстроенный Прокофий не открыл ему дверь.

- Правда ли, что отец ушёл в тюрьму с бунтовщиками? - сердито спросил Арсений.

- Да... да, - грустно ответил верный Прокофий и рассказал, что произошло. - Как его сиятельство изволили уйти, привалила новая

шайка, орала тут и бросала камнями, а затем увела с собой вице-губернатора и правителя канцелярии. В то же время, с другой стороны дома, разорвало бомбу, которая стену повредила. Прислуга же вся разбежалась, до одного человека.

- А где же Нина и дети? - перебил его встревоженный Арсений.

- Дети наверху с гувернантками, а княжна не изволила ещё возвращаться из склада.

- Ах, Боже мой! Надо бежать за сестрой, чтобы с ней не случилось какой-нибудь беды в этой суматохе!

- Извольте обождать, Арсений Георгиевич. У нас в доме что-то недоброе происходит. Василиса сказывала, что, как только князь ушли, немедля какой-то жид объявился к Зинаиде Моисеевне, и теперь они, значит, оба в спальней бесчинствуют, - взволнованно докладывал старик.

- Пойду взглянуть, что там творится, - сказал Арсений и, в сопровождении Прокофия, пошёл на половину отца.

В гардеробной, рядом со спальней, их встретила Василиса. Старуха была в сильном волнении, и зубы её стучали, как в лихорадке. Увидав молодого князя, она бросилась к нему и схватила его за руку.

- Господи, Боже мой, что они там делают, - упавшим голосом прошептала она.

Арсений неслышно подошёл к двери и через щель опущенных портьер оглядел соседнюю комнату. Прямо, против него, развалился в кресле, сидела мачеха и хохотала во всё горло, а какой-то щеголевато одетый господин, резкого еврейского типа, стоял к нему спиной и что-то делал; но чем он был занят, Арсений разглядеть не мог.

- Не торопитесь, Коган, делайте всё по порядку, - ехидно сказала в эту минуту Зинаида Моисеевна. - Дражайший князенька, если вообще и вернётся со своей «освободительной» прогулки, то не так-то скоро...

- Ах, да! Я слышал от Апельзафта, что он осужден комитетом на смерть.

- Именно. Да и прекрасная Ninon уже более не опасна. Теперь - три часа, и она стала госпожой Аронштейн. Ха-ха- ха! Воображаю изумление семьи. Старая обезьяна, которая подохла со злости из-за женитьбы князя на мне, может теперь грызть траву на своей могиле.

- Да, Енох выкинул прямо гениальную штуку с этой свадьбой. Но как он не боится, что барышня подымет скандал впоследствии?

- Это безопасно вполне. Жизнь Арсения служит порукой её молчания; а я ещё добавлю, что она нас обманула и, по страстной любви к Еноху, венчалась тайно, ввиду того, что отец никогда не согласился бы на подобный брак. Пусть-ка она докажет, что без задней мысли поехала сегодня в свой склад, помещающийся как раз в коммерческом училище, и что мы воспользовались сумятицей и потащили её тут же в церковь, где всё было готово для венчания. Ха-ха-ха! И княгиня покатила со смеху.

Арсений пошатнулся, прислонился к дверному косяку и замер; гнев и отчаянье душили его. Тяжело было то, что он только что слышал. Отец приговорён к смерти, а сестра попала в ловко

расставленную западню. Бедная Нина! Арсений сжал кулаки, и его минутное оцепенение сменилось приливом бешеной ярости. Откинув портьеру, он влетел в комнату и остановился как вкопанный. Он увидал, что большой образ Божией Матери, в золотой, осыпанной камнями ризе, был снят и поставлен на стул. Более трехсот лет эта святыня находилась в семье. Сверкавшие в венце бриллианты и изумруды и застёжка с громадным рубином, обделанным жемчугом, представляли громадную ценность. Нагнувшись над образом, еврей перочинным ножом выковыривал камни и собирал их в стоявшую рядом полоскательную чашку. В ту минуту, как влетел Арсений, он кинул в чашку последнюю жемчужину и отпихнул ногой образ.

- Ну вот, идол освобожден от украшений. Будем пашматреть, станут ли они его так горячо почитать без убора.

На Арсения, набожного и верующего, подобное святотатство произвело ужасающее впечатление. Кровь бросилась ему в голову, в глазах заходили кровавые круги, и он выхватил

из кармана револьвер. В эту минуту его заметила Зинаида Моисеевна. Увидя искажённое злобой до неузнаваемости лицо Арсения, налитые кровью глаза и поднятое в руке оружие, она закричала и вскочила на ноги. Но было поздно. Прогремел выстрел, и Коган развёл руками и ничком повалился на ковёр, не вскрикнув.

- Как ты смеешь, убийца!..

Княгиня яростно набросилась на него; но почти в ту же минуту мертвенно побледнела и попятилась. Никогда ещё до сих пор не видала она такого взгляда в глазах Арсения.

- Гадина!.. Змея, пригретая под нашим кровом!

- Сказывай, что вы сделали с Ниной? - прошипел он, схватывая и чуть не ломая руки мачехи. Княгиня вскрикнула и старалась от него вырваться.

- Сумасшедший!.. Оставь меня! Теперь Нина - законная жена Аронштейна, и вся ваша злоба, гойи проклятые, ровно ничего не изменит... А ты, убийца, спасайся, если не хочешь кончить жизнь на виселице.

Но она не рассчитала силу неосторожно вырвавшегося у неё слова, особенно при том настроении, в котором находился Арсений; а тот действительно обезумел, ослепленный отчаянием и яростью.

- Тем лучше, коли я умру; а сперва сдохни ты, горе и позор нашей семьи. Своей смертью я освобожу своих, - с пеной у рта заревел он. И, отшвырнув револьвер, он обеими руками схватил мачеху за горло. Зинаида отчаянно отбивалась, но силы Арсения словно удвоились, и пальцы его, как клещами, давили её горло. Кровавый туман застилал ему глаза, и он не видел искажённого судорогой лица умиравшей еврейки. Лишь когда прервались последние хрипы и члены её безжизненно вытянулись, он выпустил её из рук и как бы равнодушно глядел на посиневшее лицо валявшегося у его ног трупа.

Прокофий с Василисой онемели от ужаса, глядя на эту сцену. Но заметив, что князь пошатнулся, старик бросился поддержать его и усадил на ближайшее кресло, затем он намочил полотенце и обтёр ему лицо. Арсений же ничего

как будто не видел, не слышал и неподвижно лежал, откинув голову на спинку кресла.

- Господи, помилуй и помози! Пресвятая Владычица, не остави нас грешных, - шептала Василиса.

Она бросилась запирать все выходы, а затем вернулась в спальню.

- Что сделать-то теперь, Прокофьюшка, чтобы никто не подумал, что он её прикончил, - шепнула она, схватывая за руку камердинера.

- Верно, ты говоришь. Следует сей же час что сделать, пока князюшка в себя не пришёл, - решительно ответил Прокофий и задумался.

- А вот что. Первое дело, надо убрать жидовку-то, - сказал он затем. - Мы её сволокём по коридору, через ванную в гардеробную, а оттуда спустим тело в сад, который истоптали да исковеркали хулиганы. А опосля того, я сойду и оттащу её ещё дальше. Давай живей её шляпу и манто; вот они на диване лежат.

Говоря так, он стащил с пальцев покойной кольца, браслеты с рук и серьги из ушей. Затем они с Василисой надели шляпу с накидкой и

сволокли труп в уборную, откуда опустили его на веревке в сад, а сбежавший вниз Прокофий оттащил тело дальше и бросил в густой кустарник.

Обливаясь потом и запыхавшись, прибежал Прокофий в ванную комнату, где ждала его Василиса.

- Готово... Пусть-ка сыщут, кто её удавил и ограбил. Два кольца с браслетом я в саду разбросал, а остальное в водосточную трубу спустил. А теперь пойдём, может, Арсений Георгиевич в себя пришёл. Тоже надо умом пораскинуть, что нам с той жидовской падалью делать...

- А я так смекаю, что нам и делать ничего не надо, - сказала Василиса. - Пущай себе там валяется этот святотатец. Князь вполне в своём праве был его пристрелить. Ножик в руке, содранная риза, выковырянные алмазы и жемчуга - улики самые подлинные. Окромя того и мы свидетели.

Вернувшись в спальню, они нашли Арсения в том же положении, как его оставили.

- Чуть было не запамятовала я, что княгиня-то с жидовином этим порешили на «черносотенцев» всё свалить, будто это те здесь грабили в отместку за то, что князь пошёл, значит, каторжников освобождать. Гляди, это они стекла разбили, окно отворили, занавески посрывали, а под окном раскидали туалетные принадлежности, вон - серебряная щётка головная валяется. Экие прохвосты, прости господи, - ворчала глубоко возмущённая Василиса.

Прокофий давал Арсению нюхать нашатырный спирт, а Василиса обтирала ему лицо водой с одеколоном. Наконец, он вздрогнул и выпрямился.

Миновавшее возбуждение сменилось отчаянием. С ненавистью и отвращением посмотрел он на труп и затем нерешительно обвёл комнату взглядом.

- Где она, подлая? - прошептал он, вздрагивая.

- На бойтесь и не тревожьте себя, ваше сиятельство, из-за этой ведьмы. Знать, Господь

вашей рукой покарал её за злодейство, - утешал Прокофий.

И он рассказал, что они сделали с Василисой для придания иного вида смерти Зинаиды Моисеевны.

Арсений провёл рукой по влажному лбу, а потом обнял и расцеловал их обоих.

- Теперь надо подумать о папе и несчастной Нине. Может быть, Господь даст мне освободить сестру.

К нему постепенно возвращалась энергия, а ненависть его к Зинаиде вселяла дикое удовлетворение за то, что он убил это чудовище, которое унизило его в собственных глазах. Вместе с вернувшимися силами воспрянула бодрость духа и жажда деятельности.

Пройдя в кабинет отца, он написал Алябьеву письмо, в котором извещал его о гнусной западне, в какую попала Нина, и обещал свою помощь, чтобы освободить сестру.

Самым трудным было найти кого-нибудь, чтобы отнести письмо и, особенно, поскорее вручить его, если Алябьева не было дома.

Пораздумав, Арсений решил послать своего денщика, - молодого и очень преданного ему солдата, а тот находился у него на отдельной квартире, куда он переехал, чтобы не жить у отца и быть подальше от мачехи.

Запечатав и надписав письмо, Арсений вышел из отцовского дома, решив, что, как только отправит письмо, будет разыскивать отца; а когда тот вернётся к себе здоровым и невредимым, он отправится к Аронштейну требовать у него объяснений и с твёрдым намерением убить его для спасения сестры, хотя бы пришлось, потом самому застрелиться. Счастливый случай ему как будто благоприятствовал.

Неподалеку от дома он встретил лакея Алябьева; которого тот, беспокоясь о Нине, послал в губернаторский дом узнать, всё ли там благополучно и в безопасности ли семья князя. От него Арсений узнал, что Кирилл Павлович бросился разыскивать князя, про которого распространили слух, что он убит, а не то смертельно ранен одним из каторжников, освобожденных бунтарями.

Вторая новость, также сообщенная лакеем, настолько ошеломила князя, что подавила даже в нём мучительную тревогу об отце. Заикаясь от волнения, человек Алябьева рассказывал, что, будучи задержан на площади городской думы несметным скоплением народа, он видел на балконе здания, как банкир Аронштейн держал речь к народу, понося Царя, правительство и т. д. Мало того, частью из речи, частью из народного говора, он узнал, что Государь свергнут с престола, провозглашена республика и президентом избран Аронштейн, а окружавшие жида были его соправители.

Оправившись от волнения, Арсений приказал слуге отыскать, во что бы то ни стало, своего барина и передать ему письмо, а сам решил бежать по направлению к тюрьме, чтобы узнать, прежде всего, что случилось с отцом.

В нём всё дрожало и кипело, при виде полного бездействия властей. Рассеянные тут и там полицейские были, понятно, бессильны что-либо сделать, а из громких разговоров прохожих можно было понять, что войска взбунтовались и перешли на сторону мятежников.

Невыразимое чувство горечи и отчаяния сжимало сердце Арсения, пока он проворно шёл к тюрьме. Но, завернув за угол и выйдя на тюремный проспект, он был остановлен шедшей навстречу плотной, шумной толпой, певшей марсельезу и горланившей:

- Да здравствует республика!..

Сознавая невозможность идти против течения надвигавшегося скопища, Арсений поднялся на ступени ближайшего подъезда и прислонился спиной к запертой двери, чтобы обождать, пока минует эта людская лавина.

Со своей высоты он мог рассмотреть, что шла процессия, воплощавшая собою безумие общей вакханалии этих дней и служившая иллюстрацией наглости еврейства, возомнившего себя на высоте власти и уверенного в своей безнаказанности.

Во главе шли школьники и школьницы, неся в руках красные флаги, затем студенты-евреи и «курсучки», как прозвал народ слушательниц высших курсов; несли куклу без головы, а подпись на груди чучела гласила, что это -

«обезглавленное самодержавие». Далее, верхом на лошади ехал рыжий Яффе, держа высоко знамя со словами «свобода, равенство и братство!», а в нескольких шагах перед ним два жидёнка вели на верёвке собаку, на голове которой была корона, а под хвостом национальное трехцветное знамя.

Перед этим наглым издевательством прохожие обнажали головы, а кто не делал это добровольно, с того сшибали шапки и заставляли становиться на колени.

Тяжело дыша, глядел Арсений на гнусное зрелище, оскорблявшее и топтавшее в грязь всё, что он любил и свято чтит: Царя, Родину и Национальное достоинство. Сильный удар, сбивший с него фуражку, вывел его из оцепенения, и он увидал подле молодую еврейку с вызывающим видом, дерзко крикнувшую ему:

- Разве не видите, что проходит символ освобождения народа от вековой тирании, которому вы, как истинный гражданин, обязаны оказывать подобающее уважение!

Кровь бросилась ему в голову. Оттолкнув с силой «освободительницу», так что она с криком повалилась навзничь, Арсений выхватил из кармана револьвер и выстрелил в Яффе, который выронил знамя и, обливаясь кровью, повалился с лошади.

На мгновение толпа застыла в изумлении; затем поднялся невообразимый гам, раздались со всех сторон выстрелы и, пораженный в грудь, Арсений упал на ступени крыльца.

Трудно сказать, чем бы всё это кончилось. Очень может быть, что тело князя было бы разорвано, но в эту минуту в начале улицы показалась шедшая на рысях сотня казаков, и трусливая толпа кинулась наутёк, врассыпную.

Глава 14

Вскоре после ухода Арсения из дома отца, туда привезли раненого Георгия Никитича. Увлечённый толпой к зданию тюрьмы, он явился бессильным свидетелем освобождения преступников, которому его именно присутствие придавало законную санкцию. Настроенная

речами «освобожденных» и «освободителей», бунтовавшая толпа повела затем губернатора к другой тюрьме; в то же время, иная ватага, под предводительством архи либеральных профессоров, адвокатов и врачей, в большинстве евреев, носилась по полицейским участкам, выпуская задержанных мазуриков, громил и убийц.

Сгорая от стыда, князь пытался, в отчаянии, скрыться от этого сброда под прикрытия попавшейся навстречу воинской команды. Но, в это время, с крыш и из окон домов посыпался град выстрелов, а в губернатора была брошена даже бомба. Князь отделался контузией головы и ноги; а так как он упал без сознания, обливаясь кровью, то озверелая еврейская шайка сочла его мёртвым и не препятствовала его уносу домой.

Рассеянные паникой слуги мало-помалу возвращались в дом и, когда доставили раненого, все стали искать княгиню. При этом обнаружена была ограбленная спальня, обобранная икона и мёртвое тело еврея.

Прокофий, представившийся удивлённым и пораженным, занялся только князем. Он

распорядился отнести раненого в другое помещение, запер двери до особого распоряжения и сделал ему предварительную перевязку.

Вернёмся теперь к Нине.

Пришла она в себя, когда карета остановилась перед домом Аронштейна. Енох высадил её из экипажа и предложил ей руку; но она словно не заметила его и молча стала подниматься по роскошно убранной цветущими розами и померанцами лестнице, по обе стороны которой выстроились мелкие служащие банкирского дома. В приёмной их ждали высшие служащие банка и ещё какие-то господа, которых Нина не знала, тут же стоял и Лейзер Итцельзон, с сиявшей улыбкой на лице.

Мертвенно-бледная Нина шла молча, не отвечая на отвешиваемые поклоны, расточаемые поздравления и пожелания. Одинаково она не слышала, казалось, что Аронштейн представлял присутствующих своей жене. Наконец, подошёл Лейзер, и Енох сказал:

- Ваш кузен, дорогая Нина, тоже приносит свои поздравления. Вам, наверно, будет приятно видеть близкого человека среди чужих.

Нина словно очнулась, вздрогнула и смерила этого «кузена» и «близкого человека» таким взглядом глубочайшего презрения, что тот сразу смешался. Но это смущение длилось всего мгновение, а затем Лейзер заговорил, хотя и с напускной, видимо, развязностью:

- Лили в отчаянии, что страшная мигрень помешала ей быть здесь со мной, но вполне присоединяется к моим поздравлениям. Позвольте добавить, дорогая кузина, что я невыразимо счастлив приветствовать вас, как супругу Евгения Даниловича. Во-первых, это было для меня приятным сюрпризом; а во-вторых, - наглядным доказательством, что с каждым днём тают неосновательные предрассудки, которые причиняют в жизни столько разногласий и горя, - добавил он, потирая руки.

После представления всех, один из присутствующих подошёл к Аронштейну, и они перекинулись несколькими словами, но

шёпотом, после чего все прошли в японскую гостиную. Нина не села, а опёрлась на кресло.

- Я не двинусь с места, пока сюда не явится мой отец и не решит мою участь, - с дрожью в голосе сказала она.

На лице нового Евгения Даниловича мелькнула презрительная усмешка.

- Напрасно вы так настойчивы, дорогая Нина. Вы забываете, что вашему отцу уже решать больше нечего. Только я, ваш законный супруг, один имею право давать вам приказания. Наконец, для нашей интимной беседы мы выберем как-нибудь вечерок, когда будем совсем одни; а пока я ограничусь следующим объяснением. С нынешнего утра мы живём под новым режимом - республикой, коей я выбран президентом, а господа, которых я вам представил, это - всё новые сановники. Что же касается вашего отца, то отныне он - простой гражданин, как и все прочие. Но вы сами понимаете, какой опасности подвергается высший представитель свергнутого режима, и потому не благоразумно...

- Вы, может быть, убили его уже? - с трепетом перебила его Нина. - Нет такой подлости, на которую вы не были бы способны.

- Вашу удивительную дерзость я извиняю вашим волнением; но об этом - после. А теперь, к моему величайшему сожалению, я вынужден вас покинуть на короткое время. Обязанности, связанные с моим новым положением, требуют моего непременно присутствия в Думе для организации нового правительства и принятия некоторых неотложных мер. Вы можете удалиться пока в свои покои, а по моему возвращению мы отобедаем в обществе нескольких друзей, которых я пригласил отпраздновать с нами нашу свадьбу.

- Я уже сказала, кажется, вам, что не уйду отсюда, пока не увижу моего отца.

- Будь по-вашему, оставайтесь здесь, моя взбалмошная супруга. Он повернулся и вышел, а остальное общество ещё раньше перешло, из деликатности, в другую комнату. Но Аронштейн тотчас же вернулся с двумя, вооружёнными браунингами, молодыми евреями, которых и поставил у дверей.

- Сегодня день беспорядков, а потому возможно, что реакционеры рискнут произвести нападение на мой дом. Вот эти господа и побудут здесь до моего возвращения, чтобы обезопасить вас, - сказал он.

Не получив ответа, он вышел, а Нина упала в кресло. На обоих стороживших её иудеев она не обращала внимания.

Только теперь, успокоившись отчасти, она обдумала происшедшее с его последствиями и, в безумном отчаянии, опустила голову на руки. Как этот негодяй ловко рассчитал, что у неё не хватит мужества видеть убийство отца. Да и спасла ли ещё она князя своим самопожертвованием? Быть может, он уже убит? Зачем он им, когда она уже связана? Но жив ли её отец или нет, а Енох ошибся в расчётах. Она сегодня же умрёт. Смерть в тысячу раз лучше, чем принадлежать этому отвратительному, внушавшему ей ужас и гадливость человеку, который глумился над всяким людским чувством и разбил её будущее счастье.

С щемящей болью в сердце думала она о женихе. Кирилл Павлович не станет молчать,

конечно; он попытается освободить её, но евреи его убьют, чтобы от него отделаться.

Время летело, пока эти размышления, планы и решения толпились в её голове. Она не двигалась и неподвижно сидела в кресле.

Прошло более двух часов, пока, наконец, явился Аронштейн. Он был взволнован и озабочен.

- Пойдёмте. Сейчас подают обед, - сказал он.

- Где мой отец? Известили ли его, где я нахожусь? - не трогаясь с места, сказала Нина.

- Ваш отец возвратился домой и непременно будет здесь. Но дайте же ему хоть отдохнуть немножко после взволновавшей его, несомненно, прогулки.

И он презрительно ухмыльнулся.

- Впрочем, - продолжал он, - его приезд не может изменить совершившегося факта. Наш брак - законен, ваши бумаги в полном порядке, вы расписались сами в книге, а жизнь ваших близких служит мне ручательством, что вы подтвердите в присутствии князя добровольное

согласие стать моей женой. Теперь, прошу вас идти без скандала, момент для ломаний совсем не подходящий, - закончил он, хмуря брови и заставляя её встать.

Нина признавала своё бессилие и понимала, что рискует нарваться на оскорбление; кроме того, она рассчитывала припрятать нож во время обеда. Поэтому она беспрекословно встала и вышла вслед за Аронштейном в залитую светом столовую.

Накрытый человек на двадцать стол ломился под тяжестью массивного серебра и драгоценного хрусталя; вся скатерть была усеяна ветками роз и померанцев. На длинном столе, поодаль, была поставлена закуска, около которой столпились гости, состоявшие главным образом из членов «нового правительства», нескольких адвокатов, врачей и двух профессоров.

Шёл громкий разговор, и адвокат Гольдштейн рассказывал, что процессия рабочих с революционными песнями обходит город.

- С красными знаменами и полицией во главе,
- со смехом закончил рассказчик.

- Прекрасно, прекрасно, - заметил один из профессоров. - Но мне упоминали про другую процессию, черносотенную, - с трёхцветными тряпками. Говорят даже, что толпа довольно многочисленна и состоит из прибывших на базар и оставшихся в городе мужиков, чернорабочих и всякой иной швали. Всё это крайне «патриотически» настроено и возбуждено, по милости какого-то отставного изувеченного солдата и приказчика из мясной лавки, мечущих гром и молнии против освободителей и, разумеется, главным образом, против несчастных евреев, этих вечных козлов отпущения и жертв провокаций сверженного правительства.

- Мне уже докладывали об этой процессии и о тех негодях, которые стараются возбудить народ против нас и правительства. Я даже послал за Боявским, чтобы отдать ему на этот счёт надлежащие приказания, - сказал Аронштейн.

В эту минуту в дверях показался полицеймейстер. С медвяной улыбкой на лице и угодливо изогнув спину, торопливыми шажками спешил он к Аронштейну и отвесил глубокий

поклон. Невыразимое отвращение поднялось в душе Нины при виде этого предателя, с собачьей угодливостью пресмыкавшегося перед шайкой нагло торжествующих убийц.

Всего разговора она не могла расслышать, потому что говорили они тихо; тем не менее, до её слуха всё-таки долетели милостивые слова нового президента республики:

- Я сохранил за вами место, Боявский, но возлагаю на вас ответственность, если черносотенная шайка учинит в городе беспорядок. Тотчас же схватите негодяев-подстрекателей и повесьте их на первом фонаре. Предупредите также начальников войсковых частей, чтобы разогнали грабителей кавалерией. А горожанам, которым будет грозить опасность, я даю разрешение защищаться с оружием в руках.

Ответ полицеймейстера Нина недослышала, потому что тот заговорил шёпотом, кинув в её сторону многозначительный взгляд. Затем он подошёл к ней с поклоном и пробормотал поздравление, но Нина отвернулась, сделав вид,

что его не видит, и смущённый Боявский поспешно ретировался.

- Ваше поведение выходит из границ дозволенного, и моё терпение начинает истощаться, - прошипел Аронштейн на ухо Нине, когда они садились потом за стол.

Едва были убраны со стола суп и пирожки, которым присутствовавшие, исключая Нину, отдали должную честь, как с улицы донёсся гул, сперва глухой, а затем становившийся всё громче. По всей вероятности то двигалась и гудела, как море, огромная толпа народа.

- Должно быть, это идёт процессия приветствовать нашего президента, - радостно заметил кто-то из гостей.

Но в этот миг слышалось пение тысячеголосого, стройного и величественного хора, и отчетливо донеслись слова гимна:

...Царствуй на страх врагам, Царь православный!..

- Проклятые, - завопили несколько сидевших за столом и, повскакав с мест, бросились на балкон.

Большинство гостей последовало за ними, а некоторые из наиболее наглых и горячих стали стрелять в процессию. В толпе оказались раненые, и одна из пуль пробила портрет Государя, несомый впереди крестьянами.

Произошло замешательство, и улица вмиг оказалась запруженной народом. Из толпы раздались крики:

- Смерть жидам!.. Предатели!.. От этих кровопийц, хриstopродавцев и стреляли в нас!..

И, вслед за сим, огромный пущенный с улицы камень влетал в окно, повредив люстру, и ударился в хрустальную вазу, которую и разбил вдребезги, так что осколки дождём разлетелись во все стороны. Но этот треск заглушен был яростным рёвом толпы, которая бомбардировала камнями окна по фасаду и ринулась на дом, а шум и крики штурмовавших слышны были уже на лестнице.

При столь неожиданной перемене декорации, неустрашимые стрелки в народ убежали с балкона в столовую и метались во все стороны, ища выхода. В этой суматохе сам Аронштейн

был затолкан и оттёрт от жены своими храбрыми приятелями, а Нина воспользовалась замешательством и тоже убежала в смежную комнату, оказавшуюся библиотекой.

Все стены были уставлены высокими резными шкафами, и Нина забилась между одним из шкафов и изразцовой печью. Сняв с шеи образок Николая Чудотворца, доставшийся ей ещё от бабушки, она прижала его к устам, моля о покровительстве и защите. И великий угодник Божий внял как будто её мольбе и оградил её своей рукой. В библиотеке было пусто, и нападавшие, которые вели ожесточённый бой в соседних комнатах, про неё забыли словно.

Сначала Нина слышала страшный шум вперемешку с выстрелами и пронзительными криками; потом раздался звон разбиваемой посуды, а затем уже издали, как будто с улицы, стал доноситься глухой грохот. Это должно быть разбивали и кидали в окна мебель и обстановку.

Наконец, после некоторого времени, казавшегося Нине вечностью, шум в доме стал, как будто стихать, слышались снова выстрелы и топот лошадей, а затем всё стихло.

Нина решила, что настала удобная минута попытаться бежать и добраться до дому, как вдруг услышала тревожные оклики:

- Нина!.. Нина!

- Сюда! Я здесь, - крикнула она в ответ, узнав голос Алябьева. И минуту спустя он вбежал в комнату, а Нина с рыданиями бросилась в его объятия.

- Спасите!.. Освободите меня! Не то я умру, а не буду принадлежать этому чудовищу, заманившему меня в подлую западню.

- Так это правда? Но об этом после, а теперь надо, прежде всего, выбраться отсюда, где страшный разгром и всё завалено трупами; я чуть было не споткнулся об одного, когда бежал сюда. А где же эта паршивая собака, Аронштейн?

- В ту минуту, как толпа ворвалась сюда, я спряталась и положительно не знаю, куда он девался.

Разглядев в сумерках электрический провод, Кирилл Павлович сыскал кнопку, и комната

озарилась ярким светом. В самых дверях лежало человеческое тело.

- Это он - крикнула Нина, прижимаясь к жениху. Действительно, в луже крови лежал распростёртый Аронштейн. Видел ли он, что Нина скрылась в библиотеку или его безотчётно влекла сюда страсть, но кончина его сопровождалась, видимо, борьбой. Платье на нём было в лохмотьях, галстук сорван и на груди виднелась громадная рана, а кровь залила рубашку и ковер.

- Он мёртв. Судьба смиростивилась над вами, дорогая, и разрубила вопрос. Вы - свободны!

- Слава тебе. Господи, - прошептала она с облегчением, закрывая глаза и отворачиваясь. Но вдруг она вздрогнула.

- Послушайте, а папа жив? Боже мой! При всех этих ужасах, я даже забыла спросить вас про него.

- Князь у себя, и я его видел. У него контужена голова и ранена нога, но жизнь, к счастью, вне опасности. А вот у меня другая грустная весть для вас, бедная Нина... ранен Арсений и

настолько опасно, что почти нет надежды его спасти...

Видя, что она зашаталась и зарыдала, Алябьев нежно обнял её и поцеловал.

- Мужайтесь, милая! Что бы ни случилось, нам остаётся благодарить Бога... А теперь идём домой, у меня и экипаж готов в соседней улице. Ваш отец очень о вас беспокоится. Только как же вы поедете без верхнего платья? Пойдите, я схожу и поищу что-нибудь.

- Нет, нет! Я ни за что не хочу оставаться здесь с трупом, - сказала Нина, схватывая его за руку.

Занятые разговором, никто из них не заметил, что Енох зашевелился, а затем, уцепившись за плюшевую портьеру, приподнялся и сел. Выпучив глаза, он пристально смотрел на них, а по лицу его разлилось дьявольское бешенство и ненависть; но Енох молчал, потому что судорога сдавила горло, и он не был в состоянии произнести ни звука. В умиравшем теле жили ещё дикая страсть и упорная воля, воодушевлявшая его. Подавив жестокую боль, раздиравшую его грудь при малейшем

движении, Енох медленно, как змея пополз к резному шкафчику и с усилием нажал скрытую пружину, открывавшую дверцу. Внутри хранилось с десятков бомб разной величины, и он коченевшей, окровавленной рукой уже силился достать хоть одну, чтобы швырнуть, а не то докатить её до влюблённых. Но в эту минуту Нина заметила движение Аронштейна и по его злобному, ненавистному, устремленному на них взгляду догадалась о его намерении.

- Смотрите, - успела она испуганно крикнуть. Алябьев мгновенно обернулся, выхватил револьвер и выстрелил. Аронштейн покачнулся и шлёпнулся на пол. Ещё секунда, и он привёл бы в исполнение свой дьявольский умысел... Кирилл Павлович дышал с трудом и был бледен. Подойдя к труп, он нагнулся и тщательно осмотрел тело.

- На этот раз расчёт с ним действительно кончен, - сказал он, отирая лоб. - А теперь надо скорее ехать; здесь на каждом шагу сторожит смерть. Чёрт их знает, какой тут ещё припасён у них арсенал. Необходимо дать знать полиции,

чтобы во избежание взрыва поставили часовых, оцепили дом и произвели, обыск.

И они поспешно пошли к выходу через залы, всего за несколько часов перед тем блестяще и роскошно убранные.

Громадные разбитые зеркала, сорванные люстры и драпировки, растоптанные безделушки и осколки посуды свидетельствовали о пронесшейся буре гнева народного. Японская гостиная была совершенно разгромлена и пуста; а под окнами, на улице, валялись обломки драгоценных ваз, лакированной, роскошно инкрустированной мебели, вперемежку с исковерканными остатками рояля, изодранными клочьями белья и распоротыми подушками.

В прихожей, в низу лестницы, тоже были трупы, из которых несколько принадлежало «погромщикам», - мужикам и рабочим, - а среди них, у самых дверей, лежал на спине какой-то щеголеватый господин с лицом в крови.

Алябьев поглядел на него и отшатнулся.

- Боже мой! Да никак это - Итцельзон?

- Ну, если он действительно убит, то несчастная Лили, значит, тоже свободна, - ответила Нина. Кирилл Павлович ещё раз нагнулся над трупом и осмотрел его.

- Его камнем хватили по голове, но запекшаяся кровь не позволяет разглядеть рану. Судя по тому, что тело окоченело, можно предположить, что смерть была мгновенною, - проговорил он и повёл Нину к выходу.

На улице ему пришлось на руках перенести невесту через валявшиеся обломки и кучи мусору, а затем они добежали до экипажа Алябьева и полетели в губернаторский дом.

Глава 15

В доме князя царило смятение и горе. Доставлены были два покойника: тело Арсения, принесённое солдатами, и позже труп Зинаиды. Кто-то из прислуги, проходя по фруктовому саду, увидал мёртвую княгиню и поднял на ноги дом. Приехавший навестить князя фон Зааль и врач, перевязывавший Георгия Никитича, всё ещё не приходившего в сознание, отправились на

место происшествия и, в присутствии полиции, составили протокол. Но установить удалось лишь, что княгиня задушена и ограблена. Вице-губернатор нашёл недалеко от трупa браслет, а прислуга - кольцо, потерянное, очевидно, грабителями. Других следов преступления открыто не было, и тело перенесено было в будуар, так как из спальни не был ещё убран труп убитого еврея, а ввиду громадной стоимости награбленных с иконы и лежавших в чашке драгоценностей комнату заперли.

Когда очнулся князь, доктор со всевозможными предосторожностями сообщил ему о смерти старшего сына и княгини. Кончина Арсения была страшным ударом для отца. Заливаясь горькими слезами, он пожелал тотчас же видеть тело убитого, против чего восстал доктор; тогда Георгий Никитич просил позвать ему Нину и пришёл в ужас, узнав, что княжна ещё не возвращалась. Князь собирался уже дать знать в ближайший полицейский участок о розыске дочери, но тут явился взволнованный Боявский с докладом, что в городе идёт погром и что «реакционеры», взбунтованные

«провокаторами», избивают «несчастных» евреев, грабят их дома и имущество. На просьбу князя отыскать дочь Боявский сообщил, что княжна сегодня обвенчалась с Аронштейном и, разумеется, находится у мужа; но ввиду того, что народ громит, по слухам, дом банкира, он не может ручаться за участь Нины Георгиевны. Конца этой речи князь не дождался.

Услыхав, что Нина вышла за Аронштейна, он вторично потерял сознание; а Боявский очень довольный, что отвязался от него, отправился совещаться с фон Заалем, как лучше всего образумить «подлых патриотов».

В жару, мучимый неизвестностью и отчаянием о судьбе дочери, князь беспокойно ворочался на постели, как вдруг Нина, в сопровождении Алябьева, влетела в комнату и упала на колени у кровати отца.

- Бедное дитя моё, что с тобой сделали? Какими подлыми шашнями удалось связать тебя с жидом, - говорил князь, судорожно прижимая к себе дочь. - Я проклят... я погубил своих детей, - глухо застонал он.

- Успокойтесь, Георгий Никитич. Милосердие Божие разрешило вопрос: Аронштейн умер, казнённый правосудием народным, и Нина Георгиевна свободна. А тот дом банкира необходимо оцепить и обшарить, потому что рядом с трупом я видел целый шкаф, набитый бомбами, которые тот не успел пустить в дело.

- Сейчас же напишите от моего имени полковнику Иванову и прикажите произвести строжайший обыск, а протокол представить мне, - распорядился князь.

Присутствие Нины и известие о её вдовстве вдохнуло в него новую жизнь, но временный подъём энергии быстро миновал и сменился усталой тревожной дремотой. Чтобы не беспокоить отца, Нина захотела видеть брата, и скрывать дольше от неё грустную истину уже было нельзя. Долго молилась она и плакала у тела Арсения, всё прислушиваясь, не дышит ли он, так ей трудно было примириться с мыслью, что он действительно умер. Потеря любимого брата была для неё тяжёлым ударом.

Когда она в досталь, так сказать, выплакалась, Кирилл Павлович рассказал ей о смерти убитой

чернью Зинаиды Моисеевны и о находке в спальне княгини трупа еврея, обдиравшего икону Богородицы.

- По милости Божией, отец освобожден от позорного ярма, давившего его и нас.

Уступая просьбам жениха, Нина пошла к себе прилечь и отдохнуть; а Кирилл Павлович сделал распоряжения, чтобы тело Арсения было омыто и одето. Василиса выразила желание читать псалтирь у праха своего любимца до утра, когда её сменят вызванные из монастыря монахини.

Сделав всё, что мог, в деле помощи семье Пронских при столь грустных обстоятельствах, и убедившись, что князь спит, Алябьев решил вернуться домой.

В городе стояла зловещая тишина. Ни одна душа не показывалась на площади, а дома и ворота были наглухо заперты; ни огонька не светило в окнах, и весь город словно вымер.

С револьвером в руке, торопливо шагал Алябьев по тёмным и пустым улицам, как вдруг, проходя вдоль чугунной решётки одного из домов, он остановился. Здесь проживал

Итцельзон. Очень может быть и даже наверняка, его вдова не знала о смерти мужа; поэтому следовало бы её предупредить о случившемся, чтобы она успела прибрать ценные бумаги, если таковые существуют, пока ещё еврейская шайка не кинулась за наследством. Несомненно, Лили имела на них полное право, так как Лейзер растратил всё её приданое. Но как дойти до неё? Дом-особняк отделен был от улицы садом и, хотя калитка оказалась не запертой, все окна были темны. Лишь обойдя дом с другой стороны, Алябьев заметил луч света, пробивавшийся из-за занавески в будуаре. Бросив горсть песку в окно, он крикнул вполголоса по-французски:

- Лидия Антоновна, это я, Алябьев. Если вы тут, откройте.

- Это вы? Слава Богу! Я совсем одна и умираю со страху. Я вам сейчас же отворю дверь.

- Где же ваша прислуга? - спросил Кирилл Павлович, когда очутился в будуаре.

- Я совершенно одна. Муж, как ушёл с утра, так и не возвращался до сих пор; а кухарка с

горничной заявили, что уходят праздновать «швободу», и тоже не вернулись. Вот я и сижу одна, ни жива, ни мертва от страха, - со слезами сказала Лили.

Алябьев рассказал ей всё случившееся за день, начиная с возмутительной, насильственной свадьбы Нины и кончая смертью Арсения, Зинаиды Моисеевны, Еноха и её мужа. Лили молча слушала его, бледная и ошеломленная рассказом. Услышав о смерти мужа, она перекрестилась.

- Может быть, Бог пожалел меня, разлучив с человеком, в сущности, ненавидевшим меня, с которым я связала себя только по глупости.

Алябьев посоветовал заглянуть всё-таки в письменный стол мужа, если у неё имеется ключ.

- Все ценные бумаги и деньги он держал в негораемом шкапу, который стоит в спальне, а ключ всегда носил при себе. Но сегодня утром, получив записку от Аронштейна, он так поспешно одевался, что второпях забыл ключ на ночном столике, и я его припрятала. Я думаю даже, что сумею открыть секретный замок.

После некоторого усилия Лили удалось отворить дверь шкапа, и она при помощи Алябьева осмотрела всё внутри. Но каково же было удивление и радость Лили, когда в потайном отделении она нашла почти все, составлявшие её приданое, процентные бумаги, которые, по словам взявшего их Лейзера, пропали будто при крахе банка Блохера. В особом конверте они нашли ещё крупную сумму и целую переписку, свидетельствовавшую, что деньги эти предназначались на революционную пропаганду.

- Собственно говоря, на эти деньги вы тоже имели бы право. Бундисты делают столько зла, что отобрать у них хоть часть их преступного капитала - всё равно, что у разбойника отнять оружие. Это даже святое дело! - с улыбкой заметил Кирилл Павлович. Но Лили не соглашалась с его доводами,

- Мне отвратительно всё, что касается жидов, - сказала она. - К тому же, исчезновение этих денег может возбудить подозрение; а я возьму только то, что моё.

Заперев шкаф, она попросила Алябьева проводить её к дяде, так как боялась оставаться одна в пустом доме.

Кирилл Павлович исполнил её просьбу и довёл до губернаторского дома, а когда за ней захлопнулась дверь подъезда, он зашагал к себе на квартиру.

Для князя с семьей настало тяжёлое время. Контузия головы чувствовалась не сильно, зато рана в ноге приковала его к постели недели на две, на три. Кроме того, не могло способствовать выздоровлению и нервное возбуждение, вызванное рядом неприятностей.

На следующее утро после страшного дня, Георгий Никитич чувствовал себя лучше, зато душа его болела и особенно мучительна была мысль об Арсении. Увы, мать оказалась права, когда говорила, что с этой еврейкой и её золотом в дом вошло несчастье и поразило его детей горше всякой нищеты.

В течение дня к больному зашла дочь с Лили, и Нина подробно рассказала, по желанию отца, в какую западню она попала.

- Как мне отблагодарить тебя, дитя моё, за такую любовь ко мне. Ты жертвовала для меня больше, чем жизнью, - со слезами на глазах прошептал взволнованный князь.

- Бог милостив и избавил меня от этого ужасного ненавистного ига; да и ты, милый папа, свободен. Будь жив Арсений, мы были бы счастливы, - ответила Нина, вытирая струившиеся по лицу слёзы.

Но вдруг она схватила руку отца и прижала её к губам.

- Не откажи в моей просьбе. Подай в отставку, и уедем из этой злополучной ямы. Твоя жизнь ежечасно подвергается здесь опасности, а сделать ты ничего не можешь; твоё положение среди окружающих тебя врагов - недостойно тебя. Вчера ещё Аронштейн нагло заявлял мне, что ты смещен, что провозглашена республика, и он избран президентом. В этой оргии жидов и бунтарей истинно Русский человек - лишний.

Князь тяжело вздохнул.

- Ты права, дитя моё. Русский стал действительно пасынком своей Родины. Но я

обещаю тебе, что на днях подам прошение об отставке, хотя боюсь, что это не положит конца нашим неприятностям, и в Петербурге мне придется распутываться, если ещё, - он грустно улыбнулся, - меня не предадут суду за то, что я «не предвидел» и не «предотвратил» беспорядков и погрома этих «мирных и славных» евреев. Держу пари, что Зааль и Боявский настрочили громоносные доносы на меня в министерство. Меня, как Русского, никто, понятно, не защитит, равно как и тех несчастных, которые возмутились совершаемыми начальством мерзостями и расправились, наконец, по-своему. Они будут гнить в тюрьмах илидохнуть на каторге, а что именно вызвало их на самосуд и сколько христиан погибло от рук евреев, это никого не касается там, «на верхах».

Заметив испуганный вид дочери, он добавил:

- Не огорчайся, Нинок, уж я себя защищу. Но я не могу не предвидеть, что меня ждут всякого рода подвохи.

Разговор зашёл о Лили, которая пожелала вернуться домой и соблюсти наружное приличие

по поводу смерти мужа, за которого, как бы то ни было, она всё же вышла по доброй воле. Одной Нине сообщила она о находке своего, погибшего будто бы, состояния и вручила на сохранение кузине деньги, твёрдо решив отрицать, что когда-либо заглядывала в заветный шкаф.

День, между тем, был ещё тревожный, и беспорядки в городе продолжались. То тут, то там вспыхивали кровавые схватки, обычно вызываемые евреями.

Насчёт смерти княгини, Аронштейна и Итцельзона по городу ходили самые противоречивые слухи. Следствие же по поводу этих трёх смертей велось, между тем, энергично, а предполагаемые убийцы Еноха и Лейзера хватались и засаживались в тюрьму.

Одновременно арестовывалась масса народа, крестьян и просто рабочих, конечно, всё Русских. Что же касается истинных зачинщиков и убийц из еврейской среды, то их и пальцем не тронули. На этот счёт, власти, - следственная и полицейская, обнаружили до умиления трогательную деликатность, глухоту и слепоту.

Зато кончина княгини и Когана облечена была непроницаемой тайной. Личность убитого еврея была удостоверена его соплеменниками, признавшими его агентом банка Моисея Аронштейна и дальним родственником его семьи. Он был единогласно объявлен образцом добродетелей, цивильных и этических. Хотя ножик в одной руке, зажатая жемчужина в другой и стоявшая рядом ограбленная икона затрудняли оправдание в грабеже, но раз уж он умер, да ещё при столь неудобных обстоятельствах, то дело было замято, и его поторопились схоронить.

С убийством княгини было иначе. Еврейской шайке очень хотелось создать из этого громкое дело и опозорить князя; но, словно нарочно, следствие осталось без результата.

К счастью, приход и уход Арсения никем замечен не был; между тем, губернаторский дом в течение дня был неоднократно осаждаем многолюдной бунтовавшей толпой, а взломанная садовая решётка, разбитые окна и несомненное ограбление некоторых комнат служили красноречивыми доказательствами

происшедших беспорядков. Помимо этого, остались явные следы взрыва, разогнавшего слуг, а те, прячась по чердакам и подвалам, ничего не видели. Пытались было привлечь в качестве обвиняемых Прокофия с Василисой, но они заявили, что по приказу князя всё время были наверху, сторожа детей; а так как обе гувернантки, - французенка и англичанка, показали, что видели часто обоих на детской половине, то обвинение пало. Таким образом, следствие было прекращено, а семье покойной княгини была послана телеграмма с извещением о её кончине; похороны же были отложены до прибытия родных.

Видя, что надежда сделать из этих смертей европейский скандал рушилась, еврейская, а за ней и русская еврействующая печать использовала смерть Еноха с Лейзером и затрубила в иерихонские трубы. В газетах полились бесконечные статьи, на все лады восхвалявшие их достоинства, оплакивавшие безвременную кончину и «подлое» убийство «несравненного певца» и «гениального артиста». На публику посыпались пышные некрологи,

восторженные стихи и всякого рода изъявления живейшего сочувствия, а из разных углов страны потянулись венки. Ну, а если мир не проникся в достаточной мере убеждением, что в лице Лейзера, убитого «гнусными реакционерами и черносотенцами», погиб величайший музыкальный гений нашего времени, то это означало лишь, что люди совершенно утратили представление об «истинном достоинстве».

С не меньшим увлечением воспевались добродетели Еноха, - «гениального финансиста», «щедрого благотворителя», «просвещённого патриота», крестившегося и даже женившегося на русской, из «любви к отечеству».

Подавляющим трагизмом облекалась фатальная судьба этого «выдающегося» человека: его смерть во цвете лет лишила родину одного из лучших, достойнейших и полезнейших её сынов, да ещё в тот самый день, когда «любовь» восторжествовала, наконец, над всеми социальными преградами и предрассудками, на пороге «счастья», и на глазах «обезумевшей от горя» молодой жены...

Так, на все лады с вариациями заливалась услужливая пресса, но зато упорно замалчивался произведённый в доме Аронштейна обыск. А между тем, протокол дал крайне любопытные данные, прекрасно иллюстрировавшие «заслуги» этого образцового гражданина перед Родиной. Помимо набитого бомбами шкапа, у которого Енох испустил свой «добродетельный» дух, в подвалах дома обнаружена была тайная типография и громадный склад революционных брошюр, подлежавших раздаче войскам и рабочим. Сверх всего этого, найдена была химическая лаборатория, с огромным запасом взрывчатых веществ, и целый арсенал разного рода оружия, не говоря уже о захваченной, корреспонденции, которая неопровержимо свидетельствовала, что «примерный патриот» состоял в постоянной связи со всеми анархическими центрами старого и нового света, а дом его служил пристанищем революционерам и заграничным масонам, принимавшим живейшее участие в заговоре, с целью разрушения и расчленения России к вящей славе Израиля.

Но, как сказано выше, всё это замалчивалось; зато из похорон Еноха собирались сделать внушительную политическую демонстрацию.

Взбешенное неудачей, но отнюдь не павшее духом, еврейство всё ещё считало себя близким к цели, воображало, что занимает господствующее положение и подготавливало громадную, всероссийскую забастовку, которая должна была парализовать все жизненные артерии государства. Вместе с тем, опираясь на поддержку правительства, открыто говорилось, что первый министр и будет президентом Всероссийских Соединенных Штатов.

Дом Аронштейна был наскоро приведён в порядок, и в большой зале, обтянутой чёрным, устроен катафалк. В то же время, разосланные во все стороны телеграммы звали на похороны родных и друзей покойного. И вот, отовсюду потянулась бесконечная родня: всякие Аронштейны и Бернштейны, Розенблумы и Розенштамы, Мандельштамы, Мандельштерны и Финкельштейны, Цимметвурцели, Цвибельвурцели, Фейлхенвурцели, просто Вурцели и т. д. и т.д. Совершалось, словом,

нашествие иноплеменных, а во всём доме стоял «плач и скрежет зубов».

Впрочем, немало народа перебивало и в губернаторском доме для изъявления соболезнования ввиду постигших семью утрат; хотя, правду сказать, такого рода «печальниками» руководило больше любопытство, чем истинное сочувствие.

Помимо этого, со всех сторон сыпались ядовитые стрелы, оскорблявшие самолюбие Георгия Никитича. Стали получаться анонимные письма с обвинениями Арсения: одни - в сообщничестве с бунтовщиками и ведении революционной пропаганды в войсках, другие в преступной связи с мачехой.

Другие послания, адресованные Нине, выражали удивление, что её нет у смертного ложа супруга. Попадались часто и письма с соболезнованиями по поводу понесённой ею тяжкой утраты, причём ей советовалось быть мужественной и отнюдь не пренебрегать ролью «неутешной вдовы», ввиду того что злые языки утверждают, будто она не совсем безучастна в убийстве человека, за которого вышла замуж

только ради его богатства, а потому было бы неблагоразумно и, главное, неосторожно подтверждать эти сплетни внешним равнодушием. Кроме того, под бандеролью ей присылались массажи вырезки из всякого рода газет со статьями на смерть Еноха, где описывалось её и Лили неутешное горе. Эти подлые нападки тяжело отзывались на князе, а Нина плакала и волновалась до того, что даже заболела.

Но и среди бесчисленной родни Аронштейна шло лихорадочное волнение и громкое разногласие. Меньшинство, - старики и фанатики, восставали против христианского богослужения у тела достойного сына Израиля. Они утверждали, и не без основания, что самое крещение Еноха было ничем иным как комедией, разыгранной с дозволения кагала для того, чтобы он мог беспрепятственно захватить понравившуюся ему дочь «акумов», а если смерть положила всему этому конец, то теперь уже было преступно осквернять усопшего совершением «бессмысленных», «языческих» обрядов, но большинство и слушать их не

желало, а, наоборот, хотело использовать родство с князем в целях скандала, как политического, так и частного характера. Вся эта орава бесилась, не видя вдовы на бесчисленных панихидах, служившихся у гроба.

Особенно волновался и неистовствовал Розенблум, муж сестры Еноха, богатый киевский финансист, крупный фабрикант и поставщик на армию. Его приводило в бешенство не только отсутствие Нины, но и дошедшее до них известие о том, что Зинаида Моисеевна схоронена будут на местном городском кладбище, тогда как тело Арсения предполагали отправить в Петербург для погребения в родовом склепе Пронских в Александро-Невской лавре, рядом с матерью и бабкой.

Накануне похорон Еноха, Розенблум поехал поутру к губернатору. Но курьер заявил ему, что раненый князь никого не принимает, и по всем служебным делам следует обращаться к фон Заалю; если же ему угодно просить губернатора по личному делу, то пусть обратится к дежурному чиновнику особых поручений, Алябьеву.

Служебный кабинет губернатора, расположенный в первом этаже, сильно пострадал в день беспорядка и, ввиду того, что главная масса дел была сдана вице-губернатору, Георгий Никитич разрешил принимать просителей, обращающихся лично к нему, в маленькой гостиной на своей половине. Туда и направился Розенблум. В зале было человек двадцать просителей, большею частью русских и родных тех, которые были заключены под стражу за участие в беспорядках. Явились они к князю потому, что не хотели подавать прошений фон Заалю, достаточно прославившемуся своим возмутительным пристрастием к евреям и прозванному за это в народе «жидовским батькой».

С присущей ему наглостью, Розенблум направился к Алябьеву и оборвал разговор его со старухой, о чём-то просившей со слезами на глазах.

- Я вынужден обратиться к вашему содействию, - сказал он, едва кивая головой, - чтобы добиться свидания с моей belle-soeur¹⁵,

¹⁵ невесткой

вдовой покойного Евгения Аронштейна. Швейцар наотрез отказался впустить меня под предлогом, что она больна и не принимает. Алябьев обернулся и смерил нахала взглядом.

- Нина Георгиевна действительно нездорова. Кроме того, ей не о чем, я полагаю, говорить с вами, г-н Розенблум, и меня, право, удивляет ваша настойчивость тревожить больную, глубоко огорчённую смертью брата.

- Вот ваши слова действительно могут удивить всякого здравомыслящего человека, - ядовито ответил Розенблум. - А ещё удивительнее - грубая бестактность со стороны самой вдовы, Нины Аронштейн. Завтра хоронят несчастного, всем для неё пожертвовавшего человека, которого её подлые соотечественники убили у неё же на глазах, а эта бессовестная женщина, ни разу не пришла помолиться у гроба за упокой его души, ни слезинки не пролила над его безвременной трагической кончиной. Вот для того, чтобы напомнить этой бездушной женщине её обязанности, потребовать, чтобы она исполнила последний, заслуженный её покойным мужем долг, я и пришёл сюда и не

уйду, не переговорив с ней. А потом ей никто не мешает сколько угодно оплакивать этого негодяя брата, понёсшего вполне заслуженное наказание за то, что забавлялся стрельбой по неповинным мирным людям, законно и безвредно радовавшимся своему освобождению от тиранства!..

Лицо Алябьева стало багровым, но он сдержал себя и строго ответил:

- Прежде всего, попрошу вас, милостивый государь, умерить ваш голос и не забывать, что здесь вы не в синагоге и не на митинге, а в приёмной начальника губернии. Затем, я не позволю вам поносить память покойного князя Арсения, и в случае повторения вашей гнусной клеветы, велю курьерам вас вывести проворнее, чем вы сюда влетели. Наконец, заявляю вам, что здесь нет никакой вдовы Аронштейн, а есть только дочь князя Пронского, которой похороны покойного банкира нимало не касаются...

- Что?.. Что вы говорите?.. Похороны мужа не касаются его вдовы?.. - в бешенстве завизжал Розенблум. - Нина Георгиевна законно обвенчана с Аронштейном, и на это есть

документы, за подписью её самой, священника и свидетелей.

- Не потому ли вы так настаиваете на законности этого брака, что желаете обеспечить Нине Георгиевне часть наследства? - насмешливо спросил Алябьев.

- Наследства?... По какому же праву могла бы она его требовать? - нерешительно пробормотал озадаченный Розенблум.

- Успокойтесь, требовать наследства она не будет, потому что не считает законным свой брак, заключённый под угрозой убийства отца, и будучи завлечена в подлую ловушку. А теперь, довольно об этом, и потрудитесь удалиться. Беспокоить Нину Георгиевну своим присутствием вам не для чего, ввиду того, что у неё ровно ничего нет общего ни с вами, ни с вашей семьей.

- Это мы ещё будем пашмотреть, - в ярости зашипел Розенблум. - Я и без вашего позволения найду дорогу...

Он кинулся к дверям во внутренние комнаты, перед которыми стоял Алябьев, и так его

толкнул, что тот чуть было не потерял равновесия, но, во всяком случае, не утратил присутствие духа.

Быстро схватив еврея за фалды, он отбросил его назад, на что тот ответил ударом кулака в грудь и снова попытался ворваться в дверь. Но на этот раз терпение Алябьева истощилось, и крепкая затрещина запечатлелась на пухлой физиономии Захария Соломоновича, который зашатался, наткнулся на дубовое кресло и, пытаясь удержаться, схватился за маленький столик, но опрокинул его и сам грохнулся на колени.

Находившиеся в комнате просители ахнули от изумления, при виде этой мгновенно разыгравшейся сцены. Но Розенблум вскочил уже на ноги и, сжав кулаки, бросился к Алябьеву.

- Гевалт!.. Удовлетворения!.. Требую удовлетворения! - завопил он. Но Кирилл Павлович достал из кармана револьвер и презрительно улыбнулся, видя, как Розенблум в ужасе метнулся в сторону от направленного на него оружия.

- Первое удовлетворение запечатлено на вашей физиономии, тем не менее, я не отказываюсь от поединка на каком угодно оружии и вечером пришлю вам своих секундантов, а утром мы будем драться. Может быть, я даже доставлю вам счастье сопровождать достойного вас зятя на «лоно Авраамово», - сказал Алябьев презрительно.

- Прекрасно. Но прошу, не предрекайте заранее, кто из нас попадёт в рай, - прошипел обозлённый еврей, почти бегом вылетая из комнаты.

Пока всё это разыгрывалось в приёмной губернатора, не менее тяжёлая сцена происходила в комнате князя. Приехала Роза Аронштейн; а матери усопшей княгини вход был свободный. Банкирши не было в Петербурге, когда пришла депеша с известием о смерти Зинаиды, что и объясняло её запоздалый приезд.

При виде обезображенного тела дочери, она подняла вопль и вообще впала в ужасное и притом шумное отчаяние, но затем, несколько опомнившись, потребовала у горничной успокоительных капель и спросила про князя, а

та, без всякого злого умысла, провела её до дверей комнаты, где лежал Георгий Никитич.

Мадам Рейза влетела туда, как бомба, и на больного посыпался град всяких обвинений и упрёков, смысл которых был тот, что он плохо берёт и охранял вверенного его попечению «ангела», что он покинул жену на произвол судьбы и обрек её этим на ужасную смерть, крайне загадочную и могущую возбудить подозрения, наконец, что она с мужем непременно потребуют у него отчёта в его поведении.

Георгий Никитич хмуро и молча слушал её. Когда же банкирша, наконец, смолкла, чтобы перевести дух, он холодно и презрительно ответил:

- Я принимаю в соображение, сударыня, ваше материнское горе и им извиняю грубые оскорбления, которые вы осмелились наносить мне в моём доме. Пока ваши достойные сородичи влекли меня в тюрьму освободить убийц и разбойников, в это самое время ваша дочь была ограблена и убита. Если бы вместо того, чтобы сидеть дома, княгиня не бежала на

улицу, с ней ничего, наверно, не случилось бы; а держать её у себя в казарме я, понятно, не мог. Вообще в этот день много творилось странного и подозрительного. Например, совершенно необъяснимо присутствие в спальне жены вашего родственника, Когана, занимавшегося, между прочим, ограблением драгоценностей с бывшей там иконы. Дело суда раскрыть такого рода тайны, а потому к нему вы и потрудитесь обратиться.

Упоминание про Когана и известие, что похороны Зинаиды Моисеевны назначены на завтра в девять утра и без всяких торжеств, вызвали новый взрыв упрёков и негодования.

Но князь был твёрд и объявил, что не допустит, чтобы погребение жены служило предлогом для политических демонстраций; а для публичного скандала достаточно было похорон Еноха и Лейзера. Аронштейнша удалилась, наконец, обозлённая, как фурия.

Глава 16

Кирилл Павлович не сказал о предстоявшей дуэли ни Нине, ни князю. Ему не хотелось тревожить невесту и больного Георгия Никитича, у которого визит тёщи вызвал лихорадочное состояние и жар.

В течение дня секунданты обеих сторон виделись и постановили, что поединок состоится на пистолетах завтра, в пять часов утра, в отдалённом от города укромном месте.

Намереваясь, на всякий случай, написать несколько писем, сделать кое-какие распоряжения и поспать несколько часов перед дуэлью, Алябьев рано распрощался и ушёл к себе. Когда он подходил уже к дому, из-за угла тёмного переулка раздались выстрелы; но, к счастью, одна пуля пробила только его шляпу, а другая просвистела мимо уха, тоже не задев его.

- Гм! Значит, Бунд принимает меры, чтобы поединок окончился в пользу благородного Розенблума, - подумал он, входя в подъезд.

Поразмыслив, он приказал человеку зажечь лампу на письменном столе, стоявшем у окна, и спустить штору; но сам за стол не сел, а

поместился в спальне и, опустив портьеру, принялся за писание писем, на случай смерти. Одно письмо адресовано было Нине, другое матери и третье князю; а затем он сделал разные распоряжения насчёт своего состояния. Дуэли он не боялся, но произведённое покушение указывало, что жизнь его подвергается серьёзной опасности.

Прошло часов, может быть, около двух с его возвращения, как вдруг со стороны кабинета раздалась трескотня выстрелов, сопровождаемая звоном стекол. Почти тотчас же в комнату влетели привлеченные шумом лакей и прочая прислуга. Оказалось, что град пуль разбил окна, из которых одно выходило на улицу, а другое в сад; кроме того, пули разбили абажур на лампе, пробили спинку кресла и засели в стене. Сиди Алябьев перед письменным столом, он неминуемо был бы убит.

Нападавшие, разумеется, скрылись, и преследование не дало никаких результатов.

Шёл уже второй час ночи, а бдительный глава полиции. Казимир Боявский, сидел ещё за работой в своём кабинете. В это время дежурный

вестовой доложил ему, что какой-то господин желает его видеть по крайне важному и спешному делу; в запечатанном конверте оказалась карточка Захария Соломоновича Розенблума, и Воявский приказал впустить посетителя.

К счастью для самолюбия достойного «джентльмена», тот не видел презрительно глумливой улыбки на лице полицеймейстера, когда он остался один.

Минуту спустя, Воявский почтительно и дружески встречал Розенблума, усадил его в кресло и озабоченно осведомился, чем мог ему служить. Взмолнованный Розенблум рассказал про своё утреннее посещение губернаторского дома и описал своё столкновение с Алябьевым, окончившееся неизбежным вызовом на дуэль.

- На моё справедливое требование, чтобы вдова моего несчастного beau-frere'a¹⁶ присутствовала на его похоронах, как повелевает ей долг, этот наглый чинушка ответил мне оскорблением действием, а теперь вознамерился

¹⁶ прекраснейшего брата

меня убить. Вы понимаете, что нет ничего легче: я - финансист, делец, а не дуэлист.

- Не бойтесь, уважаемый Захарий Соломонович, уж я сумею предотвратить эту пустую дуэль, где благородная жертва обиды подвергается ещё и опасности быть убитой. Но, за всем тем, дозвоьте вам заметить, однако, что с вашей стороны было не политично поднимать такой вопрос, если уж молодая особа не пожелала подчинить себя внешнему приличию. Между нами говоря, брак Нины Георгиевны был актом насилия со стороны нашего незабвенного президента, и в настоящее время дело сорвалось. Поэтому надлежит быть осторожным и не шевелить пепла неблагоприятных деяний этого дня, что повредит великому общему делу. Особливо теперь, когда готовятся всякого рода благоприятные для нас перемены. Но, это - между нами, разумеется...

- Ах! Что вы говорите? Неужели? В моей скромности вы можете быть уверены, - воодушевился сгоравший от любопытства Розенблум.

- Я только что получил конфиденциальное письмо от своего приятеля, служащего в канцелярии первого министра, - начал Боявский, многозначительно подмигивая. - Тот пишет мне, что в высших сферах мечут громы и молнии на князя. Его бы немедленно сместили и отдали под суд без разговоров, не будь у него сильных связей и прочной поддержки, а это вызывает известные церемонии. Тем не менее, на днях он получит бумагу, в которой ему советуют... полечиться, - ха, ха, ха! - и сдать все дела фон Заалю. За сим он получит приказание явиться в Петербург, объяснить свои поступки и оправдаться в обвинении, что не принимал никаких мер для предупреждения беспорядков и избиения несчастных беззащитных людей зловредной, озверелой толпой; своим двусмысленным поведением поощрял, наоборот, реакционеров к борьбе с «освободительными» мероприятиями правительства, грабежу в городе и убийству таких, например, почтенных и просвещённых лиц, принадлежащих к избранному обществу, как банкир Аронштейн и бедный, гениальный артист Итцельзон. Наконец, князя обвиняют в упорном, хотя и глухом

сопротивлении, окончательно подорвавшем все благие, примирительные и гуманные меры вице-губернатора с полицеймейстером. Своими провокационными действиями он понудил несчастное еврейское население к самообороне. Словом, наш слетевший уже почти губернатор проведёт очень неприятные минуты в кабинете премьер-министра. Вы понимаете, Захарий Соломонович, что как только власть управления очутится в руках фон Зааля и моих, всем патриотическим безобразиям наступит конец, но я попрошу и вас воспрепятствовать, со своей стороны, чересчур шумным выступлениям. Например, мне сейчас доложили, что на Алябьева ночью произведено было два покушения. Это нехорошо, знаете ли, и для вас, и для меня.

Розенблум смущённо опустил глаза и поиграл брелоками на часах.

- Понимаю, понимаю. Это всё - неуместное увлечение моих молодых друзей, горячих головушек. Но я приму меры, чтобы это не повторилось.

- Вот и отлично. Надо, батенька, стараться иначе отделаться от этого неудобного г. Алябьева.

Они поболтали ещё немного, и Розенблум стал прощаться, а, уходя, положил в фарфоровую вазу на столе запечатанный конверт.

Проводив гостя, успокоив его уверениями, что непременно помешает дуэли, Боявский, вернулся в кабинет и торопливо вскрыл оставленный «на память» конверт. Увидав вложенные две бумажки по пятьсот рублей, полицеймейстер приятно улыбнулся.

- Хорошо платят эти пархачи, если им служить... Этого у них отнять нельзя, - проворчал он, запирая деньги в письменный стол.

На следующее утро Алябьев с двумя секундантами и врачом прибыли вовремя на избранное для поединка место, но противников им пришлось дожидаться около получаса. Розенблум прибыл в карете со своими секундантами, - адвокат Фингером и менялой Лаусом, в сопровождении доктора Вюлина.

Алябьев просил поторопиться, но г.г. Лаус и Фингер были ужасно мелочны и затягивали приготовления. Розенблум был бледен, казался смущённым и беспокойно взглядывал на часы.

«Что значит запоздание Боявского, - тревожно думал он. - Уж не козни ли это проклятых «гоев», задумавших задержать услужливого Боявского с приставом и четырьмя городскими верхом».

- Что здесь такое, господа? Поединок? Этого я не допущу! - крикнул полицеймейстер и распорядился отобрать пистолеты.

Сладко улыбаясь, подошёл он к Алябьеву, но тот не заметил, казалось, протянутой ему руки и пристально глядел на расцветшего вдруг Розенблума, а затем разразился громким смехом.

- Ха-ха-ха! Вы предупредили полицию?.. Это уж совсем по-жидовски... Тфу!..

Он плюнул по направлению противника, повернулся к нему спиной и пошёл с приятелями садиться в ожидавший их автомобиль.

Первое время «на поле брани» все молчали. Лицо Боявского стало зелено-жёлтым, и он злобно смотрел вслед удалявшемуся экипажу.

- Натуральный москаль! Надо надеяться, что царству всей этой русской шайки пришёл конец, - проворчал он, оборачиваясь к задыхавшемуся от ярости Розенблуму.

- До свиданья, Захарий Соломонович. Поздравляю вас с благополучным окончанием неприятного инцидента.

- А на похоронах мы увидимся? - спросил Розенблум, крепко пожимая руку полицеймейстеру.

- Без сомнения. Наша священная обязанность - отдать честь памяти таким выдающимся людям, во всех отношениях бывших украшением нашему городу. Вице-губернатор тоже непременно будет, чтобы выразить свои соболезнования всему семейству.

Несколько часов спустя торжественное шествие провожало к месту вечного успокоения тел Еноха и Лейзера. Налицо были правительственная и городская власти; целые

отряды учащейся молодежи с красными флагами и венками, тоже украшенными красными же лентами, шли впереди и позади гробов, а затем на кладбище гремели революционные зажигательные речи. Восторженно превозносились добродетели «жертв», невыразимая печаль всего музыкального мира и неутешная скорбь родины, потерявшей «лучшего из сынов своих», который, во всяком случае, служил бы драгоценнейшим украшением русского парламента.

Вечером того же дня в одной из зал дома умершего Аронштейна, наскоро приведённой в порядок, собралось многочисленное общество. Помимо родных, присутствовали раввин, Апельзафт, и наиболее видные представители еврейской общины, а среди них Гирш Манер, старый фанатик, явившийся повидать Фейгу, которая приходилась ему родственницей по жене.

Общее внимание было обращено на Розу Аронштейн, облаченную в глубокий траур и сидевшую с заплаканными глазами и вспухшим от слёз лицом. Рыдая и ругая князя, она

рассказывала, что похороны несчастной Сарры были жалкими и происходили рано утром; стащили её на кладбище без всякой почести, как собаку, а из княжеской семьи присутствовала только Нина, но и та не проронила ни слезинки.

Сообщение повлекло комментарии и обмен мнений в связи с ядовитыми замечаниями по адресу Георгия Никитича с семьей и восхвалением Еноха с Саррой, которые приравнивались к ветхозаветным героям.

Из собравшихся только Фейга да Гирш Майер не раскрывали рта и сидели в сторонке, оба хмурые. Ни тот, ни другая не присутствовали на утренних похоронах, а остались дома, посыпав главу пеплом и разодрав на себе одежду. Когда возобновились причитания и упрёки на князя с Ниной, старуха вдруг поднялась и холодным презрительным взглядом окинула собравшихся. Голос её зазвучал строго и негодующе:

- Ну-у? Когда же вам надоест ваша глупая болтовня? - сказала она. - Что вы посеяли, то и пожали! Вы пренебрегали законами Иеговы, попирали их, и вот Его рука поразила вас. Когда

Мойша и ты, Рейза, отдавали Сарру уф жены акуму, я говорила вам: - Schlecht Geschäft¹⁷.

- Мне надо бы сказать тогда: - Strafbar Geschäft¹⁸. Вот что! Из-за глупого хвастовства вы толкнули вашего дитю на сожительство со скотом, потому вы знаете, что акум перед Господом уфсё равно, как животное. Вот Иегова и отнял у вас ваше единственное дочке и поразил её постыдной смертью. Из-за вас она лишилась почётного погребения, могилку её будет крест давить, а проклятый гой, которому нужно было только ваше золото, будет плевать на её память. Такая же слепота стоила жизни и Еноху. Из-за этой девчонке, да смешного прозвища «Прежидет» он рисковал; ну, и потерял уфсё богатство земное, которое даровал ему Иегова. Ему, что и вам, нужна стала сиятельная родня? Пфай! И что таково «князь»? Пустой карман, и только. Из нас - каждый «князь», когда у него есть гелды. За них, ведь, гой гнёт перед нами спину и служит нам. Дураки - вы, дураки, коли не умеете ценить власть, которую даёт золото.

¹⁷ плохой торг

¹⁸ преступный торг

Да, да, маленький золотой карбованец, который катится вокруг света, давит всё, что стоит поперёк дороги, царства и царей, открывает уфсе двери, а вас делает владыками вселенной. И что вам нужно больше того, что обещал вам Иегова в книге закона?... - «Когда же введёт тебя Господь, Бог твой, в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не сажал, и будешь есть и насыщаться» / Втор 6, 10 и 11 /. - Исполнилось пророчество его. Уф стране этой, вы не хозяева, щто-ли? Не занимают разве сыны Израиля дворцы князей земли и не кормят ли сановников крошками со стола своего? Их города, торговля, железные дороги не принадлежат ли они нам, а кошелёк их не уф нашем ли кармане? И в такой-то момент вы попираете закон? Бойтесь, чтобы рука Иеговы не поразила вас так жестоко, как моего сына, Мойше, Еноха и других...

Речь старой еврейки произвела на присутствовавших впечатление вылитого ушата холодной воды. В комнате все молчали, и один только Гирш Майер одобрительно кивал головой.

- Господь говорит твоими устами, Фейга. Не торжество народу нашему готовят эти нечестивые безумцы, а новые бедствия. Молодежь не знает больше удержу и повиновения, сходится с гоями, нарушает предписания закона и ожесточает всех против себя. И вот, когда рассерженный Иегова отнимет от вас руку свою, тогда все восстанут против Израиля и наступят для народа нашего новые века страданий и гонений.

Между тем, впечатление, произведённое словами Фейги, проходило, а выступление Гирша Майера вызвало шумный протест.

- Удивляюсь я тебе, Гирш. Ты такой знаток закона, а говоришь глупости, - ядовитым тоном заговорил Розенблум. - Ты обвиняешь нас, что мы сходимся с гоями и нарушаем закон? А забыл разве, что всякое нарушение закона дозволено, раз оно идёт во вред акумам. Как же вредить им,

как развращать и доводить их до скотского состояния, если не смешиваться с ними? Нам нечего бояться гнева Иеговы, потому что мы поступаем согласно воле его. Он сказал: «И ты истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, даёт тебе; да не пощадит их глаз твой; и не служи богам их, потому что это сеть для тебя» / Втор 7, 16/. - Разве уже не наш, между прочим, этот пропившийся, обнищавший, грязный, оскотинившийся из-за нищеты и слепой народ, который сам же помогает себя уничтожать? Разве не предназначен он быть нашим послушным рабочим скотом на богатой и плодородной земле этой, где скоро воздвигнется новый Сион и трон Израиля? Близок час исполнения слова Исаии: «...и принесут сынов твоих на руках и дочерей твоих на плечах. И будут цари питателями твоими и царицы их кормилицами твоими; будут кланяться тебе лицом до земли и лизать прах ног твоих». /Исаия 49, 22-23 /. «Народ и царство, которые не станут служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся... Ты будешь насыщаться молоком народов и груди царские сосать будешь.» / Исаия 60, 12 и 16/. - И вот в ту

минуту, когда наступает победа, ты каркаешь, как ворона, суля несчастье и гонения, - вопил Розенблум.

- Да, да! Мы хотим насладиться, наконец, могуществом, хотим согнуть в бараний рог гоев. Довольно презрения и обид, пришёл и наш черёд!.. - со всех сторон кричали негодующие голоса. - Месть, беспощадная месть, - вопил Розенблум, потрясая кулаками.

Молодёжь и, в особенности, женщины вторили хором. Гам и возбуждение обоих лагерей росли ежеминутно, и, возможно, что прения закончились бы потасовкой, когда Майер указал, что Израиль многократно бывал на вершине власти в Египте, Ассирии, Испании и всё-таки падал затем ниц, потому что не умел использовать свою победу, а губили его напыщенность и вражда с гоями. Но тут вмешался раввин.

Застучав громко по столу, он приказал всем молчать и стал выговаривать присутствовавшим, что подобный скандал в доме умершего неприличен, и что для успеха их «доброго дела»

надо только слепо повиноваться повелениям святого кагала.

Несколько дней спустя князь получил из министерства приказание сдать должность вице-губернатору, а самому, как только позволит здоровье, предлагалось явиться в Петербург, дать отчёт в своих действиях и оправдаться в предъявленных ему обвинениях.

С презрительно-горькой усмешкой Георгий Никитич протянул бумагу Алябьеву.

- Вот весточка, которую я ждал, и получение которой предвидел. Забавно, что на меня взваливают одновременно и участие в бунте, и провокаторство, ввиду моей ненависти к несчастным агнцам израильским, которых я отдал будто на произвол народа. Впрочем, - продолжал князь, - эта бумага разминулась с посланным мною прошением об отставке. Я устал, мне отвратительно всё, что я здесь видел и перенёс. Поэтому я с радостью передам дела в такие чистые и - не скажу «золотые», - а «позолоченные» руки фон Зааля и Боявского. Правительство может быть спокойно: никто из русских не станет защищать здесь крестные

ходы и иконы, несчастный народ и величие монархической власти. На меня давно уже косятся «на верхах» и считают за беспокойного человека с тех пор, как я разоблачил и предал гласности злоупотребления по Красному Кресту, в Москве, и перевозке раненых. Только женитьбой на той Аронштейн я вернул себе отчасти расположение «правлящих сфер», и моё назначение сюда последовало, конечно, по протекции моей бывшей еврейской родни. Надеялись должно быть, что под её влиянием я стану благоразумнее и перестану распинаться из-за «какой-то России»... Теперь я только Бога молю поскорей поправиться и уехать; а уж в Петербурге я сумею за себя постоять.

На следующий же день утром, сдав дела фон Заалю, князь сидел с дочерью, обсуждая вопрос об укладе и отъезде, когда приехал Кирилл Павлович.

Он был так расстроен и бледен, что отец с дочерью с тревогой спросили, что случилось.

- Нечто настолько возмутительное, несправедливое и оскорбительное, что я весь дрожу от негодования, - взволнованным голосом

сказал он. - Вообразите, я получил только что совет... подать немедленно в отставку, вследствие того, что мой образ действий не отвечает намерениям правительства. Мне ставят в вину, как явную провокацию, предполагавшуюся дуэль с Розенблумом, моё похождение в доме Аронштейна одновременно с «погромщиками» и не менее подозрительное... Но нет. Не хочу я рта марать, повторяя смешные, глупые, но, тем не менее, подлые обвинения, взводимые на меня жидами, при участии Боявского. Бедная Нина Георгиевна, должен вас предупредить, что вы собираетесь выходить замуж за человека, преследуемого неудачами. Тринадцать лет меня держали «помощником» в той канцелярии, где я имел «честь» служить, а в это время, у меня под носом, что называется, проходили кузены, друзья и любимцы моего шефа, часто несравненно моложе меня по службе, некоторые пристраивались на теплые места по такой родственной протекции, а главное, - имели счастье принадлежать к инородцам и, особенно, немцам. Как я обрадовался возможности распрощаться с этим мирком, где наш самовластный начальник

отмечал, правда, мою службу разными учётными званиями и мнимыми должностями, но которые не давали мне повышения по службе и не прибавляли ни копейки содержания, а ставили меня только в сложное положение и бросали тень на мою служебную репутацию. И едва успел я найти здесь новую деятельность, как несколько чумазных жидов и какой-то польский шабесгой самовластно разбивают мою карьеру. Право, приходится считать за особенное несчастье быть Русским, гонимым даже у себя на Родине, которого любой проходимец может втоптать в грязь.

В его голосе звучала глубокая горечь, и на глазах блестели слёзы негодования. Нина взяла его руку и крепко пожала.

- А я рада, что вы не будете больше рисковать головой, и рисковать, прибавлю, напрасно... Разумеется, я прекрасно понимаю, насколько всё это обидно для вас, как и для папы; но в данную минуту и он, и вы здесь лишние. Люди неподкупные и любящие свою Родину - не нужны, а требуются людишки с гибкими спинами, без убеждений и принципов, всегда

готовые служить тёмным делам, обиранию страны и предательству Родины иноземцам.

- Пожалуй, Нина и права, - вмешался князь. - В наше время Русский - проникнутый устарелыми идеями Православия, монархизма, национализма и любви к абстрактному понятию, которое называют «Россией», - неудобен и даже вреден; на него косо смотрят и отгораживают китайской стеной от влиятельной и полезной деятельности. Проданная и лишённая национального самосознания страна в таких людях не нуждается. Остаётся примириться со своей участью, мой друг, и надеяться на лучшие времена. А лично за себя горевать вам не стоит! Слава Богу, у вас с Ниной есть, на что прожить и без службы. Вы любите друг друга, и это главное. А вот вам и новость. Сегодня я получил письмо с известием о смерти двоюродного брата, графа Милецкого, единственным наследником громадного состояния которого являюсь я. Полагаю, что это ничему не вредит.

Уступая просьбам невесты, боявшейся нового покушения со стороны мстительного еврейства, Алябьев поспешно уладил свои дела и через

неделю уехал в Петербург. А недели две спустя отбыл из Славгорода и князь с семьей. Выехал он скромно, как изгнанник, за то, что осмелился защищать Русские интересы и не был послушной игрушкой в руках владык нашего времени - евреев. Впрочем, и минута отъезда князя ознаменовалась покушением на его жизнь.

В карету, отвозившую на вокзал Георгия Никитича с дочерью, была брошена бомба. Кучер был убит, а лакей, несколько прохожих и лошади - ранены; но, по счастливой случайности, князь с Ниной остались целыми, и благодарили Бога, что ехали, наконец, в Петербург.

На лазоревом берегу, между Болье и Ниццой, стоит окутанная садом большая и красивая вилла. На просторной террасе с мраморными перилами мы находим князя Георгия Никитича с семьей.

Он вполне оправился, набрался сил, и лишь поседевшие волосы да горькая складка в углах рта напоминали о пережитой жизненной буре.

На буковых креслах сидели за вышиваньем Нина и Лили. Молодая вдова снова расцвела,

щёчки зарумянились, и в глазах снова загорелась отчасти прежняя весёлость. Вернувшись недавно из путешествия Нина ещё похорошела, и её привлекательное личико дышало спокойным счастьем.

Она работала рассеяннo и лишь одним ухом слушала болтовню кухни, поглядывая с улыбкой то на сестрёнку, игравшую в саду с братьями в крокет, то на отца с мужем, сидевших у стола, заваленного русскими газетами и журналами.

Князь с Алябьевым толковали о политике и с жаром обсуждали условия Портсмутского договора.

- Только такой лукавый и роковой человек, злой гений нашей несчастной России, и мог заключить этот договор, - сердито заметил князь, комкая и отшвыривая газету, которую перед тем читал.

- Это достойный венец всей его разрушительной деятельности. Недаром народ прозвал его Иудой, а патриоты Катилиной. Да и можно ли было ждать иного от гроссмейстера

масонства в России и поверенного Всемирного израильского союза, - ответил Алябьев, и гневный огонь блеснул в его глазах.

- О! Совещание с американскими евреями и наглость, с которой те требовали равноправия для соплеменников у нас, ясно доказали, «где зарыта собака», как говорят немцы. - Удивляюсь, право, чего ещё надо этому «избранному» народу? Уж, кажется, они господствуют у нас повсю, - сказал князь. - На днях я получил письмо от полковника Иванова, который пишет, что фон Зааль назначен моим преемником, а Боявский отличен и награжден за свои доблестные заслуги. Ха-ха-ха! Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно! Теперь оба они свирепствуют. Все, кто заподозрен в патриотизме, или изгоняются со службы, или убиваются, или бесследно исчезают, причём убийцы неизменно оправдываются. Только лишь бедные крестьяне, да «правые» из горожан расплачиваются тюрьмой и каторжными работами за то, что осмелились протестовать против истребления царских портретов и бросания бомб в крестные ходы. А пока эти

честные борцы гниют по тюрьмам, их семьи мрут с голода, - закончил возмущённый Георгий Никитич.

Слушавшая их внимательно Нина встала и под села к ним.

- Не стоит волноваться о том, что легко можно было предвидеть. Если уж вас обоих убрали, не церемонясь, то с бедными крестьянами, понятно, стесняться не будут; а насколько властны у нас евреи, это мы испытали на самих себе, - сказала она. - Папа, ты нам ещё не рассказал подробности твоего свидания с премьером по возвращении нашем в Петербург, - обратилась она к отцу. - Ты был тогда так раздражён, слабонервен, после перенесённых ран и смерти Арсения, что никто не решался тебя беспокоить; а потом за хлопотами со свадьбой и нашим отъездом за границу я про это забыла.

- А теперь, любопытная, желаешь знать, как я оправдался во всех возведённых на меня «преступлениях»? - смеясь, спросил князь. - Впрочем, наш разговор оживил воспоминания, и я охотно опишу вам этот мой визит. В нём есть даже некоторая пикантность.

- Когда я явился, - улыбаясь, продолжал князь, меня продержали, для начала, в приёмной с час, по крайней мере; зато прибывший несколько позже меня финансовый еврей был принят тотчас же. Разумеется, это было не только несправедливо, что жид был предпочтен русскому князю; но в то же время меня это бесило, и я всё ломал себе голову: что таилось в грузном портфеле, который этот крючковатый нёс под мышкой, и какая новая плутня решалась за этой закрытой дверью, для обогащения еврейства и обворовывания России? Когда, наконец, этот иудов сын вышел, надменный, наглый и важный, во мне всё кипело. А потом, небрежный и холодно-сладковатый приём не прибавил мне хорошего настроения. Кажется, он мне протянул руку; но видит Бог, я был тогда в таком возбуждении, что не заметил этого... Злобно взглянув на меня, он разразился обвинением в преступном бездействии власти, которое повлекло избиение «невинных», а за сим убийство жены, зятя, «гениального» мужа племянницы и достойного г-на Когана.

«Согласитесь, князь, что подобное истребление всех израильтян, породнившихся с вашей семьей, может кого угодно удивить и посеять подозрение, ввиду вашей явной неприязни к новым родственникам, которых вы или принимали очень редко, или вовсе не принимали, в том числе и вашу племянницу. Ваш покойный сын убил на улице, у всех на глазах, честного и уважаемого коммерсанта Яффе, отца многочисленной семьи. Затем, вы допускали манифестации, несправедливо оскорблявшие религиозное чувство части населения, несмотря на моё определённое распоряжение не задевать их щепетильность» и т.д., и т.д.

- Уж не помню всю уйму выставленных против меня обвинений, - продолжал князь, - и Господь лишь знает, каких усилий мне стоило, чтобы сдержаться, особенно когда премьер принялся извинять и оправдывать все пакости еврейские. Моя бедная жена якобы спасалась, по его мнению, от бунтовщиков, и ещё не доказано, не был ли Коган убит как раз за то, что прогонял грабителей от иконы; потому что репутация его

была выше такого пошлого и грубого обвинения. По поводу же подлой западни, устроенной моим «зятем» Аронштейном, он высказался снисходительно: «Разумеется, несчастный молодой человек был неправ, поступая своевольно; но страсть, подогреваемая незаслуженным презрением, плохая советчица. Вам надо было это понять, дорогой князь».

- Положение совершенно изменилось, когда я стал перечислять всё найденное обыском в доме Аронштейна, и заявил, что у меня хранится: во-первых, акт избрания Еноха в президенты республики, а во-вторых, переписка, как с Заграницей, так и некоторыми нашими высокопоставленными людьми, настолько при этом компрометирующая, что Аронштейну всё равно не избежать бы виселицы, если бы она стала известна.

Он побледнел и спросил, где находятся эти документы.

- В надёжном месте. Но я предъявлю их в своё оправдание, в случае, если против меня будет возбуждено преследование, - ответил я. - Ну, а если я погибну насильственной смертью,

подобно Плеве, эти документы будут напечатаны за границей. Они осветят совершенно неожиданным образом скрытые пружины нашей революции и её руководителей. Впрочем, я уже подал прошение об отставке и жажду лишь жить на покое, подальше от дел. Мы поняли, очевидно, друг друга с полуслова.

Никакого обвинения мне предъявлено не было, я получил отставку, и... вот мы здесь, где отдыхаю от пережитого тяжёлого кошмара. Цель моей жизни отныне - воспитывать детей, потому что я понял, насколько несовершенно было моё собственное воспитание. Чтобы быть действительно полезным Родине, мало любить её и таить в душе «благие» намерения, а необходимы знания, прочные убеждения, чуткое национальное сознание и просвещённое, упорное стремление к намеченной цели, которые только и могут преодолевать препятствия.

- Только не тогда, когда препятствием является еврейство. Оно - точно гидра: чем больше отсекаешь у него голов, чем больше дронишь его, тем сильнее оно размножается. Раздавишь его в одном месте, а оно поднимается

рядом, ещё более упорное, алчное, живучее и наглое, - не то негодуя, не то усмехаясь возразил Алябьев.

- Ох, как вы правы! Еврейство - это спрут; уж его не сбросишь, где оно присосется, - вмешалась Лили, вставая из-за пялец и подходя к столу. - Вообразите, что я всё ещё не могу отделаться от лейзеровской родни и, по-видимому, они шпионят за мной, потому что пронюхали о моём намерении поселиться здесь...

- Вот ещё! Откуда ты это взяла? - смеясь, спросила Нина.

- Очень просто, из письма моего экс-шурина. Господин Итцельзон пишет, в очень нежных выражениях, что моя золовка, Лия, желала бы провести год в Италии, для занятий пением, и так как она узнала о покупке мною недвижимости подле Ниццы (а это указывает, между прочим, что я вернула своё состояние), то мой долг - помочь ей усовершенствовать своё дарование и ввести её в общество.

- Однако это нахально. А ты что ответила? - спросил князь.

- Ответила совершенно определенно, что эпизод моего родства с Итцельзонами окончен. Видишь ли, дядя Жорж, они подозревают, что я сыскала свои деньги, хотя и не могут ничего доказать. Ещё когда Апельзафт со своим механиком вскрыли шкаф и делали опись, они казались очень озадаченными и долго трещали, как сороки, по-своему. После этого, раввин учинил мне допрос, но я невозмутимо ответила, что Лейзер никогда не позволял мне даже заглядывать в этот шкаф, ключ от которого всегда носил с собой. В письме же я ответила, что мои родные - ты, дядя, тётя баронесса Фукс и мой брат, - великодушно сложились для меня и дали мне средства к жизни. Правда, я покупаю здесь виллу, но всё же не имею никакого желания поселять у себя Лию, - облечённую, по-видимому, миссией следить за мной, - потому что хочу жить одна и попытаться забыть разочарование и возмутительные эпизоды моего жалкого супружества.

- Да, ты права. Этот случай лучше всего иллюстрирует иудейскую цепкость. У меня сердце обливается кровью, когда я думаю о

будущем нашей бедной России, обираемой и заполненной инородцами, которые втоптывают её в грязь, всячески унижают и дерзко готовятся расчлениить её. Князь встал и начал ходить взад и вперед по террасе.

- Ужаснее всего, что зачастую сами русские работают над гибелью своей Родины. Всё общество словно обезумело, оглохло, ослепло и пляшет на вулкане, который его поглотит, или протягивает руки всяким проходимцам и даже заведомым врагам, чтобы те надели на них кандалы.

- А всё-таки мне не верится, что России пришёл конец, хотя и не вижу, - должен сознаться, - откуда ждать спасения. Я только спрашиваю себя, что спасёт её? - разочарованным тоном сказал Алябьев.

- Чудо! Всегда Святая Русь спасалась чудом! - восторженно и убеждённо ответила Нина. - Наши невидимые покровители, эти чистые и мощные духом народные печальники, заступятся за нас перед троном Предвечного. Их молитвенный порыв разбудит Русскую душу от векового сна, а народ-богатырь стряхнёт оковы,

учинит расправу за все совершенные против него мерзости и железной метлой сметёт всю нечисть, преграждающую путь развития его гения и славы. Бог наказует теперь для того, чтобы образумить нас и вывести из равнодушного оцепенения. По образному выражению поэта:

Так тяжкий млат,

Дробя стекло, кует булат.

Конец.

1906 г.